П. В. АЛЕКСЕЕВ, А. Я. ИЛЬИН

ПРИНЦИП ПАРТИЙНОСТИ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

П. В. АЛЕКСЕЕВ, А. Я. ИЛЬИН

ПРИНЦИП ПАРТИЙНОСТИ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

1972

Изучение проблемы взаимоотношения принципа партийности и естествознания является актуальной задачей в борьбе с буржуазной идеологией, с различного рода концепциями «деидеологизации науки».

В работе показывается сущность ленинского понимания принципа партийности в его отношении к научному знанию. Раскрываются следующие аспекты этого принципа: социально-политический, мировоззренческо-гносеологический, общеметодологический и нравственно-этический. Выявляется, в частности, роль классово полезных оценок в отношении выбора научной информации и очерчивается сфера действия этих оценок в области естествознания. В работе также дается критика левооппортунистической концепции «социализации науки».

Работа рассчитана на студентов, аспирантов и преподавателей вузов.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

1-5-1
12—13—71

ВВЕДЕНИЕ

Принцип партийности является важнейшим принципом теоретической и практической деятельности Коммунистической партии Советского Союза. Разработка и пропаганда этого принципа необходимы в целях повышения наступательности нашей идеологии, в целях бескомпромиссной борьбы с антикоммунизмом, с правым и «левым» оппортунизмом, в целях выполнения задач, поставленных в области идеологии XXIV съездом КПСС.

Принципом партийности руководствуется наша партия в своей экономической политике, в своем отношении к науке, искусству и другим сторонам и явлениям общественной жизни.

Принцип партийности есть принцип познания, отношения и действия; это есть принцип диалектико-материалистической методологии.

Принцип партийности по праву занимает одно из центральных мест среди системы регулятивных принципов (или «правил-норм») [1], составляющих содержание материалистической диалектики как методологии. В нем в большей мере, чем в каких-либо других категориях диалектики, концентрируется идеологическая функция марксистско-ленинского мировоззрения. Принцип партийности придает всей системе принципов диалектики **социальную** устремленность на познание, отражение объективной реальности и практическое действие, на преобразование объекта в соответствии со свойствами и целями научной идеологии. Эффективность применения других принципов диалектики определяется их связью с принципом партийности и пониманием этой связи тем или иным субъектом познания, субъектом действия. При отсутствии должной связи с категорией партийности применение любой другой категории диалектики в методологических целях способно привести к узкому сциентизму, к противопоставлению познавательной функции философии ее оценочной, идеологической функции.

Категория партийности вводится в диалектическую методологию через гносеологию и через категории исторического материализма. В этой социолого-гносеологической категории

[1] Регулятивными методологическими принципами, как известно, являются принцип развития, принцип материального единства мира, принцип причинности, принцип структурности, принцип целостности, принцип отражения и др.

находит свое выражение активность субъекта по отношению к объекту, определенная социальная, идеологическая направленность такой активности. Становясь принципом, партийность требует тех или иных социальных позиций познающего и действующего субъекта, той или иной социальной ориентации, определенной жизненной, идейной установки субъекта. Принцип партийности — это принцип взаимодействия субъекта с объектом, это принцип оценки и действия. В данной связи к категории партийности ближе всего стоят гносеологические категории «практика» и «полезность». Можно согласиться с мнением Г. Клауса (1965 г.), что категория партийности является центральной в области прагматического аспекта теории отражения.

При анализе категории партийность оказывается необходимым введение понятия «субъект партийности» (материального носителя партийности), которое несколько отлично от понятия «субъект познания». Оба эти понятия тождественны лишь по наличию ряда уровней субъекта: общественного, социально-группового и индивидного. Но если в субъекте познания ведущим, центральным уровнем является общество, то в субъекте партийности таковым будет средний структурный уровень субъекта познания — класс и его первичные подразделения. Общественный и индивидный уровни могут выделяться в субъекте партийности только тогда и постольку, когда и поскольку через них «просвечивается» подлинный субъект партийности — класс, социальный слой (их могут представлять соответствующие объединения — партии, кружки и т. д.). Индивидный уровень партийности есть низший, элементарный уровень субъекта партийности. Индивид может быть субъектом познания, но не выражать определенных классовых интересов. В таком случае он не есть субъект (носитель) партийности[2]. Понятие субъекта партийности в рассматриваемом отношении уже понятия субъекта познания. Но в некоторых других отношениях первое понятие может оказаться более широким, чем второе (в понятие субъекта партийности включается, например, не только познавательное, но и ценностное отношение).

Партийность по своему объективному содержанию не является вечной в том смысле, в каком не вечен субъект партийности. Она есть явление, рожденное классово-антагонистическим обществом, неразрывно с ним связанное, неизменно ему сопутствующее и исчезающее с его исчезновением[3].

---

[2] Сказанное относится и к обществам, свободным от классовых антагонизмов.

[3] Возникновение партийности совпадает с оформлением исторически первой классово-антагонистической формации. Уже в Древней Греции, как отмечает В. И. Ленин, имела место борьба двух мировоззренческих партий — линии Демокрита и линии Платона. Через всю историю рабовла-

Партийность всецело связана с классовыми интересами и целями, а поэтому она может быть элиминирована из общественной жизни только в результате полного уничтожения антагонистических классов общества. В современную же эпоху, в которую мы живем, существует партийность пролетарская (коммунистического общества) и партийность буржуазная (капиталистического общества), и преодоление буржуазной партийности лежит прежде всего на путях усиления наступательного духа, повышения эффективности марксистско-ленинской научной идеологии и ее важнейшего принципа — принципа партийности. Буржуазную партийность способна одолеть только пролетарская партийность. Марксистско-ленинская партийность есть средство преодоления буржуазной партийности и партийности вообще.

Такую историческую миссию пролетарская партийность способна выполнить благодаря ее особому положению в ряду предшествующих ей форм партийности, а именно: благодаря ее органической связи с объективностью, благодаря ее способности активно служить истине и ее нацеленности на наиболее глубокое преобразование природной и социальной действительности. Лишь окончательное преодоление буржуазной партийности, связанное с ликвидацией социально-экономической основы, на которой она покоится, закономерно приведет пролетарскую партийность к исчерпанию своих классово-специфических функций, позволит ей выполнить свое назначение и слиться с принципами единого для всего общества научного мировоззрения. Субъект марксистско-ленинской партийности имеет тенденцию к полному «переходу» в субъект познания.

Следует различать партийность как объективную социально-классовую позицию и партийность как категорию, как сознательную категориальную фиксацию этого объективного факта.

Противоположные партийные направления существовали на протяжении более чем двух тысяч лет, а **категория** «партийность» была введена в науку сравнительно недавно — в 40-х годах прошлого столетия [4].

дельческого, феодального и капиталистического обществ проходит антагонизм этих прогрессивных и реакционных «линий», достигая наивысшего своего накала в борьбе партийности пролетарской и партийности буржуазной.

[4] До этого момента ряд проницательных умов (в частности Гегель) высказывали положения, тонко подмечавшие отдельные моменты партийности. Невозможность научного понимания партийности обусловливалась тогда помимо классовой ориентации самих буржуазных мыслителей и ограниченного уровня социологического знания недостаточной зрелостью общественно-политического движения. Так, французская революция 1789—1794 гг. характеризовалась, как известно, многосложным переплетением интересов буржуа, ремесленников и крестьян, отсутствием четкой диффе-

В выделении партийности как специфической философской категории заключается всемирно-историческая заслуга К. Маркса и Ф. Энгельса. Благодаря им, партийность впервые была возведена в **принцип.** Ни в одной философской системе до Маркса и Энгельса, а в современный период — ни в одной философской системе, кроме диалектико-материалистической, партийность не являлась и не является методологическим принципом. Нет и не может быть **буржуазного** принципа партийности, хотя есть буржуазная партийность.

Употребляя термин «принцип партийности», мы всегда имеем в виду, что этот принцип — «пролетарский», «коммунистический», «марксистско-ленинский». Выражение «принцип коммунистической партийности» не несет в себе в связи с этим никакой новой информации по сравнению с более лаконичным термином «принцип партийности».

Партийность сама по себе есть **родовое понятие**, включающее ряд форм. При конкретном анализе необходимо вводить определение, относящееся к соответствующей форме. Партийность же как принцип соотносима только и единственно с идеологией марксизма-ленинизма.

Наряду с понятием «принцип партийности» употребимо понятие «ленинский принцип партийности». В понятии «ленинский принцип партийности» отражается тот вклад, который внес своими трудами В. И. Ленин в дальнейшее обоснование принципа партийности. В. И. Ленин широко разработал принцип партийности применительно к новым историческим условиям, в особенности к условиям перехода всего общества от капитализма к социализму. Он создал логически завершенную концепцию коммунистической партийности, базирующуюся на исходных принципиальных положениях К. Маркса и Ф. Энгельса. Отмеченное обстоятельство делает необходимым применение в соответствующих случаях выражения «ленинский принцип партийности».

Коммунистическая партийность представляет собой содержательно-динамичный принцип материалистической диалектики как всеобщей методологии. Его динамизм заключается в следующих двух моментах: 1) в изменении его содержательности в зависимости от различных целей, в зависимости от объекта применения; 2) во внутренне присущей ему потребности к развитию и теоретическому самообогащению.

ренциации партийных позиций эксплуатируемых масс и эксплуататоров. Лишь к 40-м годам XIX в. произошла кристаллизация противоположности классовых интересов пролетариата и буржуазии и это нашло свое отражение в создании К. Марксом и Ф. Энгельсом научной идеологии пролетариата, в формировании ими коммунистической, пролетарской партийности, диаметрально противоположной партийности буржуазной.

Содержательный динамизм принципа партийности означает прежде всего его изменчивую системность: в одних случаях он имеет одну систему аспектов, в других случаях, при применении к другим объектам[5], возможна иная система (иной комплекс) аспектов. Очевидно, что принцип партийности имеет разное звучание при применении его, допустим, к руководству промышленностью, сельским хозяйством и при применении к руководству наукой, искусством; специфично проявление принципа партийности в научных исследованиях (например, в разработке истории КПСС, истории философии и т. д.) и в пропаганде марксизма-ленинизма. Здесь возникает проблема определения оптимального варианта системы аспектов для каждого конкретного случая, проблема критерия аспектности в принципе партийности.

Эта проблема нуждается в специальном рассмотрении.

Выскажем некоторые соображения, которые, по нашему мнению, могут послужить основой для более глубокого обсуждения вопроса.

Прежде всего, необходимо учитывать, что по своей содержательной структуре принцип партийности, с одной стороны, не должен быть у́же классово-политической формы идеологии, не должен исключать эту форму; с другой стороны, он не должен быть шире сферы классового общественного сознания (его уровней и форм). Принцип партийности должен быть достаточно широким и мобильным в своем содержании, чтобы установить необходимую степень связи политической формы идеологии либо с другими формами идеологии: философией, правом и т. д. (если таковые становятся объектом принципа партийности), либо с социальными явлениями, находящимися частично или полностью за пределами идеологии как таковой; должна быть найдена достаточно прочная и гибкая связь классовости с объектом, с которым ей предстоит взаимодействие, связь бесконфликтная и взаимополезная. Если одно ведущее структурное звено принципа партийности (классово-политическое) оказывается недостаточным для осуществления такой прочной связи, а сама связь способна выступить как «чрезмерно жесткая», необязательная или непродуктивная, то очевидно, что ведущее звено должно быть дополнено другими звеньями, лежащими в пределах классовости, испытывающих прямое воздействие со стороны основного звена и в то же время имеющими непосредственную связь с объектом принципа партийности. Иначе говоря, должны быть определены вторичные звенья классовости, способные гарантировать взаимосогласованную, обою-

---

[5] В данном контексте под «объектом» будет пониматься «объект партийности», который целесообразно отличать от «объекта познания».

дополезную связь субъекта партийности и объекта партийности. При такой связи объект партийности становится составным элементом новой системы («субъект — объект»), и его отношение к субъекту выявляется через отношение к каждому из структурных элементов принципа партийности.

Возьмем в качестве объекта партийности теоретическое естествознание. Исходя из представления о соответствующих сторонах этого объекта, мы найдем, что к уровням и формам социально-классового общественного сознания ведут исходные общетеоретические посылки, заключительные обобщения, система отраслевых методологий, нравственные качества самой личности ученого. В результате при применении к естествознанию принцип партийности как выражение классовости вообще может иметь следующие аспекты: мировоззренческо-гносеологический, общеметодологический, нравственно-этический и, конечно, социально-политический. В применении к руководству народным хозяйством и к пропаганде марксизма-ленинизма принцип партийности нуждается по крайней мере в социально-политическом и общенаучном аспектах, а в применении к художественной критике, к литературоведению нельзя обойтись без категорий (помимо иных), входящих в такую форму идеологии, как эстетика. В последнем случае принцип партийности обретает эстетический аспект. Но ни эстетического, ни общенаучного аспекта нет у принципа партийности, когда он нацелен на естествознание. Здесь общенаучность выступает не как аспект, а как важнейшая сущность самой партийности и как объект применения принципа партийности. Как видим, принцип партийности может иметь и имеет несколько структурных аспектов.

Принцип партийности при его конкретном применении не может быть исчерпан только одним социально-политическим аспектом прежде всего потому, что он фокусирует в себе классовую природу всего общественного сознания, всех его уровней и форм (а не одну его сторону); в нем концентрируется вся классовая идеология и психология, иначе говоря, все мировоззрение и мироощущение субъекта партийности. Однако при всем том, фундаментальным стержнем партийности является, конечно, классово наиболее развитая форма идеологического сознания — политическая идеология. Принцип партийности не может существовать без социально-политического аспекта.

Наличие различных систем аспектов у принципа партийности при его конкретном применении делает возможным различные его определения.

По-видимому, назрел вопрос о выработке частных, конкретных определений партийности[6] и универсального опре-

деления принципа партийности[6–7]. Плодотворным путем, ведущим к таким определениям, является, как известно, развертывание всего содержательного многообразия предмета исследования.

На основе факта многоаспектности принципа партийности, предполагающего, что в каждом конкретном случае на первый план может выдвигаться одна из его сторон, возможно формирование одностороннего, узкого понимания принципа партийности, сведение его к одному из аспектов: либо, допустим, к социально-политическому аспекту (исключающему все остальное), либо к мировоззренческо-гносеологическому (исключающему социально-политический аспект).

Но партийность не есть нечто, определяемое интуитивно, как кому заблагорассудится. Волюнтаристский активизм в этом вопросе как нигде чреват опасными практическими действиями. Партийность есть, прежде всего, научная проблема, требующая научного подхода и решения. Нет принципа партийности без строжайшей научности. Научность же предполагает искания, непрерывное обогащение, разработку самого принципа партийности и применение его не как догмы, а как творческого принципа.

Процесс непрерывного совершенствования принципа партийности опирается на материал, поступающий из двух источников.

Первым источником содержательного развития принципа партийности является развитие совокупности категорий материалистической диалектики.

Как уже отмечалось выше, многие категории диалектического материализма не могут правильно применяться без принципа партийности. Но, с другой стороны, в принципе партийности имплицитно (в «свернутом» виде) заключено основное категориальное содержание диалектики. Включение мировоззренческих, в том числе и общеметодологических принципов в содержание принципа партийности реализуется через аспекты самого принципа партийности. Вследствие этого разработка принципа партийности должна опираться и опирается на достигнутый уровень развития других принци-

---

[6–7] Применительно к философии дается, например, такое определение партийности: «Партийность (от лат. pars — часть) в философии — объективно-закономерная и исторически-определенная социальная, в классовом обществе — классовая, направленность всякого мировоззрения как по его предметному содержанию, так и по реальной роли в противоречивом процессе общественного развития» («Философская энциклопедия», т. 4. М., «Советская энциклопедия», 1967, стр. 217).

В качестве общей дефиниции может быть принята следующая: партийность — это определенная классовость социальной позиции субъекта.

пов (категорий) и на опыт применения всей системы принципов диалектики.

Вторым источником содержательного развития принципа партийности является общественно-исторический опыт применения самого принципа партийности, потребность в систематизации и обобщении опыта жизни.

В данном отношении недопустимо понимание принципа партийности как какого-то априорного, раз навсегда данного, не подлежащего разработке. Должна быть не только верность принципам, но и верность принципов.

В основе верности принципам в философии марксизма лежит верность принципов, их способность все более полно отражать опыт жизни, опыт познания и практики, способность все более успешно служить интересам преобразования природы и социальных отношений.

Абсолютный априоризм, налагающий табу на развитие принципов, исходит, как известно, из того, что обособляет принципы в самом их истоке, генезисе, мистифицирует их, лишая их развития. Для абсолютно-априористской концепции (а она наиболее четко выражена кантианцами) характерна трактовка принципов разума как независимых от опыта.

Независимость от опыта в марксистско-ленинской философии понимается лишь в определенном, относительно-априористском смысле — как отсутствие непосредственной определяемости принципов конкретной формой опыта. Но связь с общеисторической практикой марксизм никогда не отрицал, и эта связь является важным каналом развития любого принципа диалектико-материалистической методологии.

Перед философами-марксистами стоит задача обобщения исторической практики применения самого принципа партийности в СССР и других странах.

Актуальность дальнейшей разработки принципа партийности диктуется в первую очередь необходимостью усиления наступательности нашей идеологии в борьбе с буржуазной и ревизионистской идеологией.

В наши дни буржуазные и праворевизионистские теоретики все больше сосредоточивают свои атаки на сердцевину марксистско-ленинского мировоззрения — на сам принцип партийности, противопоставляя его научности, утверждая о его несовместимости с естествознанием[8]. Такая атака на принцип партийности не случайна.

---

[8] Например, американский «специалист» в области «истории марксизма и науки в СССР» Д. Журавский пытается доказать якобы имеющую место обратно пропорциональную зависимость науки от пролетарской идеологии: чем меньше идеология проникает в науку, тем наука «свободнее» и «объективнее», и наоборот, — значительная зависимость науки биологии от марксистской доктрины, заявляет он, привела эту биологию в отличие от физики к «кризису» (см. D. J o u r a v s k y. Soviet Marxism

В современную историческую эпоху среди передовых слоев научной интеллигенции буржуазного общества повышается чувство социальной ответственности, обостряется внимание к проблеме индивидуальной духовной свободы и к партийности как к определенной социальной ориентации личности (именуемой иногда завербованностью). Перед многими объективно мыслящими людьми буржуазного общества и перед целыми народами встала дилемма: «или капитализм — или социализм». В этих условиях, когда для многих людей решается проблема дальнейшего социального развития, неизбежен и рост интереса к вопросам взаимоотношения социализма и капитализма с наукой, к отношениям партийности и естествознания.

Отношение к науке, к естествознанию, является, безусловно, одним из критериев, позволяющих оценивать степень прогрессивности той или иной социально-экономической системы. Но решающим моментом такого отношения является общественно-историческая практика, реальные, конкретные взаимоотношения социализма и капитализма с наукой; при этом, конечно, речь идет не об одной какой-то форме или стороне проявления практики, способной иногда превратно представить сущность подлинных взаимоотношений, а о всей совокупности практики, притом — лишь о специфике такой целостности, однозначно детерминированной внутренней, сущностной связью социально-экономических систем с наукой. Эта внутренняя логика может быть раскрыта путем теоретического анализа и сопоставления специфики и содержания пролетарской (коммунистической) партийности и партийности буржуазной. В категории партийность как раз фокусируется практическое и теоретическое решение вопроса о различных взаимоотношениях социализма и капитализма с наукой.

Необходимо развитие (а где требуется — восстановление) степени доверия естествоиспытателей к принципу партийности, что возможно не только благодаря его правильному практическому применению марксистами, но и путем его

---

and Natural Science, 1917—1932. New York, 1961). Столь же далеко идущие выводы в отношении марксистско-ленинской партийности делает и Д. Вильгельм в книге «Запад может победить» (Лондон, 1966). Здесь выдвинуто, в частности, положение, будто научность марксизма не подтвердилась в его отношениях с естественными науками, о чем говорит (как считает Д. Вильгельм) недавнее пренебрежение марксистов к теории генов Менделя и Моргана. Этот миф, со ссылкой на тот же 1948 г., пытался в свое время обосновать и профессор биологии Пенсильванского университета К. Зёркль в книге под не менее сенсационным заголовком «Гибель науки в России». Выдавая желаемое за действительное, К. Зёркль заявлял, будто коммунисты разрушили генетику потому, что она оказалась несовместимой с доктриной Маркса и Энгельса, т. е. с марксистско-ленинской партийностью.

дальнейшей разработки, широкой пропаганды, путем эффективной борьбы с буржуазной идеологией.

Антикоммунистический миф о несовместимости принципа партийности и естествознания преследует цель воспрепятствовать росту популярности марксистско-ленинской философии среди ученых капиталистических стран, воспрепятствовать союзу рабочего класса с интеллигенцией, затруднить сотрудничество демократических сил с коммунистами. Этот миф ориентирует естествоиспытателей социалистических стран на отказ от сознательного применения диалектико-материалистических принципов, от их усвоения, рекомендуя в «необходимых случаях» прикрываться диалектико-материалистической, «партийной» терминологией. Этот антиидеологизм нацелен на «эрозию» коммунистической идеологии. По существу аналогичные цели преследуют и правые ревизионисты, на вооружении которых издавна находится миф о несовместимости марксистско-ленинской партийности и естествознания.

Все это обусловливает необходимость защиты коммунистической партийности, разоблачения разного рода фальсификаций и позитивной разработки самого принципа партийности.

Актуальность разработки принципа партийности (в отношении к естествознанию) обусловлена также необходимостью решения ряда проблем, возникающих в связи с современной научно-технической революцией. Одной из таких проблем является проблема рационального подхода к идеологической направляемости естественнонаучного прогресса.

Последовательное применение на практике принципа партийности содействует тому, что руководство естественнонаучным прогрессом становится одновременно и партийно-идеологическим, и строго научным.

Современная научно-техническая революция рождает также проблемы, связанные с существованием человека, с личностью человека. Стоит вопрос (в условиях классово-антагонистического общества) о противодействии процессу стандартизации личности, росту ее конформизма, ее дегуманизации и т. д. Принцип партийности в этом плане не есть отрицательный (для человеческого существования) фактор. Принцип партийности в его правильном понимании как раз исходит из такого решения проблемы человека, когда человек не безликое средство научно-технического прогресса или политических акций, а цель всей общественно-политической жизни. Всестороннее духовное и физическое развитие человека является программной целью деятельности КПСС. Вследствие этого многосторонняя интеллектуализация жизни нашего общества имеет в принципе партийности средство, противостоящее любым факторам конфор-

мистского, антисциентистского, антигуманистического характера.

Принцип коммунистической партийности не есть некий сектантский принцип, в применении которого заинтересованы только марксистско-ленинские партии. Этот принцип настолько выходит за рамки классовых интересов пролетариата, насколько эти интересы сливаются с интересами человечества в целом. Принцип партийности является принципом активного действия человека коммунистического общества; в данном смысле он общечеловечен, «общезначим». Но в этой своей «общезначимости» он не может быть совместим ни с какой иной партийностью, под какой бы маской она ни выступала.

Из предварительных замечаний, изложенных в данном разделе, следует и то, что проблема партийности есть комплексная проблема. Для ее решения необходимы усилия представителей различных специальностей: философии, социологии, политической науки, науковедения, психологии и т. п. Все они могут и должны охватить анализом комплекс вопросов, связанных с раскрытием содержания принципа партийности.

За последнее десятилетие со стороны философов заметно усилилось внимание к разработке проблемы партийности. Появился ряд работ, посвященных принципу партийности. Среди исследователей проблем партийности следует отметить П. Н. Федосеева, Ф. В. Константинова, Б. М. Кедрова, П. В. Копнина, Т. И. Ойзермана, И. Т. Фролова, Л. В. Скворцова, Г. С. Батищева, А. Е. Бовина, Б. Э. Быховского, М. П. Мчедлова, С. И. Никишова, Г. И. Куницына. Серьезное внимание проблеме марксистско-ленинской партийности в ее отношении к естествознанию уделяют философы-марксисты в зарубежных странах. Тем не менее продолжает ощущаться отставание в разработке проблемы партийности в сравнении с общим уровнем разработки других категорий и принципов материалистической диалектики. В советской философской литературе имеется, к примеру, целый ряд монографических работ и тематических сборников, посвященных самым различным принципам диалектики (принципу отражения, принципу причинности, принципу монизма, принципу развития, принципу структурности, принципу целостности и т. д.), однако до сих пор нет, насколько нам известно, ни одного монографического исследования или сборника по проблеме партийности. Принцип партийности пока не разрабатывается в том объеме, которого он заслуживает в качестве общеметодологического принципа.

Глава I

НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ И ПАРТИЙНОСТЬ

1. КОНЦЕПЦИИ «СОЦИОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ» И «СОЦИАЛИЗАЦИИ НАУКИ». ЛЕВОДОКТРИНЕРСКИЙ АНТИСЦИЕНТИЗМ

Тезис о несовместимости принципа партийности и естествознания имеет свои гносеологические истоки и обоснования. Они лежат в области определенной трактовки истины, трактовки условий научного знания, взаимоотношения субъективного и объективного в процессе познания, в области трактовки самой природы общественно-исторического (идеологического) и естественнонаучного знания.

При рассмотрении любых вариантов обоснований тезиса о несовместимости принципа партийности и естествознания обращает на себя внимание прежде всего односторонность при характеристике природы научного знания: одни считают естествознание истиной, а идеологию (принцип партийности) заблуждением, другие, наоборот, считают идеологию как составленную из одних абсолютных истин, далее не развиваемых, не способную содержать никаких элементов заблуждения, а естествознание (иных общественно-экономических формаций) — как почти сплошное заблуждение. Во всех вариантах отсутствует попытка связать идеологическое и естественнонаучное знание через определение тождественности самой их природы.

Так, согласно «социологии познания» К. Маннгейма[1],

---

[1] См. А. Фогараши. Социология знания и социология интеллигенции. «Под знаменем марксизма», 1930, № 7—8; А. Шафф. «Социология знания» Маннгейма и проблема объективной истины. «Вопросы философии», 1956, № 4; Л. Е. Хоруц. Критика теоретических основ буржуазной «социологии познания». «Вопросы философии», 1964. № 3; Л. Е. Хоруц. Критика идеалистической концепции идеологии в «социологии познания». «Философские науки», 1964, № 2; Л. Е. Хоруц. Социология познания — орудие антикоммунизма. Кн. «Против империалистической идеологии антикоммунизма». Изд-во МГУ, 1965; Л. Н. Москвичев. Критика концепции «деидеологизации» науки и проблема партийности социального познания. Сб. «Проблемы познания социальных явлений». М., «Мысль», 1968; Л. Е. Хоруц. Критика «социологического релятивизма» Карла

всякая идеология ложна, ибо, во-первых, отражает своекорыстные интересы той или иной группы в данной ситуации и, во-вторых, включает в себя утопию, нереальные мечты и планы социальной группы на будущее.

С точки зрения К. Маннгейма, познание социально детерминировано, обусловлено объективными факторами, но эти факторы сводятся им в конечном счете к специфике жизненной ситуации отдельной социальной группы. Для К. Маннгейма субъектом познания выступает не индивид и не общество, а «социальная группа» (т. е. он отождествляет субъект познания с субъектом партийности, закрывая путь к исследованию возможных вариантов их соотношения). Субъективные факторы отдельной личности и общества всецело поглощаются субъективными устремлениями «группы». Каждая группа, исходя из своего специфического, экономического, социального положения, вырабатывает свою особую «перспективу», в которой воспринимается и познается мир. Индивидуум всегда и полностью подчиняется в своих суждениях интересам социальной группы, ее «перспективе». Осознанно или неосознанно, но он вынужден соотносить свои высказывания с интересами социальной группы, выраженными в «перспективе» и в «центре систематизации» (системе категорий). Само положение познающего индивида в социальной группе предписывает ему такое направление мышления, когда он принимает заблуждение за истину, ошибочно считая, что имеет дело с истиной. Истина, таким образом, представляет собой результат соответствия высказываний «центру систематизации».

Представители концепции «социологии познания» считают необходимым реформировать общественно-исторические, социологические науки по образцу естественных наук, где, по их мнению, отсутствуют «утопии» и «классовые интересы». Естествознание a priori объявляется социально нейтральным и объективно-истинным, а идеология, ориентированная на партийные позиции,— всегда ложью, заблуждением, неистиной. «Основным критерием идеологии,— провозглашает Т. Парсонс,— является ее отклонение от научной объективности»[2]. Концепция «социологии познания» есть теоретическое обоснование деидеологизма.

Представители другой концепции — «социализации» (или, точнее, «пролетаризации») науки расценивают, наоборот, в качестве «неистины» (заблуждения) естественнонаучное знание. Всякие же оговорки, вроде того, что отвергается

Маннгейма. «Философские науки», 1969, № 1; Л. Н. Москвичев. Теория «деидеологизации»: иллюзии и действительность. М., «Мысль», 1971.

[2] T. Parsons. An Approach to the Sociology of Knowledge. «Transactions of the Fourth World Congress of Sociology». Milan — Stresa, 1959, p. 38.

якобы не само естествознание, а лишь «буржуазное», предназначены для мимикрии ретроградных, в современную эпоху далеко не популярных позиций.

Наиболее яркое, логически доведенное до конца выражение существа концепции «пролетаризации науки» встречается в работах эмпириомониста А. А. Богданова. По его мнению, истина всегда классова: «...нет истины самой по себе, нет истины вне коллектива, а существуют истины того или иного коллектива, как идеальные орудия, пригодные для устройства его жизни, потому что выработанные из его опыта»[3]. Различный опыт «коллективов» (т. е. социальных групп, классов) вырабатывает индивидуально-хозяйственную (буржуазную) и коллективно-трудовую (пролетарскую) точки зрения и соответствующие две истины. То, что является истиной с точки зрения буржуазной, есть заблуждение с точки зрения пролетарской. «Достаточно изменить точку зрения, и то, что было истиной, становится ложью»[4]. Из этих положений, весьма близких к положениям представителей «социологии познания», делаются, однако, иные выводы. Сам характер и сами понятия конкретных наук, в том числе и естествознания, объявляются в концепции «социализации науки» классовыми. Вследствие этого утверждается, что для буржуазной партийности «социалистическое естествознание» не есть истина, равно как для пролетарской партийности заблуждением является содержание «буржуазного естествознания».

Именно отсюда, из такого понимания партийности и природы научного знания и проистекала практическая программа левых доктринеров о реформировании, революционизировании всего содержания «старого» естествознания, о приведении его в соответствие с «пролетарской партийностью». Леводоктринерский антисциентизм стремился осуществить перестройку не только философских или социологических основ естественных наук, но и самого конкретного содержания этих наук[5]. Этим, однако, их посягательства на науку

---

[3] А. Богданов. Элементы пролетарской культуры в развитии рабочего класса. М., 1920, стр. 66.

[4] Там же.

[5] А. А. Богданов, например, требовал перестроить содержание «буржуазных» наук — биологии, астрономии и др. Другой идеолог Пролеткульта В. Ф. Плетнев в 1922 г. заявлял, будто социализация («пролетаризация») науки должна охватить ее форму, метод, сущность, будто должна существовать совершенно новая классово-пролетарская коллективистическая наука, прямо противоположная науке буржуазной. Левые доктринеры доказывали буржуазный характер математики, например, тем, что в арифметических задачниках фабулы задач часто брались из сферы отношений купли-продажи и частного найма, запрещенных в коммунистическом обществе (см. Вл. Н. Ивановский. Методологическое введение в науку и философию. М., 1923, стр. XXVII). В пролеткультовском журнале «Известия Московского пролетарского университета» (1918, № 1)

не ограничивались: левые доктринеры способны были сделать объектом своих разрушительных устремлений сам состав ученых (личность ученого) и научные учреждения [6]. Считалось, например, что пролетарской партийности соответствуют только ученые, вышедшие из рабочих. Остальные заслуживают профессионального недоверия и изгнания из среды ученых. Иные доктринеры даже полагали, что и пролетарского происхождения мало для того, чтобы специалист-ученый («спец») оставался в идейных рамках пролетарской науки и идеологии: необходимо еще, чтобы он фактически продолжал в течение всей жизни ту работу, на какую поставлен в производстве материальных ценностей (например, слесарем в железнодорожных мастерских) [7].

Упрощенно-схематическое перенесение левыми доктринёрами антагонистической противоположности двух классов: пролетариата и буржуазии в область культурного строительства приводило к противопоставлению и полному разрыву культуры социалистической формации и культуры капиталистической общественной формации. В основу пролетарской культуры в свое время предлагали положить, по свидетельству А. В. Луначарского, полную противоположность ее старой культуре, и творцы этой новой культуры го-

---

публиковалась программа по курсу математики. В объяснительной записке к этой программе М. П. Жуковский говорил о необходимости «глубоко революционизировать эту науку», «стать на путь новаторства, на путь освобождения математики от буржуазной плесени и оживотворения ее». Одним из методов «революционизирования» («социализирования») математики должна была стать «самодеятельность учащихся». При этом учебники по математике объявлялись «безусловным предрассудком». «Мы,— заявлял М. П. Жуковский,— решительно отметаем всякие учебники, потому что заинтересованы именно этой самодеятельностью учащихся, их творческим процессом» (стр. 21).

[6] Один из ближайших соратников В. И. Ленина А. В. Луначарский, являвшийся народным комиссаром просвещения (а в ведение Наркомпроса входило и руководство наукой) отмечал, что в своей практике он неоднократно сталкивался с работниками, ошибочно понимавшими задачи партии в отношении учреждений культуры. Он писал: «Люди, полные революционным пылом (в лучшем случае, а иногда и не менее почтенными страстями) много кричали о культурном октябре; они представляли себе, что в один прекрасный час какого-то прекрасного месяца, не менее прекрасного года, произойдет параллельно взятию Зимнего дворца взятие приступом Академии наук или Большого театра и водворение там новых людей, по возможности, пролетарского происхождения и во всяком случае любезно улыбающихся этому пролетариату». («Известия ВЦИК», 3 ноября 1922 г.). А один из коммунистов-естественников выдвигал план реорганизации Академии, предварительным условием которого намечался слом существующего здания на предмет сооружения образцового академического града. Выдвигалось требование «провести полный разгром в вузах и начать строить новые» («Студент революции». Харьков, 1922, № 1, стр. 6), покончить со «специализированной наукой и спецами» («Знамя рабфаковца», 1922, № 2—3, стр. 14—18).

[7] См. Вл. Н. Ивановский. Методологическое введение в науку и философию, стр. XXXIV.

ворили, что главным признаком того, что они угадали правильный путь, будет полное несходство новой культуры со старой. Сторонники идеи «социализации науки» считали «неотложной» задачу осуществить «пересмотр всего культурного наследства буржуазного мира с точки зрения коллективистически-трудовой культуры... создание новых способов мыслить»[8]. И «если кто обеспокоен тем, что пролетарские творцы не стараются заполнить пустоту, которая отделяет творчество новое от старого, мы скажем — «тем лучше, не нужно преемственной связи»[9].

С различными формами проявления леводоктринерского антисциентизма мы встречаемся при знакомстве с историей развития нашей страны. Проявление левого доктринерства в 30—40-х годах, например, отличалось от такового более раннего периода (начала нэпа) по меньшей мере двумя моментами: во-первых, здесь не было открыто антимарксистской философской позиции (раньше леводоктринерской антисциентизм выступал в форме махизма, вульгарного материализма — А. А. Богданов, Э. Енчмен); левые доктринеры ловко подлаживались под философию диалектического материализма; во-вторых, здесь не было и явного, грубого антисциентизма: как правило, левые доктринеры на словах были за науку и даже претендовали на представительство одного из научных направлений; внешне они были «сциентистами», представителями одного из научных направлений, развенчивали будто бы только те научные направления, которые «родились» при капитализме[10].

Новая форма леводоктринерского антисциентизма более искусно маскировала саму его сущность. В этом, кстати, заключалась одна из трудностей распознавания такой формы леводоктринерского антисциентизма. Однако сами результаты леводоктринерской деятельности так или иначе, но выявили его сущность.

Можно предположить, что в других условиях, в других странах леводоктринерский антисциентизм выступит в какой-то еще более специфической форме, приспособленной к

[8] «Известия Московского пролетарского университета», 1918, № 1, стр. 2.

[9] «Грядущее». Петроград, 1918, № 3, стр. 3.

[10] В ходе биологической дискуссии в 1930—1931 гг. был поставлен вопрос об отношении к генетике. Один из ее участников, профессор С. Н. Ковалевский заявлял: генетика «как мистика, как спекулятивная теория, оторванная от живой природы, ничего жизненного не дает и не может дать для зоотехнической практики...». Теория гена, оказывается, приводит к признанию творца органического мира, т. е. бога. «Она как нельзя больше соответствует современному направлению западноевропейской (буржуазной) науки, стремящейся согласовать науку с религией в противовес большевизму... После сказанного трудно понять, как марксизм может мириться с теорией гена» («Коневодство и коннозаводство», 1930, № 1 (88), стр. 13, 5. Дополнительно см.: С. Н. Ковалевский. Генетика и «генетика». «Коневодство и коннозаводство», 1931, № 3).

новой социальной обстановке, к новым ситуациям в науке.

Идеологи антикоммунизма изобрели версию, будто леводоктринерский антисциентизм вытекает из природы социализма, из природы нашей идеологии [11].

Антикоммунисты возводят исключение в правило, а ненормальное выдают за норму; они игнорируют глубинные, сущностные исторические и логические связи принципа партийности, нашей идеологии и самого естествознания. Если говорить о генетике в ее отношении к природе марксистско-ленинской идеологии, то следует иметь в виду, что сама генетика на всем протяжении своего развития имела четкую устремленность на материализм и диалектику [12], т. е. все ее действительные успехи связаны с сознательным или стихийным использованием в научных исследованиях принципов материализма и диалектики. Да и сами выдающиеся представители моргановской школы генетики вынуждены признать прямое, непосредственное влияние принципов нашей философии на становление и развитие важнейших идей науки генетики [13].

---

[11] Известно, что никакое изменение в окружающих научное творчество условиях автоматически не может повести к появлению леводоктринерского антисциентизма, если внутри самой науки, среди самих ученых сильны позиции подлинно марксистско-ленинской партийности, если имеется достаточно сил, зрелых в классово-теоретическом отношении, способных не только противостоять леводоктринерскому антисциентизму, но и успешно с ним бороться. Данное утверждение вовсе не снимает того, что какие-то условия затрудняют, конечно, борьбу с «левизной» в науке, что эти условия бывают благоприятными для проявления сущности леводоктринерских устремлений. Но поскольку леводоктринерский антисциентизм способен тормозить темпы развития науки, темпы создания материально-технической базы коммунизма и тем самым — тормозить и развитие мирового революционного процесса, то он непримиримо враждебен природе социализма, природе марксистско-ленинской идеологии.

[12] См. И. Т. Фролов. Генетика и диалектика. М., «Наука», 1968.

[13] Профессор Г. Меллер отмечал, например, что развитие моргановской школы происходило под «сильным непосредственным влиянием марксизма». Первоначально лидер этой школы Т. Г. Морган экспериментировал с дрозофилой в целях найти подтверждение различным своим теориям, призванным заменить дарвинизм. Однако он вынужден был изменить свои взгляды, во-первых, под влиянием самих результатов эксперимента, «тянувших» его к материализму, во-вторых, под влиянием критики со стороны тех его сотрудников, которые имели связи с рабочим классом и примыкали к марксизму. Материалистическое мировоззрение этих ученых играло, как отмечал Г. Меллер, большую роль в направлении их научной деятельности. В течение 1911—1915 гг. они боролись за принятие четкой хромосомной теории наследственности и учения о мутациях, а также за правильное ателеологическое понимание эволюции как процесса. Постановка соответствующих опытов (преимущественно по инициативе наиболее открытых материалистов) подтвердила и расширила эту целиком материалистическую теорию генетики. Таким образом, по словам Г. Меллера, тот отдел генетики, который оказался (к 30-м годам) ближе всего к истине, «разрабатывался хотя бы до некоторой степени в ленинском духе, поскольку его развитием руководили, отчасти сознательно, а отчасти бессознательно в духе марксизма» (Г. Меллер. Учение Ленина в его отношении к генетике. В сб.: «Памяти В. И. Ленина». 1934, стр. 586—587).

Отметая как вздор, как клевету версию антикоммунистической пропаганды относительно неразрывной связи, якобы имеющей место между леводоктринерским антисциентизмом и природой нашей идеологии, природой социализма, марксисты тем не менее не закрывают глаза на саму проблему существования леводоктринерского антисциентизма. Но одно дело — постоянное существование леводоктринерского антисциентизма в качестве возможности, другое дело — его существование в качестве реальности, в его действительных проявлениях. Считая первое закономерным явлением, существующим и при капитализме, марксисты не могут считать и не считают неизбежными какие-либо проявления леводоктринерского антисциентизма при социализме.

Среди социальных корней леводоктринерского антисциентизма (а их анализ может составить предмет специального исследования) можно выделить антагонизм умственного и физического труда в классово-антагонистическом обществе, порождающий со стороны части населения, обделенной образованием и культурой, стремление к разрушению этой культуры и созданию «своей» культуры.

Леводоктринерский антисциентизм есть порождение самого классово-антагонистического общества [14], социализму же он достается «по наследству». Леводоктринерский антисциентизм живуч в качестве тенденции (возможности) в любой стране, особенно в стране, порвавшей с миром эксплуатации человека человеком и перешедшей к строительству социализма. Будучи возможностью, он, конечно, может перерасти в действительность, если появятся какие-то благоприятные для него условия или комплексы условий (что мы видели, например, в КНР в период проведения так называемой «культурной революции»). Эта тенденция может иметь и лишь частичные условия для проявления своих разрушительных устремлений в отношении естественных наук.

Тенденция к «левизне» в отношении науки преодолима, если с ней ведется непрерывная, открыто бескомпромиссная борьба, когда для нее не находится никаких условий активно проявить себя на практике. Именно так обстояло дело в отношении с леводоктринерским антисциентизмом пролеткультовцев. И в этом — величайшая историческая заслуга нашей партии и лично В. И. Ленина.

---

[14] Положение, что социальные корни леводоктринерского антисциентизма лежат за пределами социализма как общественно-экономической формации, подтверждается самой историей; известно, например, что «махаевщина» и «пролеткультовщина» как определенные направления в леводоктринерском антисциентизме возникли не после свершения Октябрьской социалистической революции, а до этой революции.

2. БАЗИСНЫЕ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ УЧЕНИЯ О ПАРТИЙНОСТИ. К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ПАРТИЙНОСТИ ВНУТРИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Вопрос об определении критерия партийности в естествознании имеет значительную практическую значимость: от того, что считать партийным в естествознании, что следует оценивать в нем в качестве партийно-прогрессивного, зависит и практическое отношение субъекта партийности к тем или иным естествоиспытателям, к тем или иным научным направлениям и даже к естествознанию в целом.

Некоторые полагают, что внутри самого естествознания можно найти такой критерий, который однозначно определял бы характер передовой партийности. Среди этих критериев чаще всего фигурируют, во-первых, «истина» («партийно то, что истинно», «истина — критерий партийности»), во-вторых, «единство теории и практики» («кто за единство теории и практики, тот партиен»).

Однако формулированные тезисы только на первый взгляд кажутся достаточно определенными, достаточно надежными.

Во-первых, они смазывают различие между прогрессивной и реакционной формами партийности хотя бы потому, что встречаются в основании самых различных философских позиций (к примеру — в вульгарном материализме и в субъективно-идеалистическом прагматизме) [15].

Во-вторых, названные положения не способны помочь установить даже различие между естественнонаучным знанием и идеологией, поскольку (при применении таких критериев) все содержание естественных наук оказалось бы «идеологичным», «партийным». Следствием этого может явиться либо развертывание процесса «идеологизации» естественных наук с позиции леводоктринерского антисциентизма, либо устранение действительно идеологического момента из естествознания и оформление (в замаскированном виде) позиций праворевизионистского деидеологизма и сциентистского антиидеологизма.

---

[15] В подтверждении того, что единство теории и практики само по себе не может служить критерием прогрессивной партийности, приведем один исторический факт.

В 1942 г. А. Гитлером был издан приказ о том, что никакие научные исследования не должны широко поддерживаться, если они не дают военной продукции в течение шести недель. Это было, кстати, одной из причин, почему ядерные исследования (связанные с созданием атомного оружия) в фашистской Германии не получили широкой правительственной поддержки и велись отдельными учеными: Гейзенбергом, Вейцзекером, Ганом, Лауэ в относительно небольших масштабах (Ю. И. Корякин. Биография атома. М., Госатомиздат, 1961, стр. 149).

Отмеченные положения по своему научному содержанию не имеют непосредственного «выхода» к партийности (а эта непосредственность «выхода» есть ведь существенная черта критерия); на пути к партийности «истина» и «единство теории и практики» встречают опосредующие звенья, которые лишают соответствующие положения характера критериальности.

В данной связи остановимся несколько подробнее на рассмотрении понятия истины. Нас будут интересовать при этом не только доказательства того, что истина не может быть критерием партийности, но и очерчивание того действительно большого места, которое занимает понятие истины в проблематике учения о партийности.

В понимании истины марксистско-ленинская концепция противостоит концепциям «пролетаризации науки» и «социологии познания». Истина по своему содержанию, как подчеркивал В. И. Ленин, не зависит ни от человека, ни от классов, ни от человечества в целом. Независимость содержания истины от любых субъективных предпосылок научного творчества, будь то исследование природы или исследование общества, представляет собой одно из исходных базисных положений в марксистско-ленинском учении о партийности.

Понятие истины всегда однонаправленно: в нем выражается лишь один тип отношения суждений к реальности, а именно адекватность суждений той реальности, которая познается; в нем выражается способность суждений (гипотез, теорий) правильно отражать эту реальность.

Но если истина представляет собой двучленное отношение, отношение между суждением и реальностью, то партийность есть трехчленное отношение, а именно — между людьми, суждением и объективной реальностью, на которую проецируется это суждение [16]. Под средним же звеном этой трехчленной структуры имеется в виду не просто истина, а совокупное научное знание (система суждений), где истина, формируясь, находится еще в процессе освобождения от заблуждений. Классовые позиции субъекта связываются с истиной лишь косвенно—через систему относительно достоверного, относительно истинного знания [17].

До сих пор в литературе и особенно в обыденном сознании встречается взгляд, будто естествознание имеет дело только с объективными истинами и только с истинами [18]. Но

---

[16] См. Г. Клаус. Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка. М., «Прогресс», 1967, стр. 99.

[17] Этого посредствующего звена достаточно, чтобы считать ошибкой утверждение, будто есть «классовые истины» (даже в социологии). Но сказанным не предрешается еще вопрос о партийности систем относительно достоверного знания (тех или иных научных концепций).

[18] См. Луи де Бройль. По тропам науки. М., ИЛ, 1962, стр. 292—293.

это далеко не так. Не-истина составляет неотъемлемый момент самого процесса формирования истины в науке. Истины порой формируются десятилетиями и столетиями (например: «атом делим», «виды животных и растений изменяются»). Неполнота или односторонность отражения объекта на том или ином историческом рубеже науки диктуют необходимость в их преодолении, в завершенности цикла познания, но новый познавательный шаг, осуществляемый через предварительную «накладку» имеющегося знания на неизвестную область, далеко не всегда дает то, что впоследствии может быть оценено как истина. В естествознании могут иметь место и факты, и проблемы, относительно истинности которых вопрос до поры до времени остается окончательно не выясненным[19]. Кроме того, для решения одной какой-то проблемы в науке создаются, как известно, десятки и даже сотни гипотез, но о степени достоверности гипотез можно говорить разве только в их соотношении с другим знанием (философским). Сами по себе гипотезы ни истинны, ни ложны; они лишь достоверны: одни — более достоверны, другие — менее достоверны (или совсем не достоверны).

Что касается теорий, вызревающих из гипотез, то вопрос об их истинности, с одной стороны, несколько упрощается, ибо доказывается их максимальная адекватность процессам действительности, но, с другой стороны, этот вопрос не снимается, поскольку заблуждения того или иного характера из них окончательно не элиминируются[20].

---

[19] Наряду с фактами в науке имеют место «псевдофакты» (к примеру, в психоаналитических конструкциях З. Фрейда, в построениях школы Т. Д. Лысенко). Наряду с реальными проблемами (проблемой несовместимости тканей в биологии, проблемой надежности в технике и т. п.) в науке существовали проблемы мнимые (проблема вечного двигателя, проблема мирового эфира, проблема жизненного элексира и др.). Мнимые проблемы «в силу своей теснейшей связи с постановкой и решением реальных проблем науки выступают как необходимые моменты развивающегося знания» (И. И. Мочалов. Мнимые проблемы науки. «Вопросы философии», 1966, № 1, стр. 62). Псевдопроблемы являются постоянными спутниками науки и предупредить их возникновение не всегда удается. Это происходит потому, что мнимый или реальный характер проблемы выясняется далеко не сразу (см. Е. С. Жариков. Гносеологический смысл постановки проблемы. «Вопросы философии», 1964, № 11, стр. 40).

[20] Геоцентрическая система Птоломея и теория неизменности видов живых организмов XVII—XVIII вв. — это «модели» известных сторон действительности, связанные с абсолютизацией представления о непосредственно наблюдаемом круге явлений. В дальнейшем было обнаружено, что эти представления принимали кажимость, чувственную достоверность за логическую истинность; сами же они достоверны лишь в крайне узких пределах, в более же широком плане первая из них «снимается» (не только исторически, но и логически) гелиоцентрической системой. Но и система Н. Коперника не была свободной от субъективных допущений. Н. Коперник полагал, например, что Солнце является неподвижным центром Вселенной. В настоящее время имеются некоторые ученые (Л. Инфельд), которые считают, будто с точки зрения теории относительности нет разни-

Процесс познания сопровождается постоянным возникновением и снятием неистинных моментов в человеческих представлениях о природе. Чем более высок уровень развития науки, тем меньше в ней «грубых субъективизаций»; субъективный момент становится тоньше, сложнее, труднее различимым, но он все же остается, переплетается в качестве заблуждения с истинным знанием[21].

История науки показывает, что вопрос об истинности или ложности фактов, проблем, гипотез и теорий — это вопрос, требующий зачастую для своего решения в каждом конкретном случае более или менее продолжительного периода времени. В исторически же фиксированный момент времени порой невозможно утверждать, имеет ли ученый дело с истиной или с заблуждением.

Естествознание не есть л и б о истина, л и б о заблуждение, как полагают сторонники концепции «пролетаризации науки»; его природа не есть какой-то антипод природе идеологии, расцениваемой только как заблуждение концепцией «социологии познания». Природа естествознания аналогична природе социологического, идеологического знания: и там и здесь ученые имеют дело и с истиной и с заблуждением; и там и здесь мы имеем относительно истинное (научное знание[22]. По отношению к истине не применимы степени «более», «менее», по отношению же к областям знания и к отдельным учениям (т. е. к системам относительно истинного знания) такие степени применимы[23].

В философской литературе распространенной является трактовка относительной истины, которая включает в эту истину заблуждение. Такая трактовка снимает ту принципиальную грань, которая имеется между истиной и заблуждением; она способна дать оценку «истинной» любой естественнонаучной или социологической концепции, которая того не

цы между системой Птоломея и системой Коперника. Академик А. Д. Александров, полемизирующий с такой оценкой двух теорий, доказывает научное преимущество системы Коперника и то действительно новое, что дала теория Эйнштейна в отношении системы Коперника (см. А. Д. Александров. Истина и заблуждение. «Вопросы философии», 1967, № 4).

[21] При смене теорий, когда ученые пытаются «наложить» на новый круг явлений старые теоретические представления, субъективизация реальности обусловливается уже не ограниченностью чувственной наглядности (как в системе Птоломея), а в значительной мере инерцией идей, сложившегося типа мышления.

[22] Здесь мы абстрагируемся от характера влияния на такое знание различных форм партийности.

[23] Мы говорим, например, о меньшей точности социологического знания по сравнению с физическим; мы содержательно противопоставляем наиболее достоверное, в высшей степени истинное марксистско-ленинское учение антинаучной буржуазной идеологии, дающей в целом превратное представление о социальной действительности.

заслуживает. Но истина, хотя бы и относительная, по своему содержанию всегда объективна и в этом смысле абсолютна. Соответствия теории денежного обращения К. Маркса с практикой, например, «не могут изменить никакие будущие обстоятельства»[24]. Истина во все времена, при всех обстоятельствах остается истиной, правильно отражающей реальные явления. Относительная истина есть истина объективная, исключающая заблуждение и ложь.

Неизбежность тех или иных неистинных положений в науке (в системах относительно истинного знания) не означает, что подлинный ученый должен мириться с ними. Обнаружение заблуждений в знании и вычленение, формирование истины — взаимосвязанные процессы. Ученый постоянно решает задачу получения истины и преодоления, исключения заблуждений.

В руках ученого должны быть все средства, которые позволяли бы ему каждодневно и эффективно отделять истину от заблуждения.

Проблема разъединения истины и заблуждения выступает в марксистско-ленинской философии как проблема поисков критерия истины и определения субъективных предпосылок, содействующих такому разъединению.

Суждения человека, взятые сами по себе, в отрыве от реальности, не являются ни истинными, ни ложными; свойство быть истинным или ложным обнаруживается, как указывал В. И. Ленин, только при соотнесении этого суждения с реальностью, в «единстве понятия и реальности»[25]. Критерий истины не может быть найден ни в сознании субъекта как таковом, ни в познаваемом объекте; поскольку истина предполагает определенное познавательное отношение субъекта к объекту, постольку критерий истины должен представлять собой определенное отношение, отличное от процесса познания, но вместе с тем органически связанное с ним; таким отношением, материальным процессом является общественная практика, которая и образует критерий истины[26]. Лишь практика отделяет для всех и каждого иллюзию от действительности[27]. Практика — критерий истины[28].

---

[24] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 146.

[25] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 210.

[26] См. И. Нарский, Т. Ойзерман. Истина. В кн.: «Философская энциклопедия», т. 2. М., «Советская энциклопедия», 1962, стр. 348.

[27] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 142.

[28] Говоря о практике как критерии истины, необходимо учитывать важный момент—соответствие ее уровня уровню научного познания. Хотя верховным судьей любой теории является практика, но практика эмпирических действий, фиксирующих явления, а не их сущность, как отмечает Е. Я. Режабек, еще не может служить критерием достоверности научной теории. «Действительно, ведь не всякий уровень развития практики может служить средством обоснования закона. В отдельных опытах (наблюдениях и экспериментах) закон реализуется не полностью, а только отчасти».

Способы и пути проверки научных представлений весьма разнообразны, сложны[29], и эта сложность возрастает пропорционально непрерывно увеличивающейся степени абстрактности научных теорий. Все чаще теория проверяется не в одном каком-то эксперименте и не целиком, а по частям, допускающим проверку, и в целой серии различных экспериментов. Доказательная сила отдельного, даже удачно поставленного эксперимента ограничена[30].

Критерий истины (практика) не только «определенен», но и «неопределенен» (по выражению В. И. Ленина)[31].

«Неопределенность» практики как критерия истины обнаруживает история естествознания. Так, в течение длительного времени в науке практика, казалось, подтверждала правильность суждений: «атом неделим», «наследственность не имеет материального носителя»; эти суждения, как и противоположные, также могли претендовать быть истинами науки; или, к примеру, обнаружение в эксперименте с β-распадом в начале 30-х годов мнимой несостоятельности закона сохранения энергии.

Сама практика исторически ограничена. «Поскольку люди, живущие в условиях этих ограниченных форм практики, не осознают их ограниченности и принимают их за вечные и неизменные, они неизбежно оказываются в плену заблуждения и столь же неизбежно воспринимают как заблуждение действительное движение практики и познания вперед...

Достоинство всеобщности приобретает та практика, которая сама выступает лишь как реализация, опредмечивание логически организованной системы знания, т. е. теоретического воспроизведения объекта (Е. Я. Режабек. Практика — критерий истины. Сб. «Диалектическая логика». Под ред. А. М. Минасяна. Ростов-на-Дону, 1966, стр. 140—141).

[29] При помощи эксперимента, например, можно непосредственно установить истинность суждения: «рентгеновские лучи увеличивают число мутаций в популяции». Однако, как в биохимии, так и в физике микромира многие суждения проверяются косвенно, ибо непосредственному наблюдению оказываются доступными не сами объекты, а показания приборов. Интерпретации и математические описания ситуации, создаваемые на основе данных наблюдения за показаниями приборов, проверяются главным образом через практические их приложения (см. Д. П. Горский. Проблемы общей методологии наук и диалектической логики. М., «Мысль», 1966, стр. 302). В области социологии истинность ряда суждений, в особенности связанных с будущим (например, суждение «гибель капитализма неизбежна»), устанавливается на основе выведения их из законов, раскрытых марксистской наукой и получивших, в свою очередь, подтверждение в практике общественно-исторического развития.

Но какие бы способы проверки ни существовали — будь то формально-логическая проверка, соотнесение с всеобщей методологией и т. п. — все они в конечном итоге через ряд посредствующих звеньев должны быть связаны с практикой.

[30] См. С. И. Вавилов. Экспериментальные основания теории относительности. 1928, стр. 16.

[31] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 145—146.

практика не может сразу же отделить истину от заблуждения в составе конкретного знания с такой же точностью, как лакмусовая бумажка различает кислоту от щелочи»[32].

Творчество новых идей, новых решений, выражающее активность субъекта познания, обладает способностью опережать практическую действительность; подобное «опережающее отражение» и процесс апробирования его научных результатов, процесс подтверждения теории на практике не совпадают во времени. Такой временной разрыв между ними может исчисляться десятилетиями (например — хромосомная теория наследственности) и даже столетиями (как это было с атомистической теорией). Но теория или гипотеза, находящаяся в самом начале своего развития и не успевшая еще найти достаточно верных путей к практической проверке, отнюдь не не-истина, а лишь несозревшее для своей практической, экспериментальной проверки образование. Точнее даже говорить о недостаточной степени созревания самой практики, а не науки. Ведь разработка теории, а не практика, уходит зачастую вперед, и эта диспропорция служит одним из мощных стимулов подтягивания уровня самой практики к новому уровню теории[33].

И может быть не только и не столько данная ступень развития эксперимента, производства и науки, сколько поступательное их движение, непрерывный процесс совершенствования практики способны доказывать истинность тех или иных положений науки[34].

К конкретизированному выше положению о практике как критерии истины (а именно, что критерием истины является

---

[32] Э. Ильенков, И. Элез, Н. Мотрошилова, П. Гайденко, М. Туровский. Заблуждение. В кн.: «Философская энциклопедия», т. 2. М., «Советская энциклопедия», 1962, стр. 146.

[33] Так, правила Г. Менделя были выведены эмпирически из обобщения массы случаев наблюдения на практике, в удачно поставленном эксперименте. Но на этой эмпирической основе, исходя из эмпирического уровня практики, было сделано теоретическое предположение о существовании некоторого дискретного материального носителя наследственных свойств. Значительно позднее, примерно через 80 лет после выдвижения данного соображения, была открыта биохимическая структура ДНК и установлено реальное содержание понятия гена. В течение же многих десятилетий до этого времени теория гена не стояла на месте, как не стояла на месте и практика: они развивались, совершенствовались и во взаимной корректировке искали и нашли пути друг к другу. В эти же самые годы невозможно было не нанести ущерба и генетике и практике, когда генетику из-за отсутствия прямого ее выхода в эксперимент и практику объявляли заблуждением и порождением буржуазной «чистой» науки.

[34] На этом пути, например, и была доказана в конце XIX в. истинность суждения «атомы делимы» и ложность противоположного суждения. Таким же образом в 30-х годах нашего столетия гипотеза Паули-Ферми о нейтрино, затем ряд опытов, ее подтверждающих, вновь доказали истинность и всеобщий характер закона сохранения энергии.

практика того уровня развития, который соответствует уровню научного познания) можно теперь добавить следующее: критерием истины является практика, взятая в процессе своего исторического развития.

Практика, взятая в процессе развития, доказывает объективную (а соответственно и абсолютную) истинность суждений науки («атомы делимы», «наследственность имеет свой дискретный материальный носитель» и т. п.). И если в какой-то конкретный исторический момент научного развития истина и заблуждение проникают, пронизывают друг друга, то дальнейшее развитие практики, разъединяя их на одном уровне, порождает новую их связь на новом уровне. Но трудность отличения истины от заблуждения в каждый момент не означает, что истины нет. Истина есть, но она не отделена от заблуждений, она находится в процессе своего формирования. Истина, подчеркивал В. И. Ленин, есть «процесс», истина «складывается». «*Истина* лежит не в начале, а в конце, вернее в продолжении. Истина не есть *начальное* впечатление...»[35]. «Начальное впечатление» не есть истина (хотя бы и относительная), а относительно истинное научное знание.

Партийность непосредственно несовпадает с истиной. Но партийность связана с истиной опосредованно — через системы относительно истинного знания. Партийность непосредственно воздействует именно на это посредствующее звено и лишь через него оказывает то или иное влияние на процесс формирования истины; направление воздействия партийности на относительно истинное знание является одним из моментов, позволяющим определять конкретную форму партийности.

В данном отношении мы можем рассматривать понятие «истины» и понятие «относительно истинное научное знание» как исходные, базисные гносеологические понятия в проблематике учения о партийности.

Введение в концепцию партийности понятия «относительно истинного знания» дает, например, возможность показать идентичную гносеологическую природу идеологии (социологического знания) и знания естественнонаучного и уже в этой плоскости анализа обнаружить теоретическую слабость, односторонность исходных установок в концепциях «социологии познания» и «социализации науки».

Из соображений, изложенных в данном разделе, вытекает также и то, что в качестве критерия прогрессивной партийности в естественных науках нельзя принимать ни единство теории и практики, ни обладание истиной. Положение, например, о практике как средстве, способном отделять истину

---

[35] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 153.

от заблуждения, не позволяет, как мы видели, жестко и непосредственно связывать ее с принципом партийности и заявлять, будто та теория не партийна (в пролетарском отношении) и не истинна, если ее истинность не доказана практикой, если она не дает должного экономического эффекта на практике. Да и позиции естествоиспытателя, даже обладающего истиной и осуществляющего тесную связь своих теоретических построений с практикой, не определяемы сколько-нибудь точно в партийно-идеологическом отношении.

Можно сказать теперь более обобщенно: внутри самого естествознания невозможно иметь достаточно определенный критерий партийности, т. е. такой критерий, который мог бы в любой строго фиксированный момент времени (а не генезисно, не ретроспективно) достаточно надежно установить характер партийности исследуемой позиции.

Критерий партийности — за пределами естественнонаучной области, в сфере классовой психологии и идеологии. Нет никакого внеклассового критерия партийности внутри естествознания.

Естествознание имеет внутри себя лишь некоторые стороны, в которых возможен или даже необходим партийно-классовый компонент.

Эти стороны и целесообразно, как нам представляется, выявить в первую очередь, а затем уже изучать, в какой степени, в каких пределах и как конкретно способна проявиться та или иная партийность.

3. СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ КАТЕГОРИИ «ПАРТИЙНОСТЬ» В ЕСТЕСТВОЗНАНИИ. СХОДСТВО И ОТЛИЧИЕ МЕЖДУ ЕСТЕСТВЕННЫМИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ НАУКАМИ В ОТНОШЕНИИ ПАРТИЙНОСТИ

На вопрос о том, партийно или непартийно естествознание, не может быть дано однозначного ответа. Его необходимо конкретизировать, определив «системы отсчета» и углы зрения.

Можно взять, например, следующие ракурсы: соотношение субъективного и объективного, соотношение частного и всеобщего, отношение естествознания к надстройке и производительным силам и др. В каждом из этих ракурсов выявится различное решение вопроса о том, партийно или нет естествознание и в какой степени.

Иначе говоря, необходим учет специфики разных уровней подхода к проблеме, раскрывающих одну и ту же ее сущность, но с разных сторон.

Посмотрим прежде всего на те стороны самого естествознания, где возможно (и необходимо) его взаимодействие с социальными условиями, с формами и видами классового

общественного сознания. Таких сторон будет по крайней мере две, если брать процесс производства знания. Назовем эти стороны возможными полями применения партийности.

Первое «поле применения» относится к «входу» научного творчества, второе — к его «выходу».

Первое «поле применения» партийности — это субъективные условия процесса производства знания, это живой, реальный процесс научного творчества, в центре которого находится активный субъект, взятый в совокупности его жизненных интересов, стремлений, интеллектуальных и эмоциональных способностей.

Второе «поле применения» — это результат познания на том или ином этапе научного развития, уже добытая наукой совокупная информация о природе; это целостная система относительно истинного знания, где взаимопереплетены суждения истины с суждениями вероятностными, гипотетическими и суждениями неистинными.

Анализируя отношение партийности к естествознанию в плане «входа» и «выхода» научного исследования, мы, по-видимому, должны будем согласиться с тем, что такое отношение будет различным: на «входе» функционируют все аспекты партийности, все его требования, а на «выходе» в ряде случаев (о них будет речь дальше) вовсе не обязательно присутствие даже одного из аспектов.

Произведем теперь разрез «входа» и «выхода» с точки зрения субъективного и объективного.

Известно, что понятия субъективного и объективного в разных контекстах и разной смысловой связи приобретают различное значение, что отражает многообразие связей, в которых находятся сами рассматриваемые явления [36].

Динамика объективного и субъективного в применении к относительно истинному научному знанию проявляется, в частности, в том, что в отношении к объективной реальности, к природе как таковой естествознание будет субъективным, а определяясь в самом себе, своим предметным содержанием и уровнем практики, к тому же по отношению к сферам общественного сознания (идеологии и психологии), оно будет «объективным». В свою очередь, идеология, общественная и индивидуальная психология, будучи определяемы из самих себя, «объективируются», становясь в этом отношении и в этом смысле объективными [37].

Если взять систему «естествознание — партийность», то при всем их взаимовлиянии именно содержание естественно-

---

[36] См. Г. В. Ф. Гегель. Энциклопедия философских наук. Логика. Соч., т. 1. М., 1929, стр. 306.

[37] Партийность есть понятие субъективное по отношению к содержанию естественнонаучного знания и объективное в плане своей детерминированности классовыми интересами, психологией и идеологией классов.

научного знания оказывается стороной объективной, а партийность — стороной субъективной. Субъективное же по отношению к объективному более мобильно, более активно, способно двояко (положительно или отрицательно) влиять на объективное, но при всем том оно само по себе не имеет цели объективной стороны. Субъективное («партийность»), если оно заинтересовано в содействии объективному, должно «подлаживаться» под объективное, должно соответствовать объективному.

Возьмем теперь новую систему: «естествоиспытатель — партийность». Здесь мы имеем дело не с содержанием научного знания, а с целостной, реальной личностью ученого, с условиями его научного труда.

Область деятельности ученого есть арена тяжелой борьбы с природой[38], где за каждую отвоеванную пядь ранее неведомого приходится платить интенсивнейшим напряжением своих интеллектуальных и эмоциональных способностей. «Без «человеческих эмоций», — отмечал В. И. Ленин, — никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины»[39]. Для теоретического освоения реальности нужны воля, страсть, научная смелость, настойчивость, воодушевление, воображение, интуиция, логическое «чувство» и многие другие качества и способности творческой личности[40].

Диалектико-материалистическое учение расценивает субъективное как неотъемлемый момент научного творчества, как такую сторону, которая присуща самой же науке. Без субъективного невозможна никакая наука. Без активности субъекта, без его интересов, без его воли нет процесса познания, процесса понятийного овладения человеком реальностью. При этом в одних случаях активность субъекта ведет к истине, в других, — к заблуждению, к превратным теоретическим конструкциям[41]. С точки зрения научной теории

---

[38] А. Эйнштейн и Л. Инфельд писали: «Наука вынуждает нас создавать новые понятия, новые теории. Их задача — разрушить стену противоречий, которая часто преграждает дорогу научному прогрессу. Все существенные идеи в науке родились в драматическом конфликте между реальностью и нашими попытками ее понять». («Эволюция физики», 1948, стр. 237—238).

[39] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 112.

[40] В. И. Ленин указывал на волю как на качество, необходимо связанное с познанием и практикой (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 190).

[41] На основе того, что «субъективное» служит источником ошибок, возникло представление, будто во имя истины надо вообще устранить «субъективное» из науки. В античном мире, например, иные требовали от ученого полного отрешения от житейских страстей и интересов. Основатель экспериментирующей науки нового времени Ф. Бэкон также ставил вопрос о преодолении заблуждений разума («идолов»), порожденных вненаучными причинами; единственное средство спасения истины он видел в обращении к строгому опыту, к индуктивному методу познания. Другой мыслитель — Р. Декарт считал причиной заблуждений свободную волю, которая незави-

познания заблуждение, имеющее в своей основе активность субъекта, преодолевается той же субъективностью, еще большей активностью субъекта. Степень объективности знаний зависит, помимо прочего, от степени активности субъекта. «Диалектика развития мышления такова, что объективная истина достигается мышлением при активной роли субъекта, и в этом смысле знание тем объективнее по своему содержанию, чем оно субъективнее по форме, чем активнее субъект вмешивается в изучаемые им процессы» [42].

Но сама «субъективность» нуждается в дифференциации. На первый план выдвигаются мотивы познания.

Арена научной деятельности есть не только арена борьбы с природой, но и арена столкновений людей между собой, их характеров и интересов, выражающихся в различной мотивации научной деятельности [43].

Как указывает В. И. Ленин, при рассмотрении отношения субъекта и объекта «надо взять во внимание и общие посылки бытия *конкретного* субъекта (=*жизнь человека*) в объективной обстановке» [44]. Такой объективной обстановкой будет общество, в котором он живет, класс, к которому он тяготеет, будучи интеллигентом, национальность (раса) или нация, которые он представляет, научный коллектив и, наконец, его семья. Каждый из перечисленных «субъектных» уровней в свернутом виде (иногда трансформированно) представлен в самой личности ученого, в его интересах, побуждениях, в его действиях [45].

Подлинным субъектом познания является общество, осуществляющее свою познавательную функцию через индивидов. Личные интересы индивидов так или иначе, но вбирают в себя интересы общества и интересы социальных групп, к которым они относятся как члены общества. Индивидуальный

сима от разума и предпочитает желаемое истинному; средством, способным одолеть заблуждение, является сам же разум, не признающий никаких авторитетов и творящий истину на основе дедуктивного метода. Эти философы, направлявшие человечество на борьбу с заблуждениями, многое подметили верно; но они не могли, как нам представляется, в полной мере учесть то обстоятельство, что путем противопоставления субъективного объективному, путем отбрасывания субъективных «вненаучных» предпосылок научного творчества нельзя решить проблему достижения максимальной истинности научного знания. Решение лежало на пути определения различной роли разных видов «субъективного» в достижении истины, на пути «объективирования» самого «субъективного».

[42] П. В. Копнин. Понятие мышления и кибернетика. «Вопросы философии», 1961, № 2, стр. 108.

[43] У разных людей мотивы могут быть противоположными. Мотивами научной деятельности может быть стремление к истине, к облегчению жизни людей, патриотизм и т. д., может быть и стремление к обогащению, честолюбие и др.

[44] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 184.

[45] О зависимости интересов творческой личности от интересов общества см. В. Гейзенберг. Физика и философия. М., ИЛ, 1963, стр. 113.

интерес ученого к познанию природы в известной мере не расходится с аналогичным интересом классово-антагонистического общества. Выступая как субъект познания, классово-антагонистическое общество не может не отражать в известной мере общечеловеческие интересы перед лицом стихийных сил природы, т. е. в отношении к природному объекту. Прямолинейно, не считаясь с последствиями, проводить до логического конца свою партийность в естественных науках означало бы тогда не только экономический, политический крах, но и «родовое» самоубийство. В первую очередь по этой причине содержание естествознания (капиталистических стран) не может быть сплошным заблуждением.

В классово-антагонистическом обществе интерес господствующих классов выдается за всеобщий интерес и сознательно или неосознанно принимается за таковой большинством естествоиспытателей. На стороне классового, партийного интереса стояла и стоит экономическая, идеологическая и психологическая сила самого государства. Именно эти интересы превалируют, зачастую подчиняя себе интересы отдельной личности, семьи, научного коллектива, нации и общества в целом. Интересы господствующего класса, выраженные в партийности, занимают важнейшее место в системе субъективных предпосылок научного творчества при капитализме. Однако этим не отменяется специфика личных интересов ученого, а тем более интересов общества как субъекта познания.

Социальные (общественные, классовые) интересы неизбежно входят в число личных, индивидуальных интересов естествоиспытателя, социализируя его субъективную позицию. Вполне возможно говорить о превалировании социальных интересов над специфическо-индивидуальными, поскольку социальные интересы являются основным, организующим центром по отношению ко всем другим интересам; они прокладывают себе дорогу через другие интересы не только непосредственно, но и в конечном счете как тенденция.

Такая социальная ориентация субъекта познания, выражающаяся, в частности, в его социологических, политических, философских и этических взглядах, и есть не что иное, как его партийность.

Теперь перейдем к рассмотрению вопроса о том, как может влиять партийность социальной позиции ученого на само содержание научного знания, каков возможный характер такого влияния во втором «поле применения» партийности в естествознании. Она действует в качестве организующего начала в совокупности субъективных предпосылок научного творчества; она ориентирует ученого на отбор (селекию) «важной», «существенной» информации в соответствии с личностно-классово-общественными интересами. Такой

«выбор» информации производится любым ученым, в любой отрасли знания [46].

Истина, по словам Т. Павлова, «определенна и значима общественно-исторически и индивидуально-творчески, классово-партийно и общечеловечески» [47]. Антагонизм классовых интересов «снят» в истине, но широко обозначен в относительно истинном научном знании.

В связи с рассматриваемым вопросом уместно сделать замечание по поводу мнения, будто учение о партийности (или о принципе партийности) есть учение о направленности истины [48].

Истина не нуждается ни в какой внешней силе, стоящей за пределами науки, которая могла бы ее как-то «направить». Она всегда «самонаправлена» своим объективным, независимым от человека, класса и общества содержанием. Направляемым может быть лишь относительно истинное научное знание. И эта направляемость различна.

Есть партийность, ориентирующая субъект (вольно или невольно) на иллюзорное, фидеистское, неистинное представление о действительности. В этих условиях ложные суждения науки получают дополнительный источник для своего появления и функционирования в системе относительно истинного научного знания; они вызывают в целом усиление субъективизации знания, увеличение степени относительной истинности науки в сторону отхода от истины. Это есть отрицательно-субъективная «накладка» на живой процесс научного познания, который и без того в немалой мере насыщен нежелательными (для поиска истины) субъективными моментами.

И есть партийность, направляющая внимание ученого, социально его ориентирующая (интеллектуально и эмоцио-

---

[46] В середине прошлого столетия, например, перед Ч. Дарвиным стояла цель — объяснить механизм эволюции видов. Среди значительной информации, способной дать ему ключ к решению проблемы, находилась и концепция Т. Р. Мальтуса, изложенная в книге «Опыт о законе народонаселения». Основная идея концепции Т. Р. Мальтуса состояла в том, что рост народонаселения происходит в геометрической, а рост средств существования — лишь в арифметической прогрессии. Его концепция служила задачам апологетики капитализма. Марксист, как справедливо отмечено А. А. Суховым («Идеи революции и эволюции в естествознании», 1924, стр. 4), почувствовал бы глубокую неправду мальтузианской концепции; буржуазный же ученый, каким был Ч. Дарвин, принял с легким сердцем мало затрагивающую его апологию капитализма и классовых привилегий как истину и воспользовался ею как полезным намеком в своей дальнейшей работе; из этого видно, что классовая принадлежность заставляет ученого замечать и подчеркивать (в обилии относительно истинной научной информации) главным образом то, что всего ближе его классовой психологии.

[47] Т. Павлов. Теория отражения. М., ИЛ, 1949, стр. 472.

[48] См. Л. Живкович. Теория социального отражения. М., «Прогресс», 1969.

нально) на достижение максимальной достоверности научного знания.

Если партийность усиливает индивидуально-субъективные факторы раскрытия истины, то она (с точки зрения марксизма) положительна; если же она отвлекает внимание и талант исследователя от поиска истины, то, видимо, такой фактор нежелателен, его следует устранить, не допустить его внедрения в науку.

Поскольку без социальной ориентации невозможен процесс научного творчества, поскольку социальная ориентация «работает» в процессе производства знания, постольку партийность как выражение этой ориентации не нейтральна по отношению к естественнонаучному знанию.

В системе «истина — реальность» (как отмечалось нами ранее) дана зависимость суждений только от реальности, а в «трехчленке» (партийность — относительно истинное знание — реальность) — и от реальности, и от субъективного фактора.

Если объективные истины независимы от субъекта, от классов и в этом смысле первичны по отношению к классовости, то, с другой стороны, партийно-социальная ориентация позиций субъекта познания первична по отношению к относительно истинному знанию, к оценке имеющейся информации и к «выбору» соответствующих суждений.

В отличие от концепции «социологии познания» К. Маннгейма диалектический материализм утверждает не только неизбежность социальной, объективной детерминированности научного творчества, но и двоякое воздействие субъективного (партийности) на объективное (естествознание) и неизбежность социальной, объективной детерминированности субъективного на «выходе» естественнонаучного творчества, т. е. в самих результатах деятельности ученого.

Здесь первое «поле применения» партийности смыкается со вторым «полем применения». Партийность, являющаяся субъективной стороной по отношению к содержанию естественных наук, выступает как объективная сторона в системе субъективных предпосылок процесса научного творчества и через данный процесс «переносит» свою объективность в субъективную форму выражения естественнонаучных знаний. Вследствие этого субъективная форма выражения знания о природе (мировоззренческие, гносеологические выводы, например) объективна столь же, сколь и само ее содержание (но в другом отношении).

Диалектика субъективного и объективного ведет к взаимосвязанности двух задач, стоящих перед представителями научной партийности: 1) полного исключения противоположной партийности (как уводящей от истины) на «входе» и

«выходе» познания и 2) согласования партийности с естественнонаучным познанием.

Вопрос о соотношении партийности и естественнонаучного знания может быть рассматриваем не только в плане объективного и субъективного, но и в плане соотношения «частного» и «всеобщего». Всеобщее, изучаемое философией, существует не где-то в отрыве от природных предметов и явлений, а в них самих. И естествознание, имея перед собой природу как органическое единство отдельного, особенного и всеобщего, не может не касаться всеобщего. Вследствие данного обстоятельства естественные науки взаимопереплетены по своему содержанию и методам с философской наукой; степень такой связи дает возможность говорить о степени их философской партийности. Философская наука по внутринаучным «каналам связи» переносит соответствующую информацию в естественные науки, осуществляя к тому же роль объединительного начала в синтезе естественных и общественных наук.

Отмеченному обстоятельству способствует еще и то, что общество как форма движения материи по своему генезису и «обратному» воздействию связано с совокупностью низших форм движения материи, составляющих природную действительность. Все это делает невозможным абсолютное разграничение социального знания и естествознания, а следовательно, партийности и естественнонаучного знания [49].

Наличие взаимосвязей, взаимопереходов между природой и обществом, между соответствующими формами движения материи (биологической и социальной) служит одним из «онтологических» корней существования всякого рода биологизаторских концепций в социологии [50].

Непосредственная связь наук о природе и наук об обще-

---

[49] Медицинская наука, например, вовсе не есть только биологическая или только социальная наука: часть этой науки (например, анатомия, физиология человека) лежит в пределах живой природы, часть — в пределах социологии (например, социальная гигиена), а часть — в биосоциальной сфере (например, этиология болезней). Исходя из этого, ясно, что не может быть однозначного ответа на вопрос: социальна или биологична медицина как наука, партийная или непартийная медицина? Да и биологическая наука через ряд своих проблем и разделов имеет «выходы» в науки об обществе.

[50] В качестве извращенного понимания такой взаимосвязи, ведущего к взаимоисключающим положениям, можно указать на взгляды П. А. Кропоткина и Я. Икскюля. П. А. Кропоткин, исходя из единства природы и общества (что само по себе не ложно), ссылался на отсутствие в природе «единого управляющего центра» и требовал отказа от государства и власти в общественной жизни (см. П. А. Кропоткин. Современная наука и анархия, 1921). Биолог Я. Икскюль, отправляясь от того же тезиса и подобных фактов, ссылался на подчиненность частей организма виталистически трактуемому им «целому» и делал вывод о необходимости фашистской диктатуры как противостоящей «анархии частей» (J. V. Uexküll. Staatsbiologie. Hamburg, 1933).

стве, равно как и опосредованная их связь между собой (через философскую науку) не позволяют все же считать их одинаковыми по своей партийности. Наличие общих звеньев между ними не снимает их глубокого содержательного различия, проходящего по линии сущностного отличия объектов их отражения.

Естественные науки отражают природу, независимую от человека, классов и общества, которые в нее не включены. Предметом же наук об обществе является само общество, не только не существующее вне людей (в классово-антагонистических обществах — и вне классов), но развивающееся в той мере успешно, в какой оно само себя познает, само себя преобразует этими же людьми и классами. Б. М. Кедров справедливо подчеркивает различие самих объектов исследования этих наук: «...объекты, входящие в природу, существующую независимо от человека, по самой сути дела не носят классового характера, другие же, представляющие собой явления общественной жизни, носят такой именно характер, а потому не могут рассматриваться вне выяснения вопроса о том, как к ним относятся различные классы общества — прогрессивные и реакционные»[51].

В связи со сказанным по вопросу о различии объектов исследования естественных и общественных наук можно сделать вывод: содержание естественных наук, поскольку оно обусловлено неклассовым характером объекта их исследования, не партийно; содержание же общественных наук, поскольку они имеют объектом своего исследования классовый характер самого объекта, партийно; естествознание по объекту своего исследования, если он четко отграничен от социальной формы движения материи, неклассово, непартийно.

Вместе с тем наличие непосредственной и опосредованной связи между природой и обществом (и соответствующими науками) требует дополнения данного вывода другим, а именно: естественные науки в той мере партийны, в какой они оказываются взаимосвязанными с социологией, философией.

Можно, пожалуй, сказать теперь и так: в плане «частного уровня» (т. е. ограниченного общеприродными законами и природными объектами) естествознание не партийно, в плане же «всеобщего уровня» (т. е. всеобщих законов, изу-

---

[51] Б. М. Кедров. Ленин и революция в естествознании XX века. М., «Наука», 1969, стр. 244.

В этом плане становится неприемлемым положение: «Философия, естественные и математические науки так же партийны, как и науки экономические или исторические» (редакционная статья «За партийность в философии и естествознании». «Естествознание и марксизм», 1930, № 2—3, стр. IV). Из этого тезиса логически следовало, что поскольку есть, например, буржуазная политэкономия, постольку якобы есть и буржуазная биология, буржуазная физика и другие «буржуазные» естественные науки.

чаемых философией), и в плане «переходных» природно-социальных связей теоретическое естествознание партийно. Иначе говоря: естествознание само по себе не партийно; оно партийно лишь постольку, поскольку его исходные посылки, интерпретации (трактовки) или выводы оказываются ориентированными на внеестественнонаучную область, т. е. на философию, социологию, этику и другие моменты, стороны идеологии и связаны с ними.

Относительно истинное научное знание способно отдельными своими сторонами служить активным средством идеологической борьбы, активным орудием укрепления надстройки.

Наличие в науке суждений и гипотез, истинность или ложность которых в конкретно-исторических условиях практики и эксперимента еще не установлена абсолютно, является при этом базой для всевозможных партийно-реакционных спекуляций.

Конечно, истина сама по себе непартийна. Но истинные или ложные суждения науки приобретают свойство быть партийными, когда они оказываются в центре пересечения противоположных партийно-классовых интересов, когда они непосредственно используются для обоснования идеологии.

Другой своей стороной естествознание обращено к производительным силам, чем ставятся серьезные ограничения для усиления надстроечной функции естественных наук (в смысле ограничений идеологических спекуляций на данных естествознания). Та часть естественнонаучного знания, которая связана через технику с производством и не затрагивает противоположности классовых интересов, не является партийно-классовой.

В этом коренится существенное отличие наук о природе от наук об обществе. Истины математики, физики, химии и биологии не задевают интересов феодалов или капиталистов, более того, даже служат им через процесс производства, вследствие чего вокруг них нет и не будет соответствующей идеологической (надстроечной) борьбы [52].

Благодаря своей тесной связи с техникой, с производительными силами естествознание ориентировано на истину, на ее формирование, ибо успех в экономической, производственной области определяется не относительно истинным научным знанием и менее всего иллюзорным представлением о действительности, а адекватным действительности, независимым от классовых интересов отражением. Поскольку естествознание связано с производительными силами и становится более того непосредственной производительной

---

[52] См. Т. Гоббс. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. «Избранные произведения», в 2-х томах, т 2. М, «Мысль», 1965, стр. 132—133.

силой общества, постольку оно освобождается от непосредственных связей с классово-идеологической надстройкой.

В процессе исторического развития соотношение отмеченных двух сторон естествознания (его связь с надстройкой и его связь с производительными силами) изменяется: положения, которые в одних условиях использовались как средство укрепления надстройки, как средство идеологической борьбы, в других условиях и в другое время оказываются не способными служить этой задаче, поскольку наглядно демонстрируется их «внепартийность». Подобная тенденция (а на абсолютизации ее значения строится, кстати, доктрина «деидеологизации») дополняется другой тенденцией — тенденцией к синтезу наук естественных и социальных, тенденцией к повышению абстрактности относительно истинного научного знания, к увеличению количества и сложности опосредствующих звеньев от этого знания к производству, к увеличению возможностей надстроечного на него влияния[53].

Относительно истинное научное знание имеет внутри себя обе эти тенденции и абсолютный рост его «внепартийного» содержания происходит на фоне абсолютного роста его зависимости от надстройки.

На основании изложенных в данном разделе соображений мы считаем теоретически несостоятельным не только леводоктринерский антисциентизм, но и сциентистский антиидеологизм, представляющий собой разновидность «интеллектуалистского аристократизма».

Марксистско-ленинское учение о партийности направлено против попыток разъединить партийность и естествознание.

Партийность не является произвольной выдумкой; не является она и некоей искусственной конструкцией, навязываемой извне науке, естествоиспытателям. Объективные основания научного творчества, трудности поиска истины в науке немыслимы без субъективных факторов, без тех или иных теоретико-познавательных, общеметодологических, социально-политических и нравственно-этических позиций исследователя. Вопрос только в том, насколько эти позиции совпадают с научностью, насколько они содействуют раскрытию истины.

Проблема не в том, нужна ли партийность или нет, а в том, какой должна быть партийность, каким должно быть ее понимание.

---

[53] Так, все большая (в нынешних условиях) философизация естественных наук обусловливает усиление связи этих наук с классово-политической идеологией, с надстройкой.

Глава II

ОЦЕНОЧНАЯ И ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИИ ПАРТИЙНОСТИ

Универсальными, всеобщими отношениями субъекта к объекту являются отношения познания и оценки. Субъект партийности имеет те же отношения, что и субъект познания, хотя в субъекте естественнонаучного познания доминирует функция познавательная, а в субъекте партийности (мы имеем ввиду партийность вообще) доминирует функция оценочная.

В функциях партийности выражено ценностное и познавательное отношение субъекта к объекту, ценностный и познавательный подход субъекта к явлениям природной и социальной действительности.

Оценочная функция партийности состоит из самого акта оценки и рекомендаций к отбору того, что признается за ценность. В качестве объекта оценки в области естествознания преимущественно выступают результаты естественнонаучного познания (гипотезы, теории и т. п. в их философском и социологическом «одеянии»), идеологические и социально-психологические позиции субъекта, индивид (ученый) как личность; тот, кто оценивает, формирует суждения о полезности или вредности, правильности или неправильности, необходимости или ненужности того, что оценивается.

Оценка так или иначе связана с практикой в широком понимании этого слова. Практика, опосредуясь через потребности, интересы и цели, направляет внимание на то, что нужно, что полезно для удовлетворения общественных, классовых, групповых, индивидуальных интересов [1]. Вне практики не может быть ни оценки, ни познания, а следовательно, и партийности как отношения.

Оценка есть процесс, происходящий на любом структурном уровне субъекта познания и субъекта партийности. Наи-

[1] См. В. А. Василенко. Ценность и ценностные отношения. В кн.: «Проблема ценности в философии». М. — Л., «Наука», 1966.

более отчетливо проявляется оценка в области социологии и политологии на высшем (классовом) уровне субъекта партийности. Различные классы дают различные оценки общественным явлениям (например, буржуазная революция — с точки зрения сторонников феодализма и с точки зрения буржуа-предпринимателей, социалистическая революция — в оценке буржуазных идеологов и, с другой стороны, в оценке марксистов). Суждения социальных наук наиболее тесно связаны классово-ценностным отношением, которое у классов-антагонистов разнонаправлено. Суждения социальных наук представляют собой результат такого способа мышления, в котором цели и интересы классов являются доминирующими (этот момент, кстати, подмечен в концепциях «социологии познания» и «социализации науки», однако его значение гипертрофировано).

Но не только суждения социальных наук не свободны от классово-партийных оценок; от этих оценок не свободны и науки естественные. Достаточно вспомнить хотя бы один факт. Например, в 20-х годах в США имела место кампания против эволюционной теории Ч. Дарвина. Эта теория дискредитировалась с разных точек зрения, в том числе с мировоззренческой и социологической. Заявлялось, в частности, что эволюционная теория якобы ответственна за развязывание первой мировой войны [2]. На этой основе к эволюционной теории применялись отрицательные оценки.

Классово-партийные оценки, как видим, бывают подчас произвольными, далекими от объективности; в них бывает чрезмерно много субъективно-эмоционального содержания. Иногда они даются из соображений совсем иного характера, чем может показаться на первый взгляд. Но за всем тем кроется, очевидно, объективно детерминированная позиция того, кто оценивает. Если брать оценку в целом, как всеобщую категорию, как особого рода ценностное отношение субъекта к объекту, то оценка не есть нечто произвольное. «Ведь общественные интересы и потребности в своей основе определяются особенностями той или иной исторической эпохи, положением данного конкретного класса или общественной группы в системе общественного производства. Это значит, что оценки, исходящие из этих интересов и потребностей, объективно детерминированы, что они различны у людей разных эпох и разных общественных классов по определенным причинам объективного характера. Все ценности выводятся людьми из реальных условий их жизни и имеют потому вполне земное происхождение и значение» [3].

---

[2] «Тезисы баптистского проповедника Мартина от 17 октября 1923 г.». В кн.: Н. Полетика. Обезьяний процесс в Америке, 1926, стр. 31—32.

[3] В. П. Тугаринов. Марксистская философия и проблема ценности. В кн.: «Проблема ценности в философии». М.—Л., «Наука», 1966, стр. 16—17.

Оценка — это единство субъективного и объективного.

Существуют различные виды и уровни оценок, получаемые в итоге применения партийности к явлениям действительности, в том числе и к естествознанию. Оценка может быть общей — с точки зрения пользы того или иного явления, предмета для класса (социальной группы). В этом широком прагматическом плане допустима постановка вопроса о том, партийно или нет отношение человека к «делу», не наносится ли его поведением вред (экономический, общенаучный и т. д.) интересам класса, полезны или неполезны прикладные науки, теоретические науки, те или иные конкретные системы относительно истинного научного знания и т. д. На данном уровне классовая оценка выходит за пределы своей специфики (как классовости) и способна в той или иной мере совпадать с оценкой общечеловеческой. Но, с другой стороны, существуют **конкретные** виды классово-партийных оценок: партийно-политическая, партийно-социологическая, партийно-философская, партийно-этическая и др. В них выражается прежде всего сама **специфика** социально-классовой ориентации субъекта (по сравнению с иной социально-классовой ориентацией).

Конкретные оценки охватывают лишь часть научного знания; их применение на «выходе» научного производства не всегда возможно и целесообразно; позиция же самого исследователя (т. е. «вход» научного производства) способна оцениваться как в общем плане, так и с точки зрения любой конкретной партийной оценки.

Партийность как социальная позиция личности, как социальная ориентация субъекта есть не что иное, как оценка с точки зрения определенного класса или социальной группы. Вследствие этого партийность тесно связана с прагматическим отношением к явлениям действительности со стороны класса или социальной группы. Класс (социальная группа) испытывает потребность в укреплении своих позиций, используя для этой цели все средства, все то, что может быть полезным (в том числе и такое важное явление общественной жизни, как естествознание, его отдельные стороны).

Партийность — прагматическая категория; понятие партийности входит в область гносеологической прагматики; идеология всегда полезна для того или иного класса[4]. Но отмеченный момент не есть прагматизм; оценочная функция партийности сама по себе не превращает партийность в составную часть субъективно-идеалистической концепции прагматизма. Для этого требуется специальное, иного рода решение основного вопроса философии и вопроса о соотношении истинности и полезности.

---

[4] См. Г. Клаус. Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка. М., «Прогресс», 1967, стр. 94, 102, 108.

Познавательная функция партийности определяется познавательным отношением субъекта (носителя) партийности к его объекту и характеризуется актом познания, формированием познавательных суждений. Для этой функции партийности свойственны некоторые отличительные признаки. Оценочная функция складывается и действует прежде всего и преимущественно на уровне общественной психологии, на социально-психическом уровне сознания; познавательная же функция партийности складывается и действует преимущественно на идеологическом, теоретическом уровне.

На уровне социальной психологии преобладает классовый инстинкт над классовым сознанием, эмоциональный момент— над рациональным. Здесь не удается еще дифференцировать интересы класса на коренные и частные, длительные и временные; они еще «слиты» и «неразделены», как неразделенными оказываются явления и сущность на стадии живого созерцания. Здесь не имеется возможности проникнуть в сущность классовых противоречий, а тем более философской противоположности.

Познавательная функция партийности, опираясь на эмоционально-психическое отношение к объекту партийности (и на оценки данного уровня), способна помочь субъекту партийности теоретически проникнуть в сущность объектов и довести его оценки социальных явлений до уровня подлинно научных оценок. Здесь могут быть использованы все средства, все методы эмпирического и теоретического постижения сущности объекта.

В случае применения партийности к естествознанию эта функция партийности также способна влиять на процесс познания конкретного объекта.

Другое различие между познавательной и оценочной функцией партийности проходит уже не по их источнику или средствам отражения действительности, а по содержательной структуре соответствующих суждений. Если для оценочных суждений характерен, например, момент долженствования (требование, чтобы что-то соответствовало интересам субъекта, было «правильным», «полезным»), то для познавательных суждений характерен момент констатации того, что есть в действительности. «Научное, познавательное суждение есть суждение о факте, в то время как для суждения ценности «должное» имеет важное значение»[5]. Для познавательной функции партийности характерны такие понятия, как «истина», «заблуждение», «ложь»; на основе того или иного толкования этих понятий осуществляется ориентация субъекта по отношению к системам относительно истинного знания.

---

[5] О. М. Бакурадзе. Истина и ценность. «Вопросы философии», 1966, № 7, стр. 47.

Из факта различной характеристики оценочного и познавательного отношений субъекта к объекту делаются иногда выводы, будто идеология (партийность) есть целиком сфера оценочных (ценностных) суждений, а естествознание — сфера познавательных суждений, свободная от ценностного подхода. Эта точка зрения в свое время была обоснована в неокантианстве[6].

Неокантианская трактовка естественных наук (как органически якобы не связанных с ценностным отношением субъекта познания) в наши дни широко используется различными концепциями антиидеологизма.

Она ведет к противопоставлению идеологии и науки, партийности и естествознания, а в случае признания познавательной функции идеологии — к дуализму функций партийности, т. е. к такому их пониманию, когда функции предстают органически не связанными друг с другом, механически противопоставленными и действующими разноплоскостно, независимо друг от друга.

Диалектико-материалистическое понимание партийности базируется как на различении двух ее функций—познавательной и оценочной, так и на подчеркивании связи, взаимодействия этих функций, их порой практической (а не в абстракции) неотделимости друг от друга в актах познания и оценки.

Обе эти функции присущи и идеологии, и естествознанию, где они взаимодополняют друг друга. Взаимодополняемость оценки и познания наиболее очевидна тогда, когда между ними имеется вынужденный временной интервал. Так, в политической жизни, да и в науке, часто встречаются ситуации, когда субъект должен реагировать немедленно, не дожидаясь получения и обработки максимально полной информации. Иногда такую информацию вообще невозможно получить в течение длительного периода времени. В таком случае стесненная, ограниченная объективными факторами познавательная функция субъекта заменяется оценочной функцией. Субъект производит быструю оценку, не столько полагаясь на непосредственную конкретную информацию, сколько на свой опыт ценностного (эмоционального и общетеоретического) отношения к подобным ситуациям.

В этих ситуациях чрезвычайно важно (для прогрессивной формы партийности) руководствоваться какими-то общими принципами, вбирающими в себя весь исторический опыт жизни. Таким принципом и является принцип партийности с его оценочной и познавательной функциями.

Конечно, сказанное не означает, что раз данная оценка не должна совершенствоваться, становиться все более точной

[6] См. Г. Риккерт. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911, стр. 142, 151—152.

по мере получения и обработки информации; за актом оценки должны следовать акты познания, уточняющие предварительную оценку.

В естественных науках велико значение философской и специально-научной оценки, определение не только того, что истинно, а что ложно (такое разграничение, как мы видели, часто невозможно), но и определение значимости, ценности той или иной идеи. Макс Планк отмечал, например, что «значение научной идеи часто коренится не в истинности ее содержания, а в ее ценности. Это имеет значение также для идеи реальности внешнего мира и идеи причинности. В отношении этих идей имеет смысл не вопрос — истинно или ложно? — а вопрос — ценно или не ценно для науки? Но если мы подумаем о том, что понятие ценности было как раз всегда. совершенно чуждо по своей сущности такой объективной науке, как физика, то это обстоятельство покажется особенно поразительным, и возникает вопрос, как понять то, что значение физической идеи только при учете ее ценности может быть полностью исчерпано» [7].

Ценностная ориентация субъекта, сопровождая процесс познания, определяет значимость для науки той или иной идеи и способна выводить мышление на новые пути к истине. Собственно говоря, действительно «значимое» для науки рано или поздно приводит к истине. Но определение идеи в качестве «незначимой», особенно до выявления того, истинна она или ложна, способно ошибочно оценить идею как ложную и нанести большой вред познанию природы. Б. Л. Астауров отмечает, например, что провозвестникам нового экспериментального направления в биологии, основоположникам науки генетики «порой не было чуждо известное пренебрежение к традиционным направлениям классической описательно-сравнительной биологии — систематике, сравнительной морфологии, теории эволюции»; «с другой стороны, не было недостатка и в обратном — в **недооценке** прогрессивного значения и потенциальных возможностей нового направления» (т. е. построений классической генетики) [8]. Но имеется существенная разница между этими двумя «недооценками». Если первая «недооценка» имела место на фоне прочно завоеванных в науке рубежей эволюционной теорией, которая получила всесторонние доказательства своей достоверности в трудах Ч. Дарвина, то второго рода недооценка происходила на фоне гипотетического знания, в связи с чем она закрывала пути к дальнейшему движению познавательного процесса.

---

[7] М. Планк. Происхождение научных идей и влияние их на развитие науки. В кн.: «Сборник к столетию со дня рождения Макса Планка». М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 60—61.

[8] Б. Л. Астауров. О научном наследии Грегора Менделя. «Журнал общей биологии», 1965, т. XXVI, № 5, стр. 523.

Имея в виду подобные факты, некоторые ученые справедливо подчеркивают, что в естествознании лучше переоценить, чем недооценить новые идеи. П. К. Анохин, например, отмечает, что естественники всегда будут благодарны философам, если они будут осторожны в тех случаях, когда нужно кого-то остановить, кто переступает порог «устоявшихся» естественнонаучных истин, помня, что вред от того, что новатор пойдет дальше догматического, никогда не может быть большим. «Если новаторство научно несостоятельно, оно очень быстро изживет себя. Ошибки делаются стабильными только тогда, когда они черпают свою энергию из какой-то неразумной конъюнктуры. Но гораздо больший вред будет в том случае, если о барьер догматического разобьется **новая** мысль, гипотеза, плодотворная концепция. Тогда понадобятся целые десятилетия для того, чтобы восстановить истину и показать, что догматизация нанесла непоправимый ущерб научному прогрессу» [9].

Поскольку естественнонаучное познание сопровождается ценностными суждениями, ими дополняется, с ними взаимосвязывается, то теряет, видимо, смысл принципиальное противопоставление на этой основе естествознания и партийности, ибо партийность есть тоже оценка и познание. Тогда вопрос можно поставить уже в другой плоскости — в плоскости соотношения различного рода оценок **внутри** учения о ценностях (внутри аксиологии) и в плоскости соотношения познавательного и ценностного компонентов в партийности и в сфере естествознания.

Оценочная функция партийности не есть нечто, противоположное познавательной функции. Это в леводоктринерском антисциентизме, а не в диалектическом материализме, оценочная функция вытесняет познавательную: концепция «социализации науки» не нацеливает на познавательную деятельность, на изучение объекта, а на оценку, которая должна формироваться инстинктивно, интуитивно.

Оценочная функция партийности, с точки зрения марксизма-ленинизма, должна неизменно базироваться на познавательной функции. Оценка, чтобы быть истинной, должна иметь в своей основе максимально достоверное познавательное суждение — независимо от того, происходит ли это в сфере социально-психологической или идеологической, на уровне обыденного сознания или на уровне теоретического сознания.

Всякая оценка так или иначе должна быть связана с мышлением, с осознанием, с познавательным моментом (в этом смысле оценка неотделима от познавательного акта).

---

[9] П. К. Анохин. За творческое сотрудничество философов с физиологами. В кн.: «Ленинская теория отражения и современная наука». М., «Наука», 1966, стр. 293.

Оценка, как справедливо отмечает В. П. Тугаринов, есть осознание того, что те или другие явления могут (или не могут) удовлетворять наши интересы. Интерес, в особенности социальный, осознавать необходимо (например, осознание пролетариатом своих подлинных классовых интересов). Поэтому в таких случаях возможно рассматривать оценку как особый вид познания, как «оценочное познание»[10]. Познавательное суждение является частью значения ценностного суждения; другой частью его значения является долженствование[11].

В свою очередь, акт познания невозможен без оценки, и познавательная функция партийности в качестве своей необходимой предпосылки имеет суждение ценности, т. е. ценностную ориентацию субъекта. «Ценностное отношение... представляет собою непременный момент познания, поскольку оно переходит в практику»[12].

Партийность есть оценка, включающая в себя познание[13]. В партийности оценочная функция является превалирующей, определенным образом направляющей (ориентирующей) познавательную функцию: либо в сторону, увеличивающую достоверность относительно истинного научного знания, либо в сторону, уменьшающую такую достоверность и затрудняющую поиск истины.

Но если в партийности (идеологии) доминирует оценочный момент, то в естествознании больше акцентирован познавательный момент. Естественнонаучное знание есть система познавательных суждений, включающая в себя момент оценки.

И в идеологии, и в естествознании имеются оба эти момента: оценочный и познавательный, хотя и в разном соотношении. На основе такой относительной их тождественности следует отвергнуть неокантианско-риккертовское противопоставление идеологии и естествознания. Несостоятельность всех видов современного антиидеологизма, опирающихся на неокантианско-риккертовскую концепцию, обнажается при обосновании тезиса, что **естествознание и идеология идентичны по характеру своих суждений (познавательных и оценочных)** и что в этом отношении нет никаких принципиальных препятствий для осуществления их гармоничного синтеза при определенных условиях.

Благодаря одновременному действию обеих функций партийности происходит, во-первых, отражение субъектом дейст-

---

[10] В. П. Тугаринов Теория ценностей в марксизме. Изд-во ЛГУ, 1968, стр. 44.

[11] См. О. М. Бакурадзе. Истина и ценность. «Вопросы философии», 1966, № 7, стр. 48.

[12] В. П. Тугаринов. Теория ценностей в марксизме, стр. 104.

[13] Данное положение не относится к теологическому аспекту реакционной формы партийности.

вительности на идеологически-теоретическом уровне общественного сознания и на уровне социально-психологическом, эмоциональном; во-вторых, осуществляется активное воздействие субъекта на объект (или одной личности на другую) в плане интеллектуальном и эмоциональном.

Партийность в этой связи имеет две стороны: интеллектуально-идеологическую и эмоционально-психологическую. На этой основе осуществляется рационалистическое и нерационалистическое (эмоциональное) «видение» мира сквозь призму определенных социальных и классовых интересов. На этой основе складывается и миро**воззрение**, и миро**ощущение**, которые затем проецируются на окружающий человека мир.

Партийность, вбирающая в себя чувства и разум, предназначена и для «сердца», и для «ума».

Партийность и интеллектуальна, и эмоциональна.

Глава III

ФОРМЫ ПАРТИЙНОСТИ

Формы партийности выделяются по различным основаниям.

По значимости для прогресса науки партийность может подразделяться на сциентистскую и антисциентистскую, а в нравственно-этическом отношении — антигуманную (аморальную) и гуманистическую формы. Последняя, в свою очередь, может быть абстрактно-гуманистической и действенно-активной. Если брать за основание деления отношение к социальной действительности, то партийные позиции могут выступить либо в апологетической, либо в революционно-критической форме. По роли в социально-политическом развитии общества партийность может быть прогрессивной и реакционной. По степени же осознанности субъектом своей партийной принадлежности сама партийность выступает либо в стихийной, либо в сознательной форме, а по результатам конкретного применения партийности она может быть либо верной, либо ошибочной (с точки зрения интересов ее основного субъекта — класса или социального слоя).

Форм партийности, что очевидно, можно выделить большое количество, и разработка данного вопроса, доведенная до строгой классификации, может оказать существенную помощь науке и практике. Не имея перед собой задачи специального рассмотрения этого вопроса, а лишь обращая внимание на необходимость его изучения, мы остановимся вкратце на некоторых из форм партийности.

1. ОБЫДЕННО-ЭМПИРИЧЕСКАЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ФОРМЫ

Партийность как совокупность требований, определяемых общественным сознанием и применяемых в сфере (и через сферу) общественного сознания, складывается и действует на двух уровнях, которыми характеризуется само это сознание:

на уровне обыденного и на уровне теоретического сознания.

Уровни общественного сознания отличаются по глубине проникновения в действительность, по формам, способу отражения действительности, по своим социальным функциям. Обыденное сознание, формирующееся в повседневном опыте, ограничено сферой чувств, эмоций, сферой живого созерцания. Осознание классовых интересов происходит здесь непосредственно, и большей частью оно связано с противопоставлением повседневных (прежде всего экономических) интересов одного класса повседневным интересам другого класса.

Партийность, складывающаяся на обыденном уровне сознания, осуществляет важную задачу соединения идеологически-теоретического уровня партийности с потребностями, с каждодневной жизнью, с практикой класса. Но преимущества этого уровня партийности являются и его недостатками. Здесь не имеется возможности проникнуть в главное звено сущности классовых противоположностей, понять и научно осмыслить коренные интересы классов.

Партийность, формирующаяся на обыденном уровне сознания и им ограничивающаяся, есть партийность обыденно-эмпирического уровня. Она имеет внутреннюю тенденцию к своему дополнению партийностью теоретического уровня (в научной партийности эта тенденция реализуется), где используются средства рационально-теоретического познания и производится очерчивание одной партийности в противоположении другой по всем (или основным) руслам идеологии.

Партийность, складывающаяся на уровне обыденного и интеллектуально-теоретического сознания и проявляющаяся в двух функциях (оценочной и познавательной), тяготеет к различным структурным уровням субъекта партийности.

Партийность обыденно-эмпирического уровня коррелирует с низшим субъектным уровнем (индивидным), а партийность теоретическая — с высшим уровнем (классовым). Между ними должно быть соответствие и взаимодействие при определяющей роли высшего уровня, когда высшее вбирает в себя низшее, согласуя его с собой. Но при таком соотнесении друг с другом низший уровень может иметь и лишь иллюзию того, что он выражает интересы высшего уровня; этот субъект партийности может предпринимать действия, исходя из своекорыстных интересов, наносящих ущерб коренным интересам субъекта высшего уровня партийности.

В первом случае (при обоюдном соответствии) мы имеем партийность теоретического уровня, во втором случае (когда такого соответствия нет) — партийность обыденно-эмпирического уровня.

Понятия «инстинктивный социализм», «скрытый социализм», встречающиеся в произведениях основоположников марксизма, относятся к особой форме пролетарской партий-

ности, находящейся на эмоционально-психологическом (инстинктивном, скрытом) уровне отражения и не дополняющейся адекватной ей теоретической, интеллектуально-идеологической формой.

До появления марксизма партийность пролетариата находилась преимущественно в эмоционально-психологической и эмпирической форме. Существовало много «теоретических» концепций, претендующих на адекватную связь с эмоционально-психологической жизнью пролетариата. Среди этих концепций были и такие (вспомним, к примеру, утопический социализм), которые выводили пролетарскую партийность к более высоким формам; здесь было в известной степени теоретическое, интеллектуально-идеологическое осмысление интересов нового класса, но ограниченное в научном плане, т. е. без проникновения в основные закономерности общественного развития, без создания научной философии и политэкономии. Это была незавершенная, неразвитая форма партийности.

Однако и с появлением научной идеологии пролетариата не была устранена возможность существования неразвитой, незавершенной формы пролетарской партийности. Мы имеем в виду не правый оппортунизм, партийность которого, кстати, завершена в смысле многосторонней, многоаспектной своей трансформации к буржуазной партийности. Завершенной является и партийность «левого» оппортунизма, смыкающаяся с мелкобуржуазной партийностью. Неразвитая форма пролетарской партийности может встречаться и встречается на индивидном и групповом уровне в качестве однобокой, чрезвычайно суженной трактовки самой партийности (чаще всего — в сведéнии партийности только к членству в партии или только классово-политическому аспекту марксистско-ленинской партийности, который к тому же трактуется абсолютизировано по отношению к другим аспектам принципа партийности).

Неразвитая форма партийности чаще всего связана с обыденно-эмпирической, а не интеллектуально-теоретической своей формой, а также с неспособностью субъекта партийности выразить свои коренные интересы через полную систему аспектов партийности.

2. ОБЪЕКТИВНАЯ, ОБЪЕКТИВИСТСКАЯ И СУБЪЕКТИВИСТСКАЯ ФОРМЫ

Для объективной формы партийности характерна устремленность к объективной истине, к достижению максимальной достоверности научного знания. Такая форма была присуща буржуазии и ее идеологам периода восходящего развития капиталистического способа производства. Но эта

объективность была в тот период ограниченной не только историческими условиями практики и уровнем познания, но и узостью классовых интересов буржуазии как эксплуататорского класса. Высшей формой объективной партийности является пролетарская, марксистско-ленинская партийность.

Объективистская форма партийности («объективизм») ратует якобы за объективность, но условием достижения истины провозглашает процесс познания, целиком очищенный от классово-партийных оценок. Объективизм[1] противопоставляет познавательную и оценочную функции партийности и пытается отбросить оценочный подход к действительности и знанию. Объективизмом мы называем такое направление мысли, которое утверждает, что какого-либо прагматического аспекта наших суждений, теорий и т. д. либо вообще не существует, либо он представляет собой произвольную субъективную приправу, подлежащую элиминированию[2]. Объективизм, согласно другому определению, представляет собой мировоззренческую позицию, в основе которой лежит тезис о воздержании науки от критических оценок, суждений о целях и партийных выводов[3].

Объективизм имеет место как в области общественных наук, так и в области естествознания.

В социологическом исследовании отказ от оценочного подхода к теории и к действительности, ею отображаемой, ведет к научному обеднению теории, к неполному, поверхностному описанию исторической действительности. Объективизм способен воспроизводить действительность, но воспроизводить фактографически и апологетически. Подробную характеристику системы воззрений объективизма дал В. И. Ленин в произведении «Экономическое содержание народничества...»[4]. Объективистский подход в социологии, требующий отказа от партийно-оценочного отношения к явлениям, уводит субъекта в сторону от выяснения глубинных закономерностей, основных движущих сил исторического процесса.

В области естественных наук объективизм имеет свои особенности, обусловленные спецификой предмета отражения. В природе нет таких сил или сторон противоречий, которые бы непосредственно затрагивали судьбу какого-либо класса общества. Не соответствовать интересам классов или соци-

---

[1] Следует иметь в виду, что термин «объективизм» встречается в произведениях В. И. Ленина в двух значениях: во-первых, для обозначения определенной формы партийности (объективистской) и, во-вторых, для характеристики гносеологической позиции — устремленности на адекватное, объективное отражение материальной действительности.

[2] См. Г. Клаус. Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка. М., «Прогресс», 1967, стр. 109.

[3] См. Г. Батищев. Объективизм. В кн.: «Философская энциклопедия», т. 4 М., «Советская энциклопедия», 1967, стр. 124.

[4] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 418—419

альных слоев могут только философские истолкования научных данных, философские исходные посылки и философские социологические, политологические выводы, но отнюдь не сами по себе естественнонаучные факты, проблемы или теории. В связи с этим «естественнонаучный объективизм» выражается в стремлении не делать философские (политические, нравственно-этические) выводы, хотя они диктуются самим материалом некоторых исследований, в стремлении не формулировать «идеологические» (в том числе общеметодологические) положения и философски интерпретировать частнонаучные данные. Объективизм в естествознании выражается в отказе от применения идеологических оценок к анализу каких-либо естественнонаучных концепций и субъективных, идеологических позиций естествоиспытателей. Он означает отказ от идеологической борьбы в сфере естествознания, от борьбы за выработку такой социальной ориентации субъекта, которая была бы созвучна устремленности к истине. Идеологический компромисс в сфере естествознания, к чему негласно призывает объективизм, оставляет естественнонаучное исследование на произвол социально неустойчивых, социально неопределенных или социально неверных позиций. Объективизм не ориентирует относительно истинное научное знание в сторону достижения максимальной его достоверности, ибо оставляет не исчерпанными социально-идеологические возможности такого достижения. «Социологический» и «естественнонаучный» объективизм находит свое обоснование в современной доктрине «деидеологизации».

Разновидности объективизма представлены осознанной, теоретически обоснованной доктриной «деидеологизации» и стихийным, «неосознаваемым» антиидеологизмом («сциентистским антиидеологизмом»). В своей стихийной разновидности объективизм может быть попыткой буржуазного ученого избавиться от активной поддержки антинаучной идеологии и замкнуться в рамках узкой специальности [5]. Вследствие этого вряд ли точной будет квалификация всякого объективизма как буржуазного и реакционного по своей сути. Точнее будет сказать, что всякий «стихийный» объективизм так или иначе партиен, но характер его партийности различен и зависит от того места, какое он объективно занимает (в каждом конкретном случае) в современной идеологически-партийной борьбе.

Субъективистская форма партийности («субъективизм») абсолютизирует роль оценочной функции и эмоционально-психологической стороны партийности.

---

[5] См. Г. Батищев. Объективизм. В кн.: «Философская энциклопедия», т. 4, стр. 124.

Субъективистское истолкование партийности вытекает из реальных возможностей («корней»), заключенных в сложности самого понятия партийности, наличия в нем разноплановых и противоположных компонентов. Не видя или не желая видеть сложности и диалектики внутренних взаимоотношений компонентов партийности, субъективисты выхватывают из этой системы наиболее импонирующие им элементы, произвольно конструируют нормативные догмы, которые служат им основой познания и действия.

Субъективизм вырастает на вере в безграничную способность воли, решительности, эмоций и других психологических качеств обеспечить немедленное решение проблем науки и столь же быстрое преобразование окружающей действительности. Такая вера покоится на недооценке закономерного характера познавательного процесса, законов развития науки, закономерностей социальной и природной действительности. Такая вера противопоставлена научному подходу и не считается с требованиями разума.

Особую опасность представляет субъективистская партийность, когда ее носителям удается занять определенные общественные и административно-научные позиции. Волюнтаристский активизм и произвол находят тогда выход в безудержном «внутринаучном» администрировании и попирании принципов научного творчества [6].

Для субъективистской формы партийности характерны также фанатичный догматизм и конъюнктурщина. Она ориентирует мышление не столько на познание конкретного многообразия объекта, сколько на его «подверстку» под формулы и правила личностного порядка. Субъективизм навязывает научному познанию антропоморфные абстрактные схемы, а также выводы и оценки, чуждые объекту. В связи с этим он не дает достаточно твердой ориентации на достижение максимально достоверного знания; ему требуется другое, и прежде всего — культивирование воли, эмоций, ему созвучен службизм, авторитаризм в науке, слепая вера в авторитет своего «лидера», он нуждается в монополизме в науке. Субъективизм порождает приспособленчество, беспринципность, конъюнктурщину. Здесь имеет место гибкость, но не та, которая свойственна диалектическому мышлению. Это гибкость не перед объективными процессами природы, не в целях их лучшего отражения; это гибкость перед чуждыми науке силами, ведущая к отходу от истины и теоретическим виляниям [7].

---

[6] См. Н. Семенов. Наука не терпит субъективизма. «Наука и жизнь», 1965, № 4.

[7] См. Б. М. Кедров. Ленин и революция в естествознании XX века. М., «Наука», 1969, стр. 367.

Волюнтаристский активизм отдельной, «выдающейся» личности и конъюнктурщина, отсутствие самостоятельности мышления — таковы два взаимодополняемых полюса одного и того же явления — субъективизма.

3. ПРОГРЕССИВНАЯ И РЕАКЦИОННАЯ ФОРМЫ

Партийность — это прежде всего осознанная (или неосознанная) классовость позиций, это выражение тех или иных классовых интересов. Без классовости нет партийности. Поскольку классовость в классово-антагонистических формациях полярна в политическом, мировоззренческом и других планах, постольку полярна по своей значимости и сама партийность. В категории партийность фиксирован, таким образом, факт поляризации позиций субъектов, их прогрессивное и реакционное направления.

Один и тот же субъект партийности может сочетать в себе обе названные формы партийности: и прогрессивную, и реакционную, но на разных этапах своего существования, в разных исторических условиях. Возможно также структурное расщепление субъекта партийности как класса и дифференциация форм партийности (реакционной и прогрессивной) по его структурным подразделениям[8]; тогда становится необходимым более конкретное определение субъекта этих форм партийности, определение того из них, который наиболее полно выражает интересы высшего уровня данного субъекта.

Прогрессивная и реакционная формы партийности совпадают с классовыми типами лишь в основе. Принадлежность же того или иного социального слоя (социальной группы), а тем более индивида к определенному классу общества еще не предрешает вопроса о прогрессивности или реакционности его социально-политических позиций. При наличии общей реакционной партийности может иметь место прогрессивная

---

[8] В рабочем классе капиталистических стран имеется, как известно, кроме слоя индустриальных, потомственных рабочих, сознающих коренные интересы своего класса, слой так называемой рабочей аристократии, идущий на компромисс с буржуазией, и так называемый «новый слой», образуемый из бывших крестьян, разорившихся мелких буржуа и т. д. и склонный к мелкобуржуазным шатаниям.

В условиях строящегося социализма, когда ликвидируются эксплуататорские классы и когда массы непролетарского населения вовлекаются в процесс промышленного производства, возникает реальная опасность превалирования мелкобуржуазной идеологии со стороны этого «нового слоя» рабочих. Возникает специфическая форма партийности (хотя и на сравнительно короткий исторический отрезок времени), которая противостоит прогрессивно-пролетарской партийности и которая является одним из социальных источников, рождающих леводоктринёрский антисциентизм. Эта форма партийности в условиях перехода общества от капитализма к социализму не является прогрессивной, вследствие чего стоит задача ее полного преодоления.

форма ее частного выражения, и, наоборот, при наличии общей прогрессивной формы партийности может встречаться и встречается непрогрессивная, превратная форма ее частного выражения.

Реакционная форма партийности проявляет себя в политической области, в сфере социологии, гносеологии, общей методологии, в отношениях с культурой, естествознанием. Для нее характерна помимо прочего незаинтересованность в полном раскрытии истины, отрицательное воздействие на относительную достоверность научного знания. Данное положение не следует понимать упрощенчески, будто при капитализме, например, естествознание не развивается вообще. Речь идет лишь о неполном использовании всех социальных возможностей для развития естественных наук[9]. Реакция (и соответствующая форма партийности) не может бороться против всех истин, это было бы бессмысленным; речь идет только о следующем статистическом отношении: прогрессивные силы, в общем и целом, являются поборниками истины, силы же реакции в среднем выступают как противники истины[10].

Реакционная политическая партийность воздействует на относительно истинное научное знание как непосредственно, так и (чаще всего) опосредованно.

Непосредственное воздействие выражается в активном давлении политической надстройки на сознание естествоиспытателей, в требовании ставить свои конкретные теоретические исследования в прямую связь с политикой, в поддержке одних научных направлений и «закрытии» других и т. д.[11].

---

[9] См. Б. М. Кедров. Ленин и революция в естествознании XX века, стр. 254—255.

[10] См Г. Клаус. Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка, стр. 112.

[11] Известно, что в странах с фашистским режимом ученые подвергались интеллектуальному принуждению; от них требовали безоговорочного признания правильности политических взглядов фашистов. Так, итальянское правительство декретом от 28 августа 1931 г. (№ 1227) обязало всех профессоров высших учебных заведений принести присягу на верность фашистскому режиму.

Ученых, несогласных с требованием и не разделявших политическую позицию фашистской партии, увольняли с работы и многие из них либо эмигрировали в другие страны, либо были физически уничтожены.

Реакционной представляется роль в обществе тех естествоиспытателей, которые открыто поставили свои специальные познания на службу политическим интересам фашистского режима, на службу реакционной партийности. Опираясь на субъективистскую трактовку некоторых положений генетики, такие биологи, как Э. Леман, Л. Плате, Ф. Ленц и другие, разрабатывали расистские теории. Вся история, с их точки зрения, оказывалась не историей борьбы классов, а историей борьбы рас; эта борьба осуществляется якобы по биологическим законам естественного отбора: в ней побеждают сильнейшие, крепкие, аристократические расы, и все, что не принадлежит к хорошей расе, является отбросами, подлежащими истреблению или превращению в рабов. Высшая цель науки биологии, как

Чаще всего реакционная форма партийности воздействует на развитие научного знания не непосредственно, не через политическую идеологию, а через другие формы идеологии (религиозную, философскую), т. е. опосредованно. Для реакционной партийности характерно **стремление низвести философию либо до роли служанки богословия** (что имело место в эпоху средневековья), **либо до роли служанки политики** (особенно при фашистском режиме). В этой своей роли философия теряет относительную самостоятельность. Но даже при наличии относительной самостоятельности философия в форме идеализма соответствует политическим интересам реакционных классов или социальных слоев.

Реакционная форма партийности деформирует относительно истинное научное знание, уводя его в сторону от истины. Вследствие этого снижаются не только темпы научного прогресса, но и наносится серьезный урон прогрессу общества в целом.

Реакционная форма партийности является и антисциентистской и антигуманистической. Интересы реакционных классов (слоев, групп) обусловливают экспансию идеализма (субъективизма) в область естественных наук, где идеализм (системный субъективизм) рано или поздно обнаруживает свою реакционную сущность [12].

заявлял Э. Леман, — это ковать оружие для дела Гитлера (в сб.: «Против фашистского мракобесия и демагогии», 1936, стр. 152, 148). Вторая мировая война с ее лагерями смерти — вот что принесла миру национал-социалистская партийность и ее порождение — «политическая биология».

[12] Приведем пример. Еще до открытия Дж. Дж. Томсоном электрона (1897 г.) со стороны некоторых естественнонаучных материалистов выдвигалась и разрабатывалась гипотеза о сложности строения атомов и их делимости. Однако философы-идеалисты и естественнонаучные идеалисты начали поход против данной гипотезы. Э. Мах, например, отказывался вообще признать реальность атомов и молекул, поскольку его гносеология трактовала объекты состоящими из комплекса ощущений, и все то, что не «ощущалось» (в том числе атом), не могло считаться реальным. А. Эйнштейн заметил по этому случаю, что предубеждение Э. Маха и В. Оствальда «против атомной теории можно несомненно отнести за счет их позитивистской философской установки. Это — интересный пример того, как философские предубеждения мешают правильной интерпретации фактов даже ученым со смелым мышлением и с тонкой интуицией» (А. Эйнштейн. Творческая автобиография. В сб.: «Эйнштейн и современная физика». М., ГИТТЛ, 1956, стр. 49).

Неправильное, определяемое идеалистической гносеологией отрицательное отношение Э. Маха и В. Оствальда к атомистической гипотезе привело к попыткам запретить представителям естественноисторического материализма проведение экспериментов и вообще излагать атомную теорию вещества. В этих невыносимых условиях, будучи затравлен, покончил жизнь самоубийством (в 1906 г.) крупнейший физик Л. Больцман (см. Э. Брода. Людвиг Больцман. В кн.: «Людвиг Больцман. Статьи и речи». М., «Наука», 1970).

Убедительные эксперименты заставили в конце концов В. Оствальда, а также Э. Маха признать реальность атомов. Но это было признание

Вся история естественных наук, взятая под углом зрения ее партийности, показывает, что идеализм, как правило, наносил ущерб прогрессу естествознания, а иногда в союзе с теологией выступал прямым противником науки. Мы делаем оговорку («как правило») потому, что имели место случаи, когда те или иные идеалисты двигали науку вперед (изобретение дифференциального исчисления идеалистом Г. В. Лейбницем). Кроме того, имелись случаи, когда отдельные стороны идеалистических концепций, отвлеченные в известной степени от гносеологии, давали научный эффект (например, влияние скептицизма Д. Юма и Э. Маха на выработку «критического мышления» А. Эйнштейна). Однако все это ни в малейшей степени не колеблет правила, отражающего действительную, негативную в целом роль идеализма в поиске и формировании истины, в развитии естествознания.

Философский идеализм (системный субъективизм), отрицательно воздействующий на прогресс естествознания, тесно связан с политической реакционностью и является ее порождением [13].

У реакционной политической идеологии и идеалистической философии одна и та же социально-экономическая основа, одна и та же цель в качестве надстроечного явления. Каждый класс нуждается не только в политической идеологии, обосновывающей необходимость соответствующего строя и разрабатывающей методы его достижения и упрочения. Каждый класс не менее этого нуждается в общетеоретическом осмысливании своего положения, в мировоззрении, которое определенным образом увязывало бы все основные знания о мире с политическими взглядами этого класса. Иначе говоря, классы нуждаются в философской идеологии, которая не только впитывает в себя стержневые моменты политической

такое, за плечами которого — потерянные жизни, время, труд, упущенные возможности для прогресса науки. Это было фактическое признание научной несостоятельности идеализма в качестве гносеологии естествознания.

[13] «Как правило, идеализм был и остается философским выражением идеологии тех общественных классов и на той ступени их исторического развития, когда они тормозят социальный прогресс... Именно интересы этих классов (прямо или косвенно, осознанно или неосознанно) стимулируют превращение гносеологических корней идеализма в развитые идеалистические системы, поощряют и закрепляют идеализм. Связь между классовым интересом господствующих классов и идеалистическим строем мысли основывается на том, что идеализм воссоздает бытие в мышлении не таким, каково оно есть на самом деле, способствует искажению и сокрытию объективной истины. Он уводит сознание от реального бытия, направляет устремления людей с преобразования объективной действительности на изменение субъективного отношения к этой действительности и тем самым способствует сохранению того, что есть, таким, как оно есть» (Б. Быховский. Идеализм. В кн.: «Философская энциклопедия», т. 2. М., «Советская энциклопедия», 1962, стр. 208).

идеологии (пусть даже в опосредованном виде), но и развивает, дополняет их в едином учении о мире и об отношении сознания к этому миру.

Философия связана с экономическими интересами классов не непосредственно, а опосредованно — через политическую идеологию. Философия в отличие от политической идеологии — одна из наиболее удаленных от базиса форм общественного сознания. Ее относительная самостоятельность определяется не только предметом изучения, но и ее большой зависимостью от накопленного мыслительного материала в ее же сфере, а также в области права, искусства, исторических и естественных наук. Философия как учение о мышлении и его законах, о взаимоотношении сознания и бытия — одна из самых абстрактных, удаленных от конкретно-чувственной данности форма общественного сознания. В силу относительной самостоятельности философии экономический интерес класса и политическая борьба могут и не находить себе адекватного преломления в борьбе философских партий [14].

Прямой и однозначной связи, идущей от идеалистического решения основного вопроса философии к политической реакционности, нет: не всякий идеалист есть заведомо реакционер и в политике. Подобным же образом нет одной только дороги от материализма к политической прогрессивности: не всякий материалист заведомо прогрессивен в политическом отношении. Борьба материализма и идеализма, как указывал В. И. Ленин, **в последнем счете** выражает тенденции и идеологию враждебных классов антагонистического общества. Поэтому можно говорить, что материализм (точнее — материалистическое решение основного вопроса философии), **как правило**, выражает интересы политически прогрессивных сил, а идеализм (идеалистическое решение основного вопроса философии) выражает, **как правило**, интересы политически реакционных сил. В общем и целом **реакционная** форма партийности тяготеет к идеализму (законченному субъективизму), прогрессивная партийность — к материализму.

4. МОНИСТИЧЕСКАЯ, ДУАЛИСТИЧЕСКАЯ И ПЕРЕХОДНАЯ ФОРМЫ

В современную эпоху последовательно материалистической и наиболее прогрессивной формой партийности является

---

[14] Так, Гераклит и английский философ нового времени Т. Гоббс в философии были материалистами, а в политике примыкали к реакции, стояли на позициях политически реакционной формы партийности. В то же время английская буржуазная революция совершалась под религиозно-идеалистической оболочкой, а немецкую классическую философию Ф. Энгельс не случайно называл философской революцией в Германии. Данное обстоятельство нуждается, конечно, в конкретно-историческом исследовании, в выяснении различных взаимозависимостей.

марксистско-ленинская, коммунистическая партийность. Эта партийность по характеру составляющих ее аспектов и связи между ними является образцом **монистической, унитарной формы партийности.**

Но кроме монистической формы возможна **дуалистическая, эклектическая форма партийности.** Для нее характерно наличие в одном и том же аспекте партийности прямо противоположных моментов. Например, во взглядах французского политического деятеля и философа П. Ж. Прудона сочетались, с одной стороны, принципы социализма, с другой — принципы мелкой капиталистической собственности. К. Маркс писал, что «несмотря на всю кажущуюся архиреволюционность, уже в «Что такое собственность?» наталкиваешься на противоречие: с одной стороны, Прудон критикует общество сквозь призму взглядов французского парцелльного крестьянина (позже — *мелкого буржуа*), а с другой стороны, прилагает к нему масштаб, заимствованный им у социалистов»[15]. Эклектическая, «прудонистская» форма партийности дошла до наших дней, оказав сильное воздействие на правых ревизионистов. В. И. Ленин подчеркивал в связи с этим, что «европейский реформист и оппортунист... неизбежно договаривается до прудонизма»[16]. На позициях эклектической («прудонистской») партийности ныне стоят такие проповедники мелкобуржуазного социализма, как Г. Маркузе и неофрейдист Э. Фромм.

Эклектическая форма партийности существует самостоятельно в ряду других форм партийности; но она может включаться (правда, далеко не всегда) в качестве момента в переходную форму партийности.

Переходная форма партийности характеризуется не столько наличием в ней противоречащих друг другу моментов, сколько направленностью к изменению позиций, явным «переливом», переходом из одной партийности в другую. Примером этой формы партийности может служить естественноисторический материализм[17].

---

[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 153.

[16] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 214.

[17] О естественноисторическом материализме см.: В. П. Егоршин. Естествознание, философия и марксизм. М., 1930; А. А. Максимов. Ленин и естествознание. М. — Л., 1933; Г. С. Васецкий. Основные черты естественнонаучного материализма в России. «Большевик», 1944, № 15; А. В. Потемкин. О естественноисторическом материализме. «Уч. зап. Ростовского-на-Дону ун-та», т. LXI. «Труды кафедры диалектического и исторического материализма», вып. 1. Ереван, 1957; Р. С. Карпинская. В. И. Ленин о естественноисторическом материализме. В кн.: «В. И. Ленин и некоторые вопросы теории познания». Горький, 1959; М. М. Карпов, А. В. Потемкин. В. И. Ленин и революция в естествознании. В кн.: «Всепобеждающие идеи». Ростов, 1960; Р. С. Карпинская, М. М. Абрашнев. Почему необходим союз философии и естествознания. Изд-во МГУ, 1963; Б. М. Кедров. Материализм. В кн.: «Философская энцик-

Естественноисторический материализм в условиях капитализма имеет, на наш взгляд, следующие черты. Во-первых, в политическом отношении позиции его представителей, как правило, буржуазны или мелкобуржуазны (отсюда, в основном, и квалификация этих естествоиспытателей как «буржуазных»). Во-вторых, в мировоззренческо-гносеологическом отношении его фактический («специально-научный») материализм сочетается с колебаниями в сторону агностицизма и идеализма; понимание причин общественного развития идеалистично. В-третьих, в общеметодологическом плане стихийная диалектика естественноисторических материалистов совмещается с принципами механицизма. И, наконец, в-четвертых, для естественноисторических материалистов характерно позитивистское понимание соотношения конкретно-научного и общефилософского знания.

Эти черты взаимоопределяемы. Так, позитивизм является в значительной степени следствием гносеологической его неустойчивости (агностицизма), идеализма в понимании причин социальных процессов (или устранения от решения этого вопроса), а также незнания (или неприятия) всеобщих законов диалектики.

Эта форма партийности может либо вылиться в кризис естествознания (в условиях капитализма), либо привести к значительным общетеоретическим трудностям (в условиях перехода к социализму).

В условиях социализма естественноисторический материализм постепенно освобождается от некоторых недостатков «классического» естественноисторического материализма: от политической буржуазности или мелкобуржуазности, от идеализма в понимании причин общественного развития и даже от гносеологической своей неустойчивости. В этих условиях естественноисторический материализм может выступать в качестве позитивистски интерпретируемого диалектического материализма. Завершением эволюции естественноисторического материализма в условиях социализма является переход его представителей на точку зрения коммунистической партийности.

Исходя из сказанного, мы не можем согласиться с мнением, будто естественноисторический материализм есть разновидность буржуазной идеологии. Его нельзя относить ни к буржуазной, ни к пролетарской партийности. Это переходная форма партийности.

лопедия», т. 3. М., «Советская энциклопедия», 1964; М. М. Абрашнев. В. И. Ленин о сущности и значении естественноисторического материализма. «Вопросы философии», 1965, № 8; М. М. Абрашнев, А. М. Джигкаев. 50 лет ленинского союза философов-марксистов и естествоиспытателей. Горький, 1967 и др.

Глава IV

СТРУКТУРА ПРИНЦИПА ПАРТИЙНОСТИ

Принцип партийности — это классовость, наиболее полно и наиболее последовательно выражающая социальные позиции рабочего класса.

В содержательном отношении партийность (и принцип партийности) охватывает все сферы общественного сознания — социально-классовую психологию и идеологию, все виды общественного сознания: политическое, нравственное, философское, правовое и т. д. Подлинно научная партийность многообразна по своим уровням и аспектам; такое структурно-содержательное многообразие партийности способно обеспечить достаточно гибкую, конкретную, многостороннюю плодотворную связь партийности с самыми разнообразными объектами и с их различными сторонами. Научная партийность не может, не обедняя себя, не теряя «каналов связи», ограничивать себя только идеологическим выходом к объекту (т. е. игнорируя требования классовой психологии); тем более не может она ограничиваться областью идеологически-политической, не используя другие области идеологии.

Марксистско-ленинская партийность является развитой монистической формой партийности. В ней определенным образом субординированы различные уровни: эмоционально-психологический и идеологический, эмпирический и теоретический, познавательный и оценочный. В применении к естествознанию высшая, интеллектуально-идеологическая сфера принципа партийности, как уже говорилось во введении, структурно расчленяется на четыре аспекта (в зависимости от видов общественного сознания или их подразделений): социально-политический, мировоззренческо-гносеологический, общеметодологический и нравственно-этический.

В данной главе структура принципа партийности рассматривается только в этой интеллектуально-идеологической его сфере. Что же касается эмоционально-психологической стороны, то, нисколько не преуменьшая ее значения, мы будем

затрагивать ее в качестве нерасчлененного (для наших целей) образования и лишь постольку, поскольку это будет необходимо для освещения сути самих аспектов интеллектуально-идеологической сферы принципа партийности.

Аспекты принципа партийности, которые нам предстоит рассмотреть, являются, строго говоря, аспектами категории коммунистической партийности. Категория есть наиболее общее понятие о явлении, а принцип образует совокупность выводов из этого понятия, все те требования, которые вытекают из него для целей познания и практического действия. В данном отношении «принцип» по своему объему у́же «категории».

Но аспекты категории коммунистической партийности определяют соответствующую структурную аспектность принципа партийности. Поскольку требования, составляющие элементы каждого аспекта, нуждаются в обосновании, постольку аспекты принципа партийности включают в себя (в той или иной мере) само содержание категории коммунистической партийности.

В нашей работе содержание названной категории будет освещено лишь постольку, поскольку это окажется необходимым для выделения главных требований принципа партийности.

Ограничивая себя задачей систематизации наиболее важных, с нашей точки зрения, требований, мы не претендуем ни на исчерпывающее изложение, ни на классификацию всех возможных здесь требований. Выполнение последней задачи может составить предмет специального, более конкретного исследования.

При характеристике каждого аспекта принципа партийности возможна следующая схема изложения: демонстрация идеологизма самого аспекта, раскрытие его содержания (т. е. определение главных требований, в него входящих), выявление его связи с другими аспектами и, наконец, выявление его взаимосвязи с объектом партийности, с естествознанием. Следует учитывать при этом, что вопрос взаимосвязи аспектов принципа партийности и вопрос взаимосвязи партийности с естествознанием являются такими проблемами, которые еще находятся в стадии разработки; до сих пор недостаточно ясным представляется, например, сам механизм взаимодействия философии и естествознания, хотя о характере их взаимодействия (взаимовлияния) накоплены уже достаточно ценные наблюдения. Изложение материала данной главы неизбежно будет ограниченным, когда непосредственно будет вставать задача показать конкретный механизм взаимосвязи между аспектами принципа партийности или между партийностью и естествознанием.

Однако сказанное ни в коей мере не преуменьшает значе-

ния определения структурной аспектности принципа партийности, выяснения системы требований, в нем заключенных, и характера его связи с естествознанием.

Остановимся на характеристике первого структурного аспекта принципа партийности.

1. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В пролетарской политической идеологии, разработанной К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным, содержится программа действий по революционному преобразованию социальной действительности, ликвидации капитализма, всех форм социально-классовых антагонизмов и построению бесклассового коммунистического общества [1].

В соответствии с этим принцип партийности требует преданности идеалам коммунизма и активно-действенного участия в их осуществлении. Быть партийным означает быть непримиримым к любым формам угнетения человека человеком, к эксплуатации физических и духовных потенций человека. Пролетарская партийность означает отстаивание коренных политических интересов трудящихся (пролетариата) [2], всемерного содействия борьбе по ликвидации капитализма, классово-антагонистического общества и очищению социальной жизни (в том числе общественного сознания) от «старой мерзости».

Пути и методы решения этой исторической задачи составляют предмет марксистско-ленинской политической идеоло-

---

[1] Коммунизм, по словам К. Маркса, есть положительное упразднение частной собственности. Коммунизм представляет собой «полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства достигнутого развития, возвращение человека к самому себе как человеку *общественному*, т. е. человечному. Такой коммунизм... есть *подлинное* разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он — решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение» («Экономическо-философские рукописи 1844 года». К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, 1956, стр. 588).

Коммунистическая революция, как писали К. Маркс и Ф. Энгельс в произведении «Немецкая идеология», «необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть *господствующий* класс, но и потому, что *свергающий* класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества» (Соч., т. 3, стр. 70); «...как для массового порождения этого коммунистического сознания, так и для достижения самой цели необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в *революции*...» (там же).

[2] В. И. Ленин указывал на опасность крайне узкого понимания «классовых интересов пролетариата» и упрощенного представления об их связи с социализмом (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 362—363).

гии. Она разрабатывает стратегию и тактику завоевания и упрочения нового общественного строя.

Политическую идеологию пролетариата в наши дни наиболее последовательно выражают марксистско-ленинские коммунистические партии, стратегия и тактика коммунистического движения. В связи с этим может ставиться и вопрос о партийности (коммунистической) или антипартийности позиции того или иного субъекта партийности [3].

Принцип партийности включает в себя требование революционно-критического отношения к социальной действительности.

Коммунистическое общество само есть непрерывный процесс развития, процесс созидания новых форм жизни и совершенствования этих форм. Оно есть реализуемая диалектика и диалектичное бытие. Революционно-критическое отношение к этой социальной действительности отлично от революционно-критического отношения к капитализму.

По отношению к социальной действительности, вызревающей в процессе коммунистической революции и являющейся либо переходной стадией от капитализма к социализму, либо первой или второй фазой коммунизма, революционно-критическое отношение выражается в позитивной критике и практическом действии, направленном на совершенствование имеющихся форм общественной жизни. Как писал К. Маркс, «пролетарские революции... постоянно критикуют сами себя... возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова, с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток...» [4].

Пролетарская партийность своим социально-политическим аспектом требует непримиримости как по отношению к бездумному, фанатическому апологетизму, ведущему к лакировке действительности, так и по отношению к нигилистическому скептицизму, чернящему социализм, не видящему его явных преимуществ перед капитализмом [5].

Революционно-критическое отношение к действительности, лежащее в основе принципа партийности, не есть нечто самодовлеющее (как у левых доктринеров или анархистов), а

---

[3] Как указывал В. И. Ленин, для определения грани между партийным и антипартийным служит партийная программа, служат тактические резолюции партии и ее устав, служит, наконец, весь опыт международной социал-демократии (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 103). Именно при таком подходе возможно установить совпадение (или несовпадение) явления, в качестве которого выступают отдельные политические действия, и сущности, каковой является коммунистическая партийность, марксистско-ленинская политическая идеология.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 123.

[5] См. П. В. Копнин. В. И. Ленин и материалистическая диалектика. Киев, 1969, стр. 142, 144.

всецело подчинено задаче окончательного преодоления классово-антагонистических форм жизни и утверждения коммунистических отношений между людьми, коммунистического сознания членов общества.

Из революционно-критического отношения к действительности и из тех задач, которым подчинено такое отношение, вытекает особая теоретико-познавательная ориентация марксистско-ленинской политической идеологии (коммунистической партийности), создающая ей особое «гносеологическое положение» в ряду многих других исторических форм идеологии (и форм партийности). Эта особенность состоит в том, что она, чтобы быть действенной, чтобы достичь своей цели, должна базироваться на научности, на максимально достоверном научном знании, иначе говоря, она по самой своей сути требует максимальной степени научности.

Идеологи антикоммунизма извращают суть марксизма-ленинизма, когда, спекулируя на превратных фактах из истории, обвиняют всю нашу теорию в догматизме и субъективизме. Но марксистско-ленинское учение, а вместе с тем и принцип партийности, логически (в самой теории) ни в какой мере не соединимы ни с догматизмом, ни с субъективизмом.

Как подчеркивал В. И. Ленин, «не может быть догматизма там, где верховным и единственным критерием доктрины ставится — соответствие ее с действительным процессом...» [6]. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что догматические предпосылки и субъективистский метод навязываются всякому мыслителю до тех пор, пока он не возьмет в качестве предпосылок процесс изменения действительности, совпадающий с изменением «самого себя». «В революционной деятельности изменение самого себя совпадает с преобразованием обстоятельств» [7]. Пролетариат и оказывается классом, заинтересованным в таком преобразовании обстоятельств и в изменении самого себя.

Эта заинтересованность в наиболее успешном изменении действительности (не только социальной, но и природной) рождает столь же глубокую заинтересованность в объективной истине, в максимально достоверном знании. Только такое знание может стать орудием успешного преобразования действительности. Всякая найденная объективная истина полезна пролетариату. «Все теории хороши, *если* соответствуют объективной действительности» [8].

Пролетариат кровно заинтересован в объективном, всестороннем познании общества и природы. В. И. Ленин указывал:

---

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 309.
[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 201.
[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр 184.

«Нам нужна *полная* и *правдивая* информация. А правда не должна зависеть от того, кому она должна служить» [9].

Только эта объективность, вся полнота правды и позволяют пролетариату успешно преобразовывать общественные отношения и природу в его интересах, в интересах всего человечества. Объективность познания, взаимосвязанная с революционным преобразованием общества, природы и «самого себя», — это самый глубокий, самый коренной интерес пролетариата. Именно потому, что субъективные интересы пролетариата сливаются с «интересами» процесса познания, и нужно констатировать, что **марксистско-ленинская партийность сливается с научностью.**

Принцип партийности должен базироваться на принципе объективности познания; без этого нет и не может быть подлинно научной пролетарской идеологии [10]. Объективность, строгая научность — важнейшее требование, включенное в саму сущность принципа партийности.

Для буржуазной идеологии характерен методологический порок, называемый субъективизмом. Интересы монопольной буржуазии противоречат объективности постольку, поскольку сама развивающаяся социальная действительность оказывается несовместимой с утверждением ее политического и экономического господства. «Надпартийность» буржуазной идеологии, о чем твердят антикоммунисты, на самом деле есть словесное прикрытие классовых интересов монопольной буржуазии, ее субъективизма.

Буржуазная идеология служит препятствием развитию научного взгляда на социальную действительность (в определенной степени — и природной действительности), она тормозит научный прогресс и активно содействует сохранению социально-классовых антагонизмов.

Пролетарская, марксистско-ленинская идеология не страшится идеологии буржуазной, так как на стороне марксистского учения — истина, гуманизм и будущее человечества. «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно» [11]. Оно не может не победить. Но для победы необходима деятель-

---

[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 446.

[10] «Строгая партийность есть спутник и результат высокоразвитой классовой борьбы» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 133). Вместе с тем коммунистическая партийность есть и результат науки. Сама задача коммунистического преобразования мира могла быть открыта, как отмечал В. И. Ленин, только чисто научным путем. Марксизм не есть наука плюс партийность, а партийная наука. Марксизм «соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 341).

[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 43.

ная активность, неустанная теоретическая работа по разоблачению буржуазной идеологии, по преодолению ее влияния среди всех слоев современного классово-антагонистического общества.

Отсюда вытекает одно из важнейших требований, включаемое в принцип партийности: решительно бороться с любыми формами, с любыми проявлениями буржуазной и право-оппортунистической идеологии, критически преодолевать социально-политические концепции буржуазных идеологов с творчески-научных позиций коммунистической революционности [12].

Обратимся теперь к теоретическому естествознанию капиталистических стран.

Мы увидим, что и в естествознании возможны концепции, служащие в той или иной мере интересам апологетики капиталистической действительности. К ним можно отнести, например, социологию фрейдовской психоаналитической концепции и концепцию социальной этологии [13]. Обе эти концеп-

---

[12] В произведении «Что делать?» В. И. Ленин писал: «Раз о самостоятельной, самими рабочими массами, в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи, то вопрос стоит *только так:* буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии). Поэтому *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое отстранение* от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной». (Полн. собр. соч., т. 6, стр. 39—40).

[13] Представители «классического» психоанализа давали, к примеру, сугубо психологическое объяснение общественным явлениям. По З. Фрейду, религия, мораль и общество берут начало в эдиповом комплексе. Движущая сила истории — это эдипов комплекс. Отсюда последователь З. Фрейда Кольнай, между прочим, объяснял стремление трудящихся масс к коммунизму, расценивая это стремление как символическую замену кровосмесительного влечения к матери. С точки зрения Кольная, революционность пролетариата есть результат избыточного накопившегося либидо, а его жалобы на эксплуатацию — только формы мании преследования; фрейдисты пытались истолковать классовую борьбу как массовое психическое заболевание; поскольку классовая ненависть — болезнь, то ее надо лечить (методом психоанализа).

В такой «социальной» интерпретации фрейдизм оказывался чрезвычайно удобным средством «естественнонаучной» апологетики капиталистической частной собственности и эксплуатации трудящихся масс.

Некоторые из фрейдистов (например, Юнг) совместили психоанализ с расистской идеологией фашизма, обосновывая «психологической наукой» изуверства нацистов.

Фрейдовская психоаналитическая концепция поставляла буржуазным политикам и «естественнонаучные» аргументы оправдания агрессии и войн. Сам З. Фрейд сделал немало в этом отношении. И когда А. Эйнштейн предложил ему высказаться в защиту мира, то З. Фрейд в открытом письме ему (в 1932 г.) сказал о войне: «Кажется, что это вещь вполне естественная; несомненно, она имеет под собой здоровую биологическую основу...». Фрейд считал, что инстинкт агрессии, инстинкт человекоистребления является врожденным инстинктом. Небесполезно заметить к этому, что сам создатель психоаналитической концепции оказался жертвой тех

ции представляют в естествознании субъективистскую форму партийности.

В социологических и социально-политических интерпретациях фактов в этих концепциях явно видна тенденциозность. Дело не меняется от того, что используются какие-то действительные факты природы или какой-то узкоспециальный метод, если и имеющий положительное значение, то в крайне ограниченной области знания. Во-первых, тенденциозно игнорирование специфики социальных явлений, объяснение их не из своей материальной основы, а из свойств и закономерностей низших уровней и форм движения материи. Во-вторых, тенденциозна трактовка и самого естественнонаучного материала или частных методов исследования: здесь можно обнаружить «подверстку» фактов под априорную схему, под заранее заданную цель внеестественнонаучного характера; здесь можно обнаружить ложные аналогии, передержки и т. д.

Такие концепции есть пример субъективизма, когда ложно заданная классово-социологическая цель, будучи введенной в естественнонаучную область, деформирует научность и ведет к росту недостоверности самого специально-научного знания.

Марксистско-ленинская партийность заключает в себе требование, обращенное и к социологам, и к естествоиспытателям, — быть непримиримыми к субъективистским извращениям в естествознании, касающимся вопросов социологии, разоблачать научную несостоятельность и классовую подоплеку этих извращений. Необходимо показывать, что в случаях, подобных вышеприведенным, естествознание не может дать никакого строго научного «выхода» в социологию или политику.

Несколько иное положение создается в теоретическом естествознании объективистской формой партийности.

Когда сам предмет естественных наук и предмет научного исследования так или иначе «выходит» в социальную форму

социальных порядков, которые он оправдывал. При вторжении нацистов в Австрию в 1938 г. З. Фрейд попал в гетто, а четыре его сестры были умерщвлены фашистами в газовых камерах.

В наши дни все большее распространение получают различные «биологические» (этологические) варианты оправдания агрессивности капитализма (см., например: Г. Герасимов. Гены и войны. «Коммунист», 1970, № 11). Среди книг, авторами которых являются биологи и содержание которых направлено (так или иначе) на оправдание агрессивных действий империализма во Вьетнаме, на Ближнем Востоке и в других районах мира, можно назвать книги профессора Мюнхенского университета Конрада Лоренца «Об агрессии» (1963 г. — на немецком языке, 1966 г. — на английском) и английского зоолога Десмонда Морриса «Безволосая обезьяна» (1967 г.). Очевидно, что «доказательство» на естественнонаучном материале извечной агрессивности человека соответствует классовым интересам монополистической буржуазии и широко подхватывается пропагандой.

движения материи (например, в медицине), то апологетика буржуазного общества, а вместе с тем и научность, может явиться результатом замыкания того или иного исследования в конкретно-биологическом материале, в нежелании (или неспособности) подняться до социологической трактовки фактов действительности, в частности, до прослеживания влияния социальных факторов на качество заболеваний и на их распространенность в обществе. Некоторые из объективистских концепций, например, концепция «социальной дезадаптации»[14], хотя и поднимаются до социологического уровня объяснения фактов, однако подходят к ним абстрактно-исторически, без учета специфики конкретных общественно-экономических формаций; здесь также имеет место, хотят того или нет сторонники этой концепции, апологетика социальной действительности, отстранение от решения задач по ее изменению; здесь имеет место в конечном итоге неверное представление о фактах с социологической и биологической точек зрения.

Принцип партийности своим социально-политическим аспектом требует критики объективизма, выявления неполноты, односторонности информации, которую он дает, показа неправильности выводов, к которым это приводит; принцип партийности требует также, в качестве обязательного условия научности критики, доведения анализа фактов, интерпретированных с объективистских позиций, до анализа конкретной классово-социологической их стороны с точки зрения исторического материализма (когда соответствующие явления действительно имеют «выход» в социальную область).

Классово-политический аспект принципа партийности не содержит в себе никаких ограничений для свободы подлинно научного творчества, для научности.

Классики марксизма отстаивали единство, взаимоопределяемость научности и социально-политического аспекта партийности. Ф. Энгельс подчеркивал: «Даже легкая размолвка, не говоря уж о разрыве, между немецкой партией и немецкой социалистической наукой была бы ни с чем не сравнимым несчастьем и позором»[15]. Любые действия, ведущие к «размолвке», дисгармонии между политикой партии и научностью, когда один из этих моментов выпячивается за счет другого и в ущерб другому, квалифицировался, как мы ви-

[14] Это есть представление о болезнях как результате диспропорции между ритмами (закономерностями) человека как биологического существа и ритмами современной цивилизации. Согласно концепции «социальной дезадаптации» такая диспропорция ведет к устранению здоровых людей и сохранению больных с аритмичной психикой, поскольку последние наиболее адаптированы к аритмии социальной жизни (см. Ю. П. Лисицин. Современные теории медицины. «Болезни цивилизации» и их буржуазные теоретики. М., «Медицина», 1968).

[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 77.

дим, «ни с чем не сравнимым несчастьем и позором». Лишь в гармоничном единстве (взаимообусловленности, взаимоопределяемости) пролетарской политики и научности основоположники марксизма усматривали предпосылку успешного познания и преобразования социальной действительности: «чем смелее и решительнее выступает наука, — писал Ф. Энгельс, — тем более приходит она в соответствие с интересами и стремлениями рабочих»[16].

В слиянии коренных политических интересов пролетариата и интересов научного познания действительности заключена непреоборимая имманентная сила марксистско-ленинской политической идеологии. Отсюда вытекает совпадение классовых задач пролетариата с задачами всемирно-историческими, общечеловеческими, совпадение его подлинной революционности с последовательным, активно-действенным гуманизмом.

Непрестанная борьба за истину, за науку и социальную справедливость явилась, как известно, тем фактором, который привел в свое время К. Маркса и Ф. Энгельса к преодолению буржуазного демократизма в их ранних взглядах и обеспечил их переход на позиции пролетариата. Это был путь **от** науки, **от** истины **к** пролетариату, а не наоборот. Данный факт ныне стараются замолчать или извращенно истолковать антикоммунисты, видящие в марксизме лишь классовую пристрастность и считающие, что истины в марксизме нет, поскольку она якобы и в генезисе марксизма не была основой, а всегда искажалась пристрастностью. Но К. Маркс не говорил: «я встал на точку зрения пролетариата и пришел к научным выводам», а он говорил: «я пришел к научным выводам и вследствие этого встал на точку зрения пролетариата»; К. Маркс, когда убедился, что пролетариат есть носитель объективных начал, пошел к пролетариату, чтобы выявить ему эту идею, он сделался идеологом пролетарского класса[17]. Следует по-должному оценивать и исторический процесс становления классово-пролетарских политических позиций В. И. Ленина. Научный подход к изучению исторических процессов, классовой борьбы привел Владимира Ильича к обнаружению той социальной силы (пролетариата), которая наиболее полно выражала историческую истину и общечеловеческие интересы. В. И. Ленин, по словам его соратника А. В. Луначарского, «никогда не был человеком рабочего класса в том смысле, что он хотел защищать интересы группы, он чувствовал себя человеком рабочего класса пото-

---

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 317.
[17] См. А. В. Луначарский. Наука и революция. «Коммунистический путь», 1924, № 1 (27), стр. 16.

му, что рабочий класс должен освободить все человечество» [18].

В пролетарской политической идеологии, созданной К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным, коренные интересы пролетариата оказываются научно оформленными интересами всех трудящихся, в том числе и коренными интересами научной интеллигенции.

На этом основан феномен все более широкого воздействия марксистско-ленинской политической идеологии не только на представителей пролетариата в капиталистических странах, но и на представителей естественнонаучной интеллигенции, что обусловливает неизбежность их перехода на позиции пролетариата.

Если тот или иной деятель науки или практики выступает якобы от имени пролетариата, от имени марксизма, но в то же время искажает истину или просто тормозит ход научных исследований, то тем самым он нарушает и коренные интересы пролетариата. В то же время естествоиспытатель буржуазного общества, даже не заявляющий о своей приверженности пролетариату (и не выступающий против него), но отстаивающий истину в конкретной области естествознания служит (вольно или не вольно) коренным классовым интересам пролетариата.

Остановимся теперь на вопросе о том, что дает естествознанию реализация требований социально-политического аспекта принципа партийности.

Выше уже отмечалось, что социально-политический аспект принципа партийности требует устранения из теоретического естествознания буржуазных социологических концепций, субъективистской формы партийности и объективизма. Данный аспект оказывает помощь естествознанию в содержательном отношении.

Однако социально-политический аспект имеет целый ряд каналов связи с естествознанием со стороны условий, обеспечивающих развитие науки, и через эти каналы связи способен глубоко влиять на естественнонаучный прогресс.

Истинная наука нуждается в истинной демократии не в меньшей мере, чем истинная демократия нуждается в науке [19].

---

[18] А. В. Луначарский. Самый человечный. «Советы депутатов трудящихся», 1965, № 4, стр. 24.

[19] Истинная демократия заинтересована в науке как средстве, революционизирующем действительность. Сама наука в этом плане выступает как сила революционная. Здесь имеется в виду не одна только политическая, гуманитарно-мировоззренческая наука. О ней, кстати, было сказано К. Марксом: «...наука, порожденная историческим движением и принимающая в нем участие с полным знанием дела, перестает быть доктринерской и делается революционной» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 146). В современную эпоху, когда естествознание становится непо-

Такая потребность науки вытекает из самого характера научного творчества. Научный труд, будучи всегда индивидуальным, по своим духовным предпосылкам и результату является всеобщим. «Труд ученого не поддается регламентации временем. Процесс научного поиска не втиснешь в рамки рабочего дня. Специфика интеллектуальной деятельности в отличие от физического труда заключается, в частности, в том, что границы ее практически очертить нельзя... Труд ученого, который во многих отношениях — прообраз коммунистического труда, протекает не по законам рабочего, а по законам свободного времени. Для научного творчества нет и не может существовать общественно необходимого рабочего времени... В стоимостных формах ценность идей измерить нельзя, ибо это формы **неадекватные** самой природе научного производства» [20]. «Знания как результат научной деятельности, в отличие от материального богатства, естественнее всего распределяются не по капиталу, не по вкладу каждого в общественное производство, не по каким-либо другим внешним признакам, а именно по потребностям. Всеобщий характер научного труда предполагает... всеобщее использование его результатов, всеобщий способ присвоения, который присущ коммунистическим общественным отношениям» [21]. Научный труд — это форма общественной деятельности, где имеется возможность полностью реализовать требование «от каждого — по способностям». Но социальная всеобщность —

средственной производительной силой, также и теоретические естественные науки все больше и больше (через процесс научно-технической революции и по своим социальным результатам) становятся революционно значимыми. Теоретическое естествознание революционно в том плане, что его выдающиеся представители открывают обществу пути преобразования (революционизирования) природной действительности, а эта задача по своему характеру аналогична задаче преобразования социальной действительности, стоящей перед идеологами-марксистами. По духу своей работы, по социальным ее последствиям естествоиспытатели — преобразователи природы весьма близки к революционерам — преобразователям общества. Ученых, подобных А. Эйнштейну, В. И. Ленин называл «великими преобразователями естествознания». А. В. Луначарский писал о В. И. Ленине: «К точным наукам он относился с огромным интересом и уважением. Здесь он уже не говорил о кабинетности. Эта работа ему не казалась оторванной от революционной деятельности мира... Ученый — это хорошо, это для него звучало, как пролетарий» («Ленин как ученый и публицист». М., 1924, стр. 16—17). Но такое отношение у В. И. Ленина к естествоиспытателям, как отмечал А. В. Луначарский, осложнялось тем, что в условиях классово-антагонистического общества многие ученые по своим явным политическим взглядам и настроению были буржуазны и мелкобуржуазны, что мешало им последовательно проводить в жизнь дух научности.

В целом естественные и социально-мировоззренческие науки имеют единую внутреннюю устремленность, единую конечную цель — быть средством преобразования всей действительности в интересах человечества.

[20] Г. Н. Волков. Социология науки. М., Политиздат, 1968, стр. 211.

[21] Там же, стр. 213.

коммунизм — в качестве своей естественной основы и предполагает всеобщность труда и всеобщий (т. е. научный) труд в качестве доминирующего вида деятельности. «**Всеобщий характер научного производства,** равным образом и **всеобщий способ присвоения** продуктов этого производства противоречат экономическим законам капиталистического общества и находятся в полном соответствии с социально-экономическими законами коммунистического общества» [22].

Ученый (если он искренний искатель истины) не может не задумываться над этим противоречием, имеющим место в классово-антагонистическом обществе; он не может оставаться равнодушным к проявлениям данного противоречия, к тем социальным условиям, в которых протекает процесс его научного творчества и которые негативно воздействуют на поиск истины.

Человек науки прежде всего нуждается в таком элементе истинной демократии, как свобода слова, свобода дискуссий, свобода мнений [23].

Научное творчество нуждается в гуманных социальных условиях.

В традиционном естественнонаучном гуманизме, складывавшемся еще с древнейших времен и многосторонне разрабатывавшемся в эпоху Возрождения, значилось указание на такие условия, необходимые для прогресса науки, как всеобщий мир между народами, демократизм общественных отношений, всеобщее равенство и др. «Ученые издавна с гордостью и удовлетворением отмечали, что перед светом разума все равны. Истина общечеловечна, нет, например, физики бедных и физики богатых. В этом залог того, что наука призвана служить всему человечеству» [24]. Некоторые современные нам ученые буржуазного общества (Дж. Хаксли, Э. Фромм. и др.) выступают с критикой отдельных сторон капитализма как противоречащих природе науки, однако их политические идеалы оказываются либо неосуществимой абстрактно-утопической мечтой, либо призывом к реформированию капиталистической системы.

Ряд ученых порой близко подходит к марксистско-ленинской политической идеологии, но в своей благородной наивности не может назвать вещи своими именами [25].

---

[22] Г. Н. Волков. Социология науки, стр. 212.

[23] См. А. Эйнштейн. Собрание научных трудов, т. 4. М., «Наука», 1967, стр. 239—241.

[24] С. К. Каргин. Социализм и гуманистические традиции в естествознании. «Некоторые вопросы исторического материализма». Ростов-на-Дону, 1962, стр. 5.

[25] «Далекий от всякой политики, — заявлял, к примеру, В. М. Бехтерев, — я стою (как ученый, а не политик) на общечеловеческой платформе, и потому я ищу идеологического выхода из старых форм жизни в

Традиционный естественнонаучный гуманизм, представляющий в общем значительную социально-политическую силу, недостаточно эффективен вне связи с пролетарским мировоззрением; он не может глубоко изменить социальную жизнь и создать такие отношения между людьми — коммунистические отношения, которые одни только и способны в максимальной степени стимулировать научное творчество и развитие науки.

Пролетарский гуманизм оказывается единственно научным, вбирающим в себя все лучшее, что имелось в гуманизме предыдущих эпох и общественно-исторических движений, и делающим этот гуманизм действенно-активным, реальным. Сила коммунистического гуманизма определяется тем, что коммунизм не есть узкосектантское дело рабочего класса. Ф. Энгельс указывал, что коммунизм «является делом не одних только рабочих, а всего человечества» [26].

Социалистический гуманизм не является «абстрактным, бесплодным, говорящим только в общих словах о человеческой личности», наоборот, «это последовательный гуманизм, который зовет к действию, чтобы идти к высшему обществу, к коммунизму, где все будет делаться для блага человека» [27]. Лишь коммунистическая партийность, классовая борьба пролетариата способны обеспечить достижение общечеловеческих идеалов — освобождение человека от эксплуатации, всеобщее братство и счастье, всестороннее развитие личности и мир между народами [28].

Коренные, правильно понятые политические интересы пролетариата нисколько не противоречат традиционному гуманизму ученых. Наоборот, они являются тем мощным фактором, который только и способен сформировать среди естественнонаучной интеллигенции активно-действенный, последовательный гуманизм.

Принцип партийности своим классово-политическим аспектом требует от естествоиспытателей максимума социаль-

---

целях создания новых ее форм, связанных с раскрепощением народов и устранением эксплуатации одной нацией других наций и угнетения одним человеком другого» («Автобиография», 1928, стр. 49—50).

[26] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 516, Ср.: т. 22, стр. 277.

[27] В. Роше. Марксизм и дороги будущего, 1966. «Новые книги за рубежом по общественным наукам», 1967, № 2, стр. 33.

[28] А. Эйнштейн пришел к выводу, что будущее человечества и науки связано с построением социалистического общества (см. статью А. Г. Аркадьева «Альберт Эйнштейн о капитализме и социализме». «Вопросы философии», 1956, № 2). Вся научная и общественная жизнь А. Эйнштейна представляет собой типичный случай деятельности крупнейшего преобразователя природы (в условиях капитализма), разделяющего традиционный естественнонаучный гуманизм, но уже сознающего его недостаточность и ищущего его завершения (зачастую с колебаниями) в марксистском мировоззрении и коммунистическом гуманизме.

ной ответственности и непреклонной борьбы за подлинную гуманность социальных отношений.

Каждый естествоиспытатель, если он поборник истины, должен быть бесстрашным борцом за социальную справедливость и социальный прогресс.

Таковы лишь некоторые линии взаимосвязи естествознания с социально-политическим аспектом принципа партийности.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что «цели и потребности науки и демократии, истинной науки и истинной демократии одни и те же» [29].

В заключении раздела коснемся одного из моментов, характеризующих «истинную демократию», т. е. истинную, научную партийность, а именно требования взаимной согласовываемости в ней эмоционально-психологической и научно-теоретической сторон, требования подчиненности первой стороны второй в оценочном и познавательном отношениях.

Основоположники марксизма-ленинизма высоко ценили революционную страстность, классово-пролетарскую эмоциональность, классовый «инстинкт». «Борцу свойственна некоторая страстность; кто хладнокровно обнажает свой меч,— указывал Ф. Энгельс,— тот редко бывает глубоко воодушевлен тем делом, за которое он сражается» [30]. Классово-пролетарская эмоциональность, страстность является тем живительным соком, который идет от класса к его идеологу, воодушевляет исследователя на более полное познание социальных процессов, а практика — на более глубокое преобразование действительности. Революционная страстность в случае, если она правильно сочетается с интеллектуальностью, способна помочь и строгой научности, и делу практического прогрессивного преобразования общества [31].

Но классики марксизма не считали подлинной ту революционность, в которой революционного пыла было больше, чем научных исследований, т. е. научности. Революционная страстность и научность («дух обобщения») должны находиться в определенной субординации: если научность нуждается в пролетарской страстности, эмоциональности, то, с другой стороны, революционная страстность должна быть подчинена,

---

[29] К. А. Тимирязев. Соч., т. IX, 1939, стр. 15.

[30] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, 1956, стр. 391.

[31] Марксизм, как подчеркивал В. И. Ленин, «отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами». (Полн. собр. соч., т. 16, стр. 23.)

обуздана научной трезвостью. В связи с этим В. И. Ленин, например, отмечал, что «необходим переход этого инстинкта в сознание»[32].

Основоположники марксизма указывали также на необходимость научного изучения истории классово-антагонистического общества, истории революционных движений, обобщения уроков, которые преподает нам история, и недопущения ошибок, вытекающих из ненаучности в политике. К. Маркс писал: «...теперь мы уже знаем, какую роль в революциях играет глупость и как негодяи умеют ее эксплуатировать»[33]. «Невежество — это демоническая сила, и мы опасаемся, что оно послужит причиной еще многих трагедий»[34].

Бездумная, невежественная «революционность», ослепленная не контролируемым со стороны разума инстинктом, иллюзорно принимаемая и выдаваемая за «классовую страстность», игнорирует строгую научность и способна создать ситуации, аналогичные трагедиям антагонистического прошлого. Но подлинная коммунистическая партийность противостоит этой лжепартийности[35].

Подлинная пролетарская классовость полностью совпадает с научностью; она требует максимальной объективности знания и научной компетентности[36].

---

[32] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 399.

[33] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 266.

[34] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 112.

[35] «Коммунистический борец — это борец за человечность, каждый раз неповторимую и бесконечно сложную. Никакое дело не может быть коммунистически-революционным, если оно антигуманистично, если оно губительно для культуры, если оно ставится людьми над собой и другими: если сами люди становятся средствами и жертвами фетишизированных Порядков и Норм. Тот не коммунист, кто предательски отрекся от собственной ответственности за истинность и справедливость всего того, что творится им или при его участии, с его согласия или в соответствии с одобряемыми им идеями. Тот не коммунист, кто самостоятельность и суверенность своего нравственного разума (т. е. мыслящей, рефлектирующей и критичной совести) отчуждает от себя вовне, наделяя тем самым бесконтрольной самостоятельностью и суверенностью институциальные формы вместо самого себя. Тот не коммунист, кто не подвергает всегда вновь и вновь критическому суду своего нравственного разума все и всяческие цели и планы, порядки и нормы. Вне человека и без человека, вне постоянного человеческого контроля и гуманизирующего творческого обновления они не обладают и не могут обладать ни истинностью, ни добром. Для коммуниста верность своим принципам и нормам не существует вне и безотносительно к верности самих принципов и норм... Чем дальше от примитивности уходит человеческая история, тем преступнее становится всякий фанатизм и слепота...» (Г. С. Батищев. Деятельная сущность человека как философский принцип. В кн.: «Проблема человека в современной философии». М., «Наука», 1969, стр. 141—142).

[36] Марксисты, писал В. И. Ленин, «всеми силами должны стремиться к научному изучению фактов, лежащих в основе нашей политики» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 109). Социализм «требует научной работы». (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 362—363)

В отличие от буржуазного общества, где субъективистский подход к отражению действительности составляет неотъемлемую черту всей идеологии правящего класса, субъективистские ошибки в социалистическом обществе не вытекают из идеологии пролетариата, из природы самого общественно-политического строя; эти ошибки вскрываются и с ними ведется борьба.

Подлинная пролетарская революционность никогда не должна отходить от строгой научности и позволять субъективистскому активизму влиять на социальную жизнь.

Последовательная борьба за коренные интересы пролетариата означает борьбу за научность, за максимально достоверное научное знание; последовательная борьба за истину соответствует коренным интересам пролетариата. «Идя *по пути* марксовой теории,— подчеркивал В. И. Ленин,— мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же *по всякому другому пути*, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи»[37]. Всякий же «другой путь», ведущий к «путанице» и «лжи», не есть только буржуазная идеология. Это может быть и догматически интерпретируемый марксизм, превращаемый иными, например маоистами, в замаскированный антимарксизм.

Марксизм, чтобы быть истинным и действенным, должен, как и всякая наука, непрерывно изменяться и развиваться, добиваясь максимальной адекватности своих теоретических конструкций реальной действительности. Истинный марксизм не может быть догматическим[38].

Принцип партийности включает в себя как непременное требование творчески-непрерывное развитие, совершенствование марксистско-ленинской теории и непримиримое отношение к теоретическому застою, ко всем формам догматизма.

Социально-политический аспект принципа партийности и научность неразделимы.

2. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Данный аспект по своему предметному содержанию занимает самостоятельное место в принципе партийности и в то же время «переходит» в другие аспекты.

Он не есть мировоззрение плюс гносеологические вопросы. Он представляет собой (по предметному, конечно, содержа-

---

[37] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 146.

[38] «Лучшее оружие против буржуазной идеологии — творческий дух ленинизма, непрерывное развитие и обогащение марксистско-ленинской теории на основе обобщения нового исторического опыта» («К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС». М., Политиздат, 1969, стр. 53).

нию) гносеологическое, теоретико-философское ядро мировоззрения[39]. Лишь в той мере он выступает связанным с натуралистическим и социально-гуманитарным аспектами (сторонами) самого мировоззрения, в какой последние непосредственно соприкасаются с гносеологической проблематикой. Примыкая к гносеологии (входя в нее, ее пронизывая), натуралистическая и социально-гуманитарная стороны мировоззрения обеспечивают онтологическую основу гносеологии. Онтологическая сторона всегда подразумевается, а при необходимости и выступает в мировоззренческо-гносеологическом аспекте категории партийность[40].

Уже в этом моменте мы обнаруживаем взаимосвязь первых двух аспектов принципа партийности.

Но «для марксиста в наши дни совершенно недостаточно подчеркнуть в общей форме связь философии диалектического материализма с политической борьбой рабочего класса, указать философии на ее функциональную задачу служить научным обоснованием политики коммунистической партии. Необходимо принимать во внимание сложность и многоплановость компонентов, характеризующих политическую жизнь общества, различную степень опосредованности, «удаленности» их от философии, диалектику взаимосвязи философии с другими отраслями социального знания в процессе выработки политической программы общества, специфику предмета

---

[39] Понятие «мировоззрение» мы употребляем в следующем значении (оно наиболее полно представлено в книге В. Ф. Черноволенко «Мировоззрение и научное познание». Киев, 1970). Мировоззрение — это система таких обобщенных взглядов и представлений о действительности, система таких убеждений и идеалов, которые раскрывают практическое и теоретическое отношение человека к миру, его способ видения, понимания и оценки окружающей действительности, способ осознания себя как конкретно-исторического субъекта познания и практики. Структура каждой целостной мировоззренческой системы слагается, по крайней мере, из трех сторон: гносеологической, натуралистической и гуманитарной. Последнюю образуют взгляды и представления, расчленяемые, в свою очередь, на четыре группы: социологические, общественно-политические, этические и эстетические.

[40] Следует иметь в виду, что социально-политический аспект категории коммунистической партийности не тождествен гуманитарной стороне мировоззрения. Имеются, например, некоторые вопросы (политической стратегии коммунистических партий), которые включены в соответствующий аспект категории марксистско-ленинской партийности и однако ж не входят в сферу мировоззрения (хотя и опираются на нее). Отличие еще и в том, что мировоззрение не есть методология; мировоззрение, конечно, может приобретать методологическую функцию, но уже за рамками самого себя. В отличие от теоретического, отражательного характера мировоззрения социально-политический аспект категории пролетарской партийности нацелен на действие, на практическое преобразование; он есть одновременно и теория и принцип познания, принцип действия; в следующих двух аспектах — в мировоззренческо-гносеологическом и общеметодологическом это единство фактически поляризуется; в одном из них преимущественно выступает теоретическая, в другом — активная методологическая сторона.

социального познания и обусловленные этой спецификой особенности предвидения социального будущего и т. д.»[41]. В данном отношении целесообразно выделение двух уровней политики: уровня политического сознания, политической идеологии и уровня политических действий класса, партии; очевидно, что связь философии с политикой на первом уровне будет иной, нежели на втором[42]. Мировоззренческо-гносеологический аспект принципа партийности оказывается более близким к тому уровню политики, который характеризуется особым видом общественного сознания, фиксирующим результаты научного познания социальной действительности. И связь мировоззренческо-гносеологического аспекта категории партийности с социально-политическим аспектом будет проходить через механизм взаимосвязи политики и философии как специфических видов общественного сознания.

Такая связь находит свое конкретное выражение в наличии теоретико-познавательных и социально-классовых корней философского идеализма, в соответствии общетеоретических построений идеализма и материализма определенным классовым интересам.

Основоположники марксизма-ленинизма подчеркивали **партийный характер** философско-гносеологической борьбы. «Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад»[43]. В. И. Ленин определял гносеологию в качестве *партийной* науки[44].

Мировоззренческо-гносеологический аспект категории партийность есть совокупность гносеологических вопросов, так или иначе «переходящих» в онтологическо-мировоззренческие и в общеметодологические вопросы. Среди них находятся следующие: соотношения сознания и материи, сознания и познания, субъекта и объекта, практики и теории, истины и заблуждения, чувственного и рационального, интуитивного и дискурсивного и т. д. Данный аспект категории партийность служит теоретическим обоснованием требования социально-политического аспекта принципа партийности и одновременно требования, вытекающего из естественнонаучного творчества о необходимости достижения максимально достоверного знания.

Решение гносеологических проблем, предлагаемое научным (т. е. диалектическим) материализмом, противостоит фидеизму, идеализму, агностицизму и недиалектическому материализму, т. е. всем без исключения формам мировоззрения,

---

[41] П. В. Копнин, И. Т. Фролов. Политика КПСС и современные проблемы философии. «Вопросы философии», 1971, № 5, стр. 5.
[42] См. там же, стр. 3—7.
[43] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 380.
[44] См. там же, стр. 363—364.

обнаруживающим тенденцию воздействовать негативно на те или иные явления общественной жизни.

Негативная роль идеализма в социально-классовом отношении определяет классово-партийный характер борьбы с ним.

Но необходимость борьбы с идеализмом определяется также потребностями естественнонаучного прогресса, необходимостью обеспечения научных предпосылок гносеологического характера для формирования гипотез и теорий.

Идеализм, как правило, отражает и выражает (в соответствующей форме) интересы реакционных классов и социальных групп; в то же время идеализм, как правило, отрицательно влияет на развитие естествознания, направляет усилия ученых-теоретиков по неверному пути. Идеализм и агностицизм служат одним из факторов, обусловливающим так называемые «несостоявшиеся открытия» [45].

---

[45] Приведем исторический факт, связанный с одним из вариантов идеалистического агностицизма рубежа XIX—XX вв. — конвенционализмом. Еще до А. Эйнштейна два крупнейших ученых — А. Пуанкаре и Г. А. Лоренц — близко подошли к идеям теории относительности, но не явились ее создателями прежде всего по причинам философского характера: один из них стоял на позициях конвенционализма, другой — на позициях (преимущественно) метафизического материализма. В связи с этим «своевременно» не состоявшимся открытием теории относительности Луи де Бройль спрашивал: как случилось, что Анри Пуанкаре, который серьезно размышлял об относительности физических явлений, прекрасно знал преобразования Лоренца и пользовался в 1905 г. существенными результатами релятивистской кинематики и динамики, упустил возможность осуществить их великий синтез, обессмертивший имя Альберта Эйнштейна? Дело в том, что Пуанкаре, как отмечал Луи де Бройль, «занимал довольно скептическую позицию в отношении физических теорий, считая, что вообще существует бесчисленное множество различных, но логически эквивалентных точек зрения и образов, которые ученый выбирает лишь из соображений удобства. Этот номинализм, видимо, иногда мешал ему правильно понять тот факт, что среди логически возможных теорий имеются, однако, теории, которые наиболее близки к физической реальности, во всяком случае, лучше приспособлены к интуиции физика и более пригодны содействовать его усилиям» (Луи де Бройль. По тропам науки. М., ИЛ, 1962, стр. 306—307, 398). Именно философская склонность его ума к «номиналистскому удобству», указывает Луи де Бройль, и помешала Пуанкаре понять значение идеи относительности во всей ее грандиозности. Конвенционалистская гносеология мешала представить ситуацию в истинном свете, сделать решающие сопоставления и обобщения, сковывала разум и творческие потенции ученых.

А. Эйнштейн, напротив, руководствовался в своей деятельности материалистическими, антиконвенционалистскими принципами. Испытывая влияние критицизма Д. Юма и Э. Маха, А. Эйнштейн не соглашался в целом с их философиями. А. Эйнштейн «всегда исходил из материалистического понимания объективной реальности природы и причинности и из признания единства мира, его внутренней гармонии, отдавая в этом отношении дань Спинозе, к которому он относился с большим уважением. Эти философские идеи всегда играли руководящую роль в научном творчестве Эйнштейна» (М. В. Мостепаненко. Философия и физическая теория. Л., «Наука», 1969, стр. 157).

Материалистическая же гносеология, в общем и целом, не только содействует прогрессу науки, но именно благодаря ей и обеспечивается эффективное исследование.

Это объясняется тем, что материализм, как подчеркивал В. И. Ленин, «*исходит* из объективности науки, из признания объективной реальности, отражаемой наукою, тогда как идеализм *нуждается* в «обходных путях», чтобы «вывести» объективность так или иначе из духа, сознания, из «психического» [46].

Материалистическая гносеология способна наиболее существенно помочь ученым тогда, когда проблема еще «темная», «гипотетическая», когда эксперимент и практика, взятые в их историческом развитии, не оформили еще истину. В. И. Ленин говорил, имея в виду конкретную научную истину (выявление связи материи не ощущающей с материей, обладающей способностью ощущения): «Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям», идеализм же «засоряет вопрос и отводит в сторону от правильного пути...» [47].

В противоположность субъективному идеализму и агностицизму научная материалистическая гносеология обладает значительной (хотя и не всегда используемой учеными) эвристической ценностью [48].

Как видим, философско-гносеологические позиции могут либо содействовать отысканию и формированию истины, повышению степени достоверности естественнонаучного знания, либо, наоборот, осложнять и запутывать поиск истины.

---

[46] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 312.

[47] Там же, стр. 40.

[48] В этой связи можно привести пример из истории физики нашего столетия в ее отношении к диалектико-материалистическому мировоззрению, к идеям В. И. Ленина.

В произведении «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин проанализировал гносеологические трудности, стоявшие в тот период перед физиками, и на основе диалектико-материалистического мировоззрения сформулировал идею о неисчерпаемости электрона. Эта гипотеза имела онтологически-гносеологический и общеметодологический смысл; она должна была предостеречь физиков от напрасной траты сил на конструирование ненужных концепций, основанных на новом «неизменном начале» — электроне. К сожалению, в течение долгого времени многие физики продолжали отстаивать концепции, покоящиеся на признании элементарных частиц материи принципиально точечными, непротяженными образованиями, не обладающими никакой внутренней структурой. В настоящее время некоторые крупнейшие специалисты (Д. И. Блохинцев) вынуждены признать, что физики, вероятно, работали бы более экономно и шли более правильными путями, если бы своевременно обратили должное внимание на ленинскую мировоззренческую установку. Действительно, как подтвердили успехи современной науки, материя (в том числе электрон) неисчерпаема с точки зрения многообразия ее свойств, с точки зрения изменчивости этих свойств; наукой доказана неисчерпаемость материи как в сторону микромира, так и в сторону мегамира.

Такое негативное или позитивное воздействие гносеологии на развитие естествознания осуществляется через внутринаучные «каналы связи», имеющиеся между естественнонаучным и философско-гносеологическим знанием.

Анализируя взаимосвязь философии с физической теорией, М. В. Мостепаненко высказывает мнение, что этот механизм включает в себя в качестве посредствующего звена между физической теорией и философскими идеями научную физическую картину мира. Он полагает, что теоретические понятия, принципы и гипотезы физики возникают с помощью двойного процесса, состоящего из двух противоположных, не сходящихся друг к другу процессов: с одной стороны, индуктивного обобщения, идущего от данных опыта, и с другой — дедукции и конкретизации, идущих от философских идей; филофские идеи играют определяющую роль в нахождении основания теории и, следовательно, самой теории[49]. По мере прогрессирующего повышения уровня абстрактности естественнонаучных понятий и теорий возрастает и степень влияния на естествознание философско-гносеологических идей, выступающих как источник «внеэмпирического» (для данной науки) содержания научного теоретического знания.

Изучение истории взаимоотношений естествознания и гносеологии на протяжении последнего столетия выявляет следующее: по мере развития общества партийно-гносеологический характер теоретического знания усиливается и возможности для открытой борьбы партий в естествознании систематически возрастают.

Это обусловлено тенденцией к расширению гносеологических корней идеализма, идущей параллельно с усложнением процесса познания и повышением уровня абстрактности естественнонаучных понятий. Одновременно с этим в науке имеет место и тенденция к изоляции гносеологической базы идеализма в результате научных открытий, доказывающих правильность материалистических посылок, и в результате укрепления связей теоретического естествознания с производством, «материализующих» естественнонаучные понятия и теории. Усиление этих параллельно протекающих тенденций и определяет (в условиях обостренной классовой борьбы идеологий) возрастающую возможность столкновений философских партий вокруг тех или иных проблем теоретического естествознания.

Из сказанного вытекает необходимость усиления эффективности борьбы с идеализмом и агностицизмом как в области специально-философской, так и в области теоретического естествознания.

---

[49] См. М. В. Мостепаненко. Философия и физическая теория. Л., «Наука», 1969.

Значение мировоззренческо-гносеологического аспекта категории коммунистической партийности и определяется его нацеленностью против всего того, что способно в гносеологическом отношении препятствовать социальному и естественнонаучному прогрессу; этот аспект нацелен одновременно на позитивную, конструктивную разработку теоретико-познавательных проблем.

Рассмотрим несколько подробнее ту сторону данного аспекта, которая связана с его нацеленностью на критику идеализма и агностицизма в теоретическом естествознании.

Прежде всего подчеркнем, что естествознание само по себе не способно справиться с идеализмом; для того чтобы преодолеть идеализм и оградить себя от него, оно нуждается в помощи научной философии, в руководстве требованиями, составляющими мировоззренческо-гносеологический аспект марксистско-ленинской партийности.

В категории коммунистической партийности как раз и содержится научное представление о причинах («корнях») возникновения и существования идеализма, о путях и методах его преодоления. Такое представление не имеет ничего общего ни с абстрактно-просветительской концепцией идеализма, ни с вульгарно-материалистическим пониманием идеализма [50]. В отличие от них марксистско-ленинское понимание

---

[50] По мнению сторонников абстрактно-просветительской точки зрения (а ее разделяют, кстати, многие сциентистские антиидеологисты), для преодоления идеализма в рамках буржуазного строя достаточно раскрыть лишь абсурдность идеализма, показать его несовместимость с обыкновенным здравым смыслом. Критика, демонстрация нелепости идеализма, противопоставление ему научных данных — таков единственный, как утверждают «просветители», путь избавления науки от идеализма.

Вульгарно-социологическая точка зрения при всем ее внешнем радикализме неспособна мобилизовать силы прогрессивных ученых на борьбу с идеализмом в условиях буржуазного строя. Такая борьба оказывается либо невозможной и бесперспективной (ибо господствующий эксплуататорский класс неизбежно господствует и в теоретически-философской сфере естествознания), либо должна ограничиться малоэффективным раскрытием классового смысла тех или иных понятий идеализма. Единственный путь преодоления идеалистических концепций, по мнению вульгарных социологов, — это ликвидация эксплуататорских классов, после чего якобы автоматически исчезнет необходимость борьбы с идеализмом, необходимость идеологической борьбы.

Крайне непоследовательна позиция левого доктринёрства в этом вопросе. Его представители то говорят (подобно вульгарным социологам), что, ликвидировав эксплуататоров, немедленно «кончают» с идеализмом и идеалистами, то, наоборот, заявляют, что идеализм неизбежен и при коммунизме.

Подлинной марксистско-ленинской партийности не свойственны ни наивная иллюзия «самотечного» устранения идеализма из общественной жизни при коммунизме, ни безысходный пессимизм. Принцип партийности базируется не на домыслах и абстрактных суждениях, а на трезвом, научном подходе к действительности, в данном случае — на научном подходе к анализу «корней» идеализма и путей его преодоления.

идеализма органически связывает между собой представления о социально-классовых и гносеологических корнях этого явления. Оно предполагает одновременное, вазимообусловливаемое и субординированное преодоление корней идеализма[51] и определение (использование) для этих целей адекватных, наиболее эффективных путей и методов.

Гносеологические корни идеализма будут существовать всегда, пока существует процесс познания; социально-классовые же корни исторически преходящи и в этом смысле не вечны. Разъединение этих «корней» и создание условий, не дающих возможностям идеализма превратиться в действительность, является одной из важнейших задач сил прогресса. Наступательный дух и конструктивность теоретической, философской работы марксистов является необходимым условием преодоления идеалистических концепций. Идеализм будет преодолеваться в той мере, в какой будет углубляться научность его критики, опирающаяся, конечно, на успехи в революционном преобразовании общественных отношений.

Поскольку главной причиной существования идеализма (как системы) является классово-антагонистическое общество, постольку важнейшим путем преодоления идеалистических конструкций является путь ликвидации социально-классовых антагонизмов, т. е. путь коммунистической революции. Благодаря этому требования социально-политического аспекта принципа партийности включаются в мировоззренческо-гносеологический аспект данного принципа в качестве основания (или условия).

Но коммунистическое преобразование социальных отношений вместе с тем не означает приостановку идейной борьбы с сложившимся в определенных научных кругах стереотипом мышления, с традициями, предрассудками, с инерцией мышления; напротив, оно требует углубления борьбы с гносеологическими корнями идеализма, большого внимания к возможностям оживления взглядов идеалистического характера в естествознании. Социалистическая революция в надстройке и базисных отношениях есть хотя и первейшая, но не единственная предпосылка ликвидации идеализма в целом.

Теоретическая борьба с идеализмом ведется с позиции мировоззренческо-гносеологического аспекта принципа партийности.

Принцип партийности требует доведения теоретического анализа идеалистических систем до выявления их объективной общественно-политической роли и до соотнесения резуль-

---

[51] Преодоление гносеологических корней понимается здесь как обеспечение условий, не позволяющих возможностям идеализма превратиться в действительность.

татов такого анализа с политическими позициями отдельных представителей идеализма [52].

В противоположность вульгарным социологам марксизм-ленинизм учит видеть социально-классовый интерес в тех или иных идеологических системах в целом, а не в каждом понятии идеализма. Далеко не все понятия, а тем более проблемы идеалистической философии непосредственно оказываются связанными с классовыми интересами. В трудах идеалистов можно и не встретить прямую апологетику частной собственности, буржуазной демократии и т. д. Абстрактные рассуждения, защищающие тезисы о первичности духа, о полной свободе воли, об индетерминизме в природе и т. д., часто бывают далекими от выводов политического характера. Классовая роль идеализма наиболее полно выявляется через его методологический субъективизм, а также через его отношение к философскому и естественноисторическому материализму.

Марксистско-ленинская партийность обращает внимание ученых (философов и естествоиспытателей) на необходимость выявления научной несостоятельности идеалистических концепций, когда они берутся в целостности — как результат развития неверно интерпретируемого основного гносеологического вопроса. Необходимо обнажать субъективистский стержень таких концепций и их близость к фидеизму.

Учение классиков марксизма-ленинизма о гносеологических причинах идеализма позволяет, параллельно со сказанным, решить вопрос о соотношении момента заблуждения и истинности в той или иной разновидности идеализма и о характере отрицания марксистами конкретной формы идеализма. Разумеется, соотношение истины и заблуждения в любом идеализме будет существенно иным по сравнению с соотношением истины и заблуждения в системах относительно истинного естественнонаучного знания. В идеализме само заблуждение становится системным, подминающим под себя истину и имеющим определенные социально-классовые силы, заинтересованные в завуалировании истины.

Несмотря на то, что идеализм, подобно религии, есть в целом системное заблуждение, к нему было бы неразумным,

[52] Здесь, как об этом говорилось ранее, возможна различная степень расхождения политической значимости самой конструкции со значимостью классово-политических взглядов отдельных ученых. Отсюда следует, что на основании факта идеалистичности гносеологических позиций не следует априорно выводить какое-либо суждение о политических позициях этого индивида и, видимо, предъявлять ему обвинение политического характера, заведомо считать его реакционером в политике. С другой стороны, на основании явных политически прогрессивных заявлений не следует также отпускать тому или иному индивиду «грехи» мировоззренческо-гносеологического характера. И в первом и во втором случае принцип партийности требует строго конкретного анализа, обстоятельного разбора и принципиальности оценок.

неэкономным подходить с точки зрения абсолютного, «зряшного» отрицания.

Верно, что научная гносеология есть закрытая (для идеализма) система. Но это отнюдь не означает, что внутри идеалистических концепций нет ничего ценного с научной, а следовательно (в определенной мере), и с классово-партийной точки зрения.

Положения диалектического материализма о гносеологических корнях идеализма нацеливают ученых-марксистов не на метафизическое, а на диалектическое отрицание идеализма (не только по отношению к прошлому идеализму, например гегелевскому, но и по отношению к современным формам идеализма).

Абсолютное противопоставление принципа партийности и идеализма правомерно, когда идеализм берется как система — по решению основного философского вопроса, когда он представлен как результат такого решения, т. е. как развернутое решение. В исходных же посылках и при обосновании решения возможны такие моменты, которые могут оказаться ценными с научной точки зрения [53].

Вследствие нежелательности воздействия на естественнонаучное творчество идеализма, а также из-за необходимости глубокого изучения насущных реальных проблем науки перед марксистами стоит задача оценки и глубокой разработки тех теоретических проблем, которые раньше марксистами почему-либо не разрабатывались (или разрабатывались недостаточно) и которые так или иначе используются идеализмом [54].

Вульгарные социологи и левые доктринеры, не принимающие диалектический подход к критике идеалистических концепций, крикливо-демагогически квалифицируют как «дейдеологизацию», как «компромисс» с буржуазной идеологией, как «протаскивание» буржуазной партийности всякую попытку вычленить в этих концепциях рациональные моменты. Они смешивают разные уровни оценок: оценку, приме-

---

[53] В связи с тем, что те или иные идеалистические концепции базируются (в исходном пункте) на каком-то «кусочке» объективной истины и оперируют зачастую ценными для науки аргументами, они могут не только существовать, но и, создавая видимость научности, временно привлекать к себе некоторых ученых-естественников. Примером реальной проблемы, разрабатывавшейся в рамках современного идеализма, можно назвать проблему знаков (символов) в познании. Можно напомнить также, что некоторые из идеалистов внесли известный вклад в разработку математической логики. Когда исследование тех или иных проблем отдавалось на откуп идеалистам, а ученые-марксисты не уделяли им должного внимания, то эти проблемы (в работах идеалистов) служили своеобразной приманкой, при помощи которой и через которую некоторые естественники капиталистических стран попадали в сети агностических и идеалистических построений.

[54] См. П. В. Копнин. Ленин и материалистическая диалектика, 1969, стр. 19.

няемую к системе в целом, к выяснению роли системных заблуждений в науке, и, с другой стороны, оценку, применяемую к исходному пункту или отдельным положениям этой системы [55].

Применение гносеологических оценок в естествознании касается большей частью не философских концепций в целом, а либо отдельных теоретико-философских предпосылок научного творчества, гипотез, теорий, либо гносеологических выводов при обобщении естественнонаучного материала. И в первом и во втором случаях принцип партийности требует (при сугубо философском анализе) умения соблюдать меру идеологического отношения к естествознанию, умения отделять философско-гносеологическую сторону теоретического естествознания от специально-научной его стороны (в том числе от специальных естественнонаучных теорий), умения сосредоточиться только и исключительно на теоретико-философской сфере естествознания [56].

По отношению к идеалистическим школам в теоретическом естествознании В. И. Ленин рекомендовал марксистам придерживаться формулы: «отсечение» плюс «сохранение».

Требование «отсечения» означает вычленение из теоретического естествознания всего того, что входит в сферу мировоззрения и гносеологии и что может и должно стать предметом марксистского идеологического анализа [57]. Необходимо уметь «отсекать» реакционные, идеалистические выводы (и идеалистические исходные посылки) и помогать естественноисторическим материалистам становиться на прогрессивные мировоззренческо-гносеологические позиции. Важно разобраться, каким образом конкретно-научное содержание связано с ошибочными обобщениями, на чем конкретно (в гносеологических вопросах) «споткнулся» естествоиспытатель, что и почему он не учел в своей работе, чтобы не отступить от материалистических принципов.

---

[55] В. И. Ленин указывал на необходимость научно-диалектического подхода к идеалистическим концепциям. Он не был согласен с тем, как Г. В. Плеханов подходил к критике кантианства. «Плеханов, — писал он, — критикует кантианство (и агностицизм вообще), более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, *поскольку* он лишь a limine *отвергает* их рассуждения, а не *исправляет* (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая *связь* и *переходы* всех и всяких понятий» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 161).

[56] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 266.

[57] В пределах теоретико-философской сферы естествознания буржуазные естествоиспытатели, как правило, оказываются находящимися на ненаучных (или не на строго научных) позициях. Вследствие этого обстоятельства «*ни единому* из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, *нельзя верить ни в едином слове*, раз речь заходит о философии...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 363).

Вторая половина ленинской формулы (т. е. требование «сохранения») означает умение сохранить все положительное, все специально-научное, что имеется в работах идеалистов-естественников (как и вообще всех естествоиспытателей). Необходимо суметь поддержать, суметь усвоить, а если нужно, то и развить те завоевания, которые достигнуты в специально-научной области теоретического естествознания. Принцип партийности требует полного доверия к профессиональному мастерству естествоиспытателя. Естествоиспытатель не нуждается в каких-либо натурфилософских «директивах» или рекомендациях. Если он и нуждается в помощи философов, то только за пределами своей узкой специальности, когда вынужден соприкасаться с мировоззренческо-гносеологическими или общеметодологическими вопросами.

Необходимо уметь отделять то, что философ (или естествоиспытатель) говорит сам о своих философских позициях, от того, каковы эти позиции на самом деле. «О человеке судят, — указывал В. И. Ленин, — не по тому, что он о себе говорит или думает, а по делам его. О философах надо судить не по тем вывескам, которые они сами на себя навешивают («позитивизм», философия «чистого опыта», «монизм» или «эмпириомонизм», «философия естествознания» и т. п.), а по тому, как они на деле решают основные теоретические вопросы, с кем они идут рука об руку, чему они учат и чему они научили своих учеников и последователей» [58]. Это положение, как подмечено Б. М. Кедровым, целиком относится ко всем современным ревизионистам и ко всем тем, кто выдает себя за сторонников диалектического материализма, а на деле извращает основные положения марксистской философии [59].

Марксистско-ленинская партийность дает естествоиспытателям возможность разобраться в сложном переплете гносеологической борьбы и увидеть, что в конце концов никакой «нейтральной», «надпартийной» гносеологической системы быть не может.

В мировоззренческо-гносеологической области никакой нейтралитет невозможен, в частности потому, что основной вопрос философии (первая его сторона) требует однозначного ответа. И любые дуалистические, позитивистские и прочие вроде бы гносеологически «внепартийные» концепции так или иначе, но склоняются к одной из двух основных монистических систем: к материализму или идеализму.

---

[58] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 228.

[59] См. Б. М. Кедров. Ленин и революция в естествознании XX века стр. 266.

Ограничение сферы функционирования принципа партийности в области теоретического естествознания (в содержательном отношении) не имеет, как мы видим, ничего общего с призывом к «деидеологизации» естествознания; принцип партийности требует должной степени гносеологизации, философизации естествознания. С другой стороны, принцип партийности несовместим с попытками к некомпетентным вмешательствам (под прикрытием фраз о «партийности») в специально-научное содержание естественных наук. Требования мировоззренческо-гносеологического аспекта принципа партийности в полной мере функционируют в теоретическом естествознании, в определенной его сфере тогда, когда нужно преодолевать идеалистические, агностические и прочие ненаучные конструкции мировоззренческо-гносеологического характера.

Принцип партийности вырабатывает у естествоиспытателей веру в возможность достижения максимально достоверного научного знания, вооружая их реальными теоретическими средствами для достижения этого знания.

Благодаря наличию в своей структуре мировоззренческо-гносеологического аспекта принцип партийности получает возможность играть определенную эвристическую роль в естествознании еще с одной стороны, устраняя из него системные заблуждения; он обеспечивает последовательный материализм, который, как известно, означает «просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений» [60].

3. ОБЩЕМЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Требования пролетарской классовости социально-политических позиций и материализма в мировоззренческо-гносеологических вопросах являются исходными требованиями, предъявляемыми принципом партийности к познающему и активно действующему субъекту. Без их выполнения невозможна первоначальная ориентация субъекта на достижение максимально достоверного научного знания и на преобразование объективной действительности, соответствующее целям коммунистического будущего. Однако история познания и общественно-историческая практика показывают, что реализация требований, включенных в первые два аспекта принципа партийности, сама по себе может и не обеспечить должного эффекта в решении проблем и не гарантирует от ошибок. Ошибки неизбежны, когда субъект партийности фактически пользуется примитивно-механистической методологией, софистикой, натурфилософским, позитивистским,

---

[60] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 513.

прагматическим или же вульгарно-материалистическим подходом.

В трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина принцип партийности, что следует подчеркнуть, и понимался только в его неотрывном, органическом единстве с диалектическим методом. Диалектика есть не что иное, как «дух ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования»[61]. Это «в высшей степени революционный метод мышления»[62]. «В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»[63].

Классово-партийный (идеологический) характер диалектического метода обусловливается его способностью непосредственно служить политике на уровне практических действий класса, партии, дополняя и усиливая тем самым связь мировоззренческо-гносеологического аспекта принципа партийности с политикой на уровне видов общественного сознания. Кроме того, всеобщая диалектико-материалистическая методология в отличие от специальных, частных наук о мышлении (от формальной логики, например) содержит, как отмечали основоположники марксизма, «зародыш более широкого мировоззрения»; включая в себя (имплицитно) мировоззрение, всеобщая диалектическая методология оказывается связанной с политикой (непосредственно и опосредованно) на уровне видов классового, общественного сознания.

При функционировании принципа партийности, при его целостном рассмотрении общеметодологический аспект и другие его аспекты взаимопронизывают друг друга и практически неотделяемы.

Взаимосвязь общеметодологического и мировоззренческо-гносеологического аспектов обусловливается в рамках единой диалектико-материалистической философии механизмом взаимосвязи диалектики, логики и теории познания.

Диалектика, подчеркивал В. И. Ленин, «включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией»[64]. Более того, «диалектика *и есть* теория познания... марксизма»[65] Раскрывая содержание этих ленинских положений.

---

[61] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 316—317.
[62] Там же, стр. 277.
[63] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 22.
[64] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 54—55.
[65] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 321.

Б. М. Кедров справедливо отмечает, что В. И. Ленин отверг представление о диалектике, логике и теории познания как о каких-то трех самостоятельных раздельно существующих составных частях марксистской философии и показал, что они суть лишь различные стороны (или моменты) единого философского учения марксизма, в котором они все неразрывно связаны между собой и органически слиты воедино[66]. В марксистской философии гносеология пронизывает методологию. Так, в качестве первой и главной черты диалектики, в качестве первого требования диалектики В. И. Ленин называл **«объективность рассмотрения»**. Вследствие такого взаимопроникновения и единства всеобщая методология марксизма становится **партийной**, а принцип партийности обогащается новым аспектом, имеющим свою специфику и укрепляющим связь идеологии с естествознанием.

Поскольку на практике общеметодологические установки так или иначе, но связаны с мировоззрением, гносеологией, с политикой, постольку к общей методологии применимы также партийно-гносеологические и партийно-политические оценки. Отмечая, что тот или иной субъект в общеметодологическом отношении «реакционен», мы имеем в виду не «чистую» методологию, а то, что социально-политические или мировоззренческо-гносеологические взгляды субъекта (либо то и другое вместе) реакционны. «Ненаучность» дополняется «реакционностью» при соотнесении общей методологии с борьбой партий в политике и в гносеологии.

Отметим момент относительного различия общеметодологического аспекта категории коммунистической партийности и мировоззренческо-гносеологического ее аспекта. Главным будет то, что если гносеологизм принципа партийности **требует** материализма, **требует** объективности, то всеобщая диалектическая методология **призвана обеспечить** достижение этой объективности. Она вооружает ученого способностью наиболее полно отражать развивающуюся, непрерывно изменяющуюся сущность объекта в гибких понятиях, вооружает способностью к глубокому теоретическому синтезу. «Господство диалектического метода позволяет наиболее точно отразить в мышлении закономерности объективного мира»[67].

Необходимость диалектической методологии для науки (в том числе естествознания) вызвана прежде всего тем, что сами частные науки не могут решить вопроса о том, как достичь совпадения понятий с объектом, мышления с

---

[66] См. Б. М. Кедров. Единство диалектики, логики и теории познания. М., Политиздат, 1963, стр. 10—11.

[67] А. Бовин. Наука и мировоззрение. «Коммунист», 1960, № 5, стр. 99.

бытием. Между тем ученые часто сталкиваются со сложностью духовного, понятийного воспроизводства объекта, с несовпадением всех звеньев, всех моментов такого освоения объекта.

Познающее мышление вынуждено «отходить» от объекта, какое-то время «замыкаться» в себе, в дедуктивном саморазвитии понятия, а затем искать той или иной связи с объектом. В познании приходится иметь дело с понятиями, теориями, механически не совпадающими с действительностью; еще меньшей совпадаемостью с действительностью характеризуются сами средства создания таких понятий и теорий. Но понятия, однако, не становятся фикциями оттого, что они отнюдь не всегда совпадают с действительностью[68].

Естествознание постоянно сталкивается с необходимостью выработки таких логико-методологических средств, которые позволяли бы, «отходя» на время от объекта, все же в конечном счете «приходить» к объекту, обогащая свое понимание, свое представление о нем. Естествознание нуждается в логике и методологии познания, в специальном учении о законах познания. Марксистская методология специально разрабатывает методы и приемы наиболее адекватного воспроизведения объекта субъектом: метод восхождения от абстрактного к конкретному, метод восхождения от единичного через особенное ко всеобщему, аналитико-синтетический метод и др. Эти методы призваны реализовать главные требования всеобщей диалектической методологии: 1) требования объективности рассмотрения объекта; 2) требования максимальной всесторонности изучения объекта; 3) рассмотрения объекта в «самодвижении», в развитии (а следовательно, обнаружения его противоречивости, выявления сущности, главного в предмете); 4) включения всей человеческой практики в полное «определение» предмета и как критерия истины и как практического определителя связи предмета с тем, что нужно человеку; 5) требования конкретности истины и др. Эти требования, включая требование эффективности применения диалектико-логических приемов исследования, входят в состав требований общеметодологического аспекта принципа партийности.

Принцип партийности требует борьбы с механистической, метафизической методологией и сознательного, умелого применения материалистическо-диалектической методологии в конкретных исследованиях. Выполнение второй половины этой задачи способствует как преодолению механицизма, так и развитию самой науки.

---

[68] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 357, 354; А. Эйнштейн. Физика и реальность. М., «Наука», 1965, стр. 59.

Решение этих задач предполагает доказательство того, что диалектический метод обладает большей эвристической силой по сравнению с механицизмом не только в области социальных наук, но и (что несколько сложнее) в области теоретического естествознания. Классическим примером научной плодотворности диалектики может служить открытие, совершенное в органической химии посредством диалектико-логического способа восхождения от абстрактного к конкретному членом Королевского общества (английской академии наук) Карлом Шорлеммером (1834—1892 гг.)[69].

В современную эпоху научного развития множатся ряды естествоиспытателей, сознательно применяющих диалектику в конкретных областях знания[70].

Всеобщий философский метод, разработанный классиками марксизма-ленинизма и прошедший серьезную школу испытаний на научность, является методом адекватным

---

[69] Об этом подробно см. в работах: Б. М. Кедров. Энгельс и естествознание. М., Политиздат, 1947, стр. 317—350; его же. Единство диалектики, логики и теории познания. М., Политиздат, 1963, стр. 233—234; его же. Три аспекта атомистики. Учение Дальтона. Исторический аспект. М., «Наука», 1969, стр. 67—112.

Теоретическая сила К. Шорлеммера определялась сознательным применением им диалектики к решению частно-научных теоретических проблем.

В его работах положения диалектики не были схемой, под которую отбирались и подводились факты науки, а были неизбежным выводом из конкретно анализируемого материала науки. Такая позиция по отношению к диалектике позволила ему творчески развить некоторые ее положения применительно, например, к истории познания. Для него диалектика не была фразой, прикрывающей беспомощный эмпиризм, а способом теоретического овладения сущностью предмета. «Он был, пожалуй, единственным в свое время известным естествоиспытателем, — писал Ф. Энгельс, — который не пренебрегал изучением презираемого тогда многими, но высоко ценимого им Гегеля» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 323). В противоположность большинству естествоиспытателей той эпохи, не поднимавшихся из пучины эмпиризма и позитивизма до изучения философии, К. Шорлеммер знал Гегеля (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 520).

К. Шорлеммер был одновременно и естествоиспытателем и революционером. В своей общественно-политической и естественнонаучной деятельности он неизменно руководствовался марксистской партийностью. Он был, по оценке Ф. Энгельса, «таким же первоклассным химиком, как и коммунистом» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 305).

[70] С позиций диалектико-материалистической методологии решали (или решают) научные проблемы Н. И. Вавилов, А. И. Опарин, Дж. Бернал, С. И. Вавилов, П. Ланжевен, А. Ф. Иоффе, Н. Н. Семенов и многие другие ученые. Советский генетик Н. П. Дубинин отмечает, что «диалектика, хотят этого ученые-естествоиспытатели или не хотят, является душой познания природы... Марксистско-ленинская диалектика, не претендуя на решение конкретных научных вопросов, дает метод их философского осмысления и на этом пути становится серьезным фактором конкретного научного исследования и разработки тенденций будущего движения науки» («Ленинские философские идеи и проблемы генетики». «Вопросы философии», 1970, № 4, стр. 81—82).

современному уровню естественнонаучного развития. Диалектика есть «единственно научный метод» в том смысле, что она преодолевает аналитическую односторонность метафизики (в свое время сыгравшей позитивную роль в науке) и превосходит ее в научном отношении.

Всеобщая диалектико-материалистическая методология способна играть эвристическую роль в конкретно-научном познании[71] благодаря ряду обстоятельств. Прежде всего она базируется на обобщении конкретно-научного знания на синтетической стадии развития естествознания; большое значение имеет специфика самого предмета материалистической диалектики, несводимая ни к отдельным предметам других наук, ни к совокупности этих предметов; историческое развитие на собственной мыслительной основе, опора на всю историю философского осмысления мира; обобщение не только данных современного уровня естествознания, но и всей истории познания мира, истории его преобразования. Все это обусловливает способность диалектики обеспечивать «опережающее отражение действительности» и содействовать научному прогрессу.

Посмотрим теперь, что представляют из себя каналы связи диалектической методологии (и соответствующего аспекта принципа партийности) с теоретическим естествознанием.

Всеобщая методология марксизма проявляется в конкретных науках, во-первых, в виде совокупности регулятивных принципов, вытекающих из философской теории марксизма, во-вторых, в виде совокупности логических приемов исследования любого находящегося в развитии объекта науки. Всеобщая методология марксизма, наконец, модифицируется, проявляется в **целостной** системе тех частных и специальных методов, которые функционируют в конкретных науках[72].

Фактически частные и специальные методы исследования — это та или иная модифицированная сторона всеобщего метода[73].

Но философский метод, модифицируясь в конкретных науках, в то же время сохраняет свою относительную само-

---

[71] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 408.

[72] См. И. Т. Фролов. Очерки методологии биологического исследования (система методов биологии). М., «Мысль», 1965.

[73] Но «модификация», «преломление» понимается не в смысле полной сводимости какой-то части диалектической методологии к частному методу. «Преломление» есть «модификация», несводимая к генетически исходному состоянию, ибо каждый частный метод есть результат органического синтеза, с одной стороны, общефилософских принципов, с другой — частных познавательных принципов, качественно определяемых, в свою очередь, системой специальных знаний об объекте.

стоятельность и решает свои, общефилософские задачи в рамках того же самого конкретного знания [74].

Существует глубокая объективная основа для единства всех методов, для единства диалектико-материалистического метода и методов частных наук. Эта основа коренится в отношении познающего субъекта к объекту и в характере каждого объекта познания. Поскольку реально существуют только отдельные, единичные явления и их отношения и поскольку каждый единичный материальный объект представляет собой взаимопроникающее единство различных структурных уровней материи, различных типов закономерностей, практически неотделимых друг от друга, постольку с такой же необходимостью всеобщая диалектико-материалистическая методология неразрывно связана с частными науками и их методами. Иначе говоря, взаимосвязь всеобщей методологии и частных методов исследования определяется единством материальных объектов и необходимостью их всестороннего, наиболее адекватного отражения.

На этой основе общеметодологический аспект принципа коммунистической партийности имеет глубокий канал связи с естествознанием, с развитием науки и с задачами объективно-истинного познания.

Перейдем теперь к вопросу о том, каким должно быть с точки зрения принципа партийности сознательное применение диалектики в естествознании.

Умение правильно применять диалектику в конкретно-научном исследовании дается не автоматически, с усвоением ее азбучных истин. Среди предпосылок, развивающих такую способность, должны быть отмечены следующие: глубокое знание специального предмета исследования, владение всеми необходимыми частными методами, методиками исследования, наличие достаточного опыта работы с объектом исследования, наличие проблемной ситуации, требующей «выхода» в философию, достаточное знакомство с историей диалектики (Гегеля, К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина), с применением этой диалектики основоположниками марксизма к решению конкретно-научных вопросов и наличие опыта самостоятельного применения диалектики. Умение правильно применять диалектический метод в частных науках неотделимо от понятийного освоения субъектом конкретного объекта. Как указывал В. И. Ленин, «стремление

---

[74] Всеобщая методология устанавливает субординацию частных методов, дает им гносеологическое, общеметодологическое обоснование. Пронизывая частные методы, диалектико-материалистическая методология способствует выработке логики конкретно-научного исследования, решению реальных и отвержению мнимых проблем науки. Только полная система и взаимосвязь всех методов науки, как подмечено И. Т. Фроловым, способна наиболее полно проявить всеобщую диалектическую методологию.

искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины... есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом»[75].

Одно дело признавать диалектику на словах, «другое дело — применять ее в каждом отдельном случае и в каждой данной области исследования»[76].

В произведениях классиков марксизма сформулированы важнейшие положения, которые, на наш взгляд, довольно определенно указывают на то, каким может быть и каким **не должно быть** конкретное применение диалектики. При этом учитывался не только положительный опыт сознательного применения диалектики, но и опыт ее «стихийного» применения рядом естествоиспытателей (Ч. Дарвином, Д. Менделеевым и др.).

Одно из таких положений, которым необходимо руководствоваться при конкретном применении диалектики, может служить определение классиками марксизма самого существа диалектики как науки о всеобщих законах всякого **развития.** Основные законы диалектики (т. е. законы развития) не могут быть найдены, что очевидно, в сфере относительной стабильности и статичности[77].

Всякого рода упрощенцы и вульгаризаторы диалектики склонны требовать немедленной демонстрации основных законов диалектики на фактах работы двигателя внутреннего сгорания, продажи арбузов в городах, произведения аппендэктомии в хирургии и т. д. Подобные «применения» диалектики вошли уже в историю как уродливое порождение левого доктринерства.

Принцип партийности предостерегает против ошибочного понимания задач сознательной диалектизации естествознания. Применение основных законов диалектики в той сфере, где предметы относительно статичны, нецелесообразно, да и невозможно. Если философские категории (форма, содержание, количество, качество и т. д.) «объемлют» реальность,

---

[75] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 14.

[76] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 302.

[77] Ф. Энгельс в этой связи отмечал: «Пока мы рассматриваем вещи как покоящиеся и безжизненные, каждую в отдельности, одну рядом с другой и одну вслед за другой, мы, действительно, не наталкиваемся ни на какие противоречия в них. Мы находим здесь определенные свойства, которые частью общи, частью различны или даже противоречат друг другу, но в этом последнем случае они распределены между различными вещами и, следовательно, не содержат в себе никакого противоречия. В пределах такого рода рассмотрения вещей мы и обходимся обычным, метафизическим способом мышления. Но совсем иначе обстоит дело, когда мы начинаем рассматривать вещи в их движении, в их изменении, в их жизни, в их взаимном воздействии друг на друга. Здесь мы сразу наталкиваемся на противоречия» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 123).

как развивающуюся, так и относительно недвижную ее сторону, то основные законы диалектики (и соответственно диалектическая логика) применяются лишь там, где есть развитие, движение.

При исследовании процессов, при изучении движения, взаимопереходов, развития необходима и формальная и диалектическая логика, причем определяющая роль отводится логике диалектической.

Сказанное не означает, что марксизм оправдывает (для современной эпохи) существование метафизического метода как всеобщей методологии. Оно не означает также, будто оправдывается существование двух позиций в естествознании: диалектической и метафизической. Нет. Для основоположников научной, диалектико-материалистической методологии все естествоиспытатели, без исключения, должны были руководствоваться материалистической диалектикой на «входе» исследования. На «выходе» же, т. е. в обобщении и изложении результатов исследовательской работы и в зависимости от характера этих результатов, конкретная диалектика природы должна быть обязательно «показана» только там, где она действительно есть.

Раскрывая механизм развития в органической природе, его конкретные формы, направленность и т. д., специалисты-биологи, например, выявляют «конкретную диалектику». Их подход к явлениям, характер результатов их исследований является диалектическим, хотя само содержание получаемого материала является уже не философским, а конкретно-научным. Но из факта обнаружения тем или иным естествоиспытателем конкретной диалектики нельзя a priori квалифицировать его как диалектика вообще, как диалектического материалиста. Для этого, видимо, требуется убедиться в диалектическом характере его взглядов на другие «особенные» области действительности (в первую очередь, на общество, социальную форму движения) и, конечно, на действительность в целом, включая мышление. И как бы ни были велики по своему значению, к примеру, принцип эволюционизма и принцип условно-рефлекторной деятельности, они не есть философские принципы, а принципы (методы) частнонаучного знания.

Следующим вопросом, на рассмотрении которого необходимо остановиться, является проблема развития диалектической методологии в связи с развитием теоретического естествознания.

Диалектика по самому своему существу исключает такое состояние, когда ее бы не совершенствовали, ибо в таком случае она в конце концов оказалась бы не соответствующей уровню развития естественных наук, отставшей и уже не диалектичной.

В современных дискуссиях по философским вопросам естествознания приходится сталкиваться с ситуацией, когда спорящие стороны отталкиваются от одних и тех же общих принципов диалектики, но одна из этих сторон отстаивает «традиционный», давно сложившийся в марксистской литературе подход, а другая — модифицирует его, исходя из обобщений материала теоретического естествознания. Такая картина наблюдалась сравнительно недавно в физике и медицине, где «нетрадиционный» подход к решению проблемы причинности, а именно взгляд на причину как на взаимодействие, стал вытеснять «традиционное» представление о причине. Форма естественнонаучного познания, т. е. общая методология, должна была прийти в соответствие с его содержанием. На этом примере можно видеть, что две стороны в том или ином научном споре не обязательно должны подразделяться на «диалектиков» и «механицистов». Здесь уместнее порой иные оценки, близкие к тем, которые отражены в выражениях «более диалектичны» (позиции) и «менее диалектичны» [78].

Диалектико-материалистическая методология внутренне нацелена на совершенствование под воздействием конкретно-научного знания [79].

С сожалением приходится констатировать, что в наши дни встречается убеждение, будто философы, развивая законы и категории диалектики, могут и должны обходиться без обобщения данных естествознания. В близости к конкретным наукам усматривают какой-то «онтологизм» и даже «эмпиризм», якобы мешающий развитию самой философии.

Конечно, обобщать данные естественных наук должны, в первую очередь, сами естествоиспытатели. Обобщая естественнонаучный материал, они не только лучше других имеют возможность разрешить теоретические проблемы своих же наук, но и поставлять необходимую теоретическую информацию философам. В этом случае они «работают» также и на философскую теорию, являются, отчасти, «философами». Но на уровне естественнонаучных обобщений,

---

[78] Ср. выражение Ф. Энгельса — «более материалистическое, чем все прежние» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 495).

[79] Ф. Энгельс указывал: «С каждым составляющим эпоху открытием даже в естественноисторической области материализм неизбежно должен изменять свою форму» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 286). Данное энгельсовское положение имеет в виду как смену форм материализма в прошлом, так и необходимость непрестанного развития самой материалистической диалектики. Разъясняя это положение Ф. Энгельса, В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» писал: «Следовательно, ревизия «формы» материализма Энгельса (т. е. материалистической диалектики. — *П. А., А. И.*), ревизия его натурфилософских положений не только не заключает в себе ничего «ревизионистского» в установившемся смысле слова, а, напротив, необходимо требуется марксизмом» (Полн. собр. соч., т. 18, стр. 265—266).

лежащем на стыке философского и естественнонаучного знания (на уровне так называемых «философских проблем естествознания»), без участия философов-специалистов обойтись невозможно. Здесь, в сфере философских проблем естествознания осуществляется реальная взаимопомощь идеологии и естествознания, философов и естественников. Философ, участвуя в работе по обобщению данных естествознания, помогая естественникам, решает в первую очередь насущные проблемы своей философской науки, разрабатывает категории диалектики.

Что же получается или может получиться, если философы отстранятся от выполнения задачи по обобщению естественнонаучного материала?

Ответ на этот вопрос содержится в замечании Ф. Энгельса, касающемся такого (далеко не рядового) философа, как Л. Фейербах. Все важнейшие достижения естествознания прошли мимо этого философа, не задев его «существенным образом». «Этим и объясняется, — подчеркивает Ф. Энгельс, — что когда он говорит о природе, то он... так часто бывает вынужден преподносить нам бессодержательную беллетристику» [80].

Близость философов к естествознанию, предполагающая помимо прочего и обобщение ими данных этой науки, позволяет держать открытым (для философии в целом) важнейший информационный канал и канал стимулов для собственного развития. «Философов толкала вперед отнюдь не одна только сила чистого мышления, как они воображали... В действительности их толкало вперед главным образом мощное, все более быстрое и бурное развитие естествознания и промышленности» [81].

Современный материализм, как считали основоположники марксизма, «обобщает новейшие успехи естествознания» [82].

Классики марксизма критиковали в равной мере и философов, и естествоиспытателей, не двигающих науку вперед, а вращающихся на «холостом ходу» повторения тривиальных истин [83]. Метод подбора примеров под какой-нибудь

---

[80] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 514.

[81] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 285.

[82] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 24.

[83] Они называли «опошленной», «вульгаризированной формой» материализм, который преподносили публике некоторые материалисты и который существовал в тот период в головах многих естествоиспытателей. Это название («вульгарных материалистов») некоторые ученые получили не только из-за своего механицизма, сведения духовного к материальному, но и из-за неспособности развивать теорию, философию. Все дальнейшие успехи естественных наук, как отмечал Ф. Энгельс, служили им «лишь новыми доводами против существования творца вселенной»; «они и не помышляли о том, чтобы развивать дальше теорию» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 288).

принцип диалектики, может, конечно, применяться в педагогических, воспитательных целях. Однако с «иллюстрационизмом» можно встретиться и в научной литературе, претендующей на обобщение данных естествознания, на развитие всеобщей методологии. С точки зрения принципа партийности, обращенного к естествознанию, не может считаться правильным такое применение в научных целях диалектического метода, когда масса «случаев» подводится под общие принципы. От этого нет пользы ни философии, ни конкретным наукам; здесь не достигается их взаимообогащения и взаиморазвития. Более того, здесь возможен волюнтаризм, «перекраивание» фактов [84].

Диалектический момент в соотношении «онтологической» и «логико-методологической» функции философии, учитывающий разную степень взаимной приближенности философии и естествознания на разных этапах исторического развития и в разных условиях, зафиксирован в следующем положении: «**Лишь когда** естествознание и историческая наука впитают в себя диалектику, **лишь тогда** весь философский скарб — за исключением чистого учения о мышлении — станет излишним, исчезнет в положительной науке» [85].

Стратегическая задача философского исследования — не «иллюстрационизм», а творческая разработка материалистической диалектики как гносеологии, логики и метода, разработка принципов, приемов познающего мышления и всеобщих категорий.

Непрерывно развиваясь и совершенствуясь в тесном взаимодействии с конкретными науками, диалектика и оказывается способной наиболее эффективно помочь этим же наукам.

Все миропонимание К. Маркса, как подчеркивал Ф. Энгельс, это не доктрина, а метод, дающее «не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод *для* этого исследования» [86]. Благодаря такой методологиче-

---

[84] Ф. Энгельс писал: «Материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 351). Подведение массы случаев под уже известный принцип диалектики чревато потерей действительной задачи философского исследования и бесплодным «умничанием» вокруг частных вопросов. Ф. Энгельс называл исследование, «при котором теряют из виду предмет в целом и слишком часто занимаются бесконечным и довольно безрезультатным умничаньем по поводу частностей», «эклектическим методом философствования» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 354).

[85] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 525 (подчеркнуто нами. — *П. А., А. И.*).

[86] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 352

ской нацеленности диалектики, предполагающей органическую связь ее с естествознанием, чуткое улавливание потребностей системы частнонаучных методов, сама марксистско-ленинская философия не может иметь никакой своей системы в смысле натурфилософского построения картины мира.

Только непрестанное совершенствование материалистической диалектики как метода и диалектического материализма как теории создает необходимые философские предпосылки для эффективного поиска истины, для строгой научности.

В заключении данного раздела работы остановимся на некоторых уточнениях, замечаниях, касающихся идеологического содержания общеметодологического аспекта принципа партийности при его применении в научных исследованиях, в естествознании. Эти уточнения обусловливаются тем, что данному аспекту свойственна (по сравнению с первыми двумя аспектами) значительно большая близость к самому процессу научного исследования, большая способность проникать в само содержание творческого процесса и в содержание конкретных наук.

Нам представляется, что необходимо учитывать вследствие отмеченного обстоятельства следующие два момента, весьма значимых при характеристике применения общеметодологического аспекта принципа партийности к естествознанию.

Во-первых, общая методология как система знания, связанная с философской теорией, партийна, а при отсутствии такой связи отдельные элементы этой методологии могут и не быть «партийными».

Приемы индукции и дедукции, принцип развития и др., будучи взятыми сами по себе, при самостоятельном применении в естествознании, еще не несут в себе информации о какой-либо вполне определенной партийной позиции субъекта. Они «партийны» тогда, когда функционируют либо в составе целостной методологии, либо когда в полной мере (при отдельном применении) выражают основные связи этой целостности. В таком именно смысле, на наш взгляд, и следует понимать указание В. И. Ленина: всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом материального единства мира [87].

Отсюда — требование принципа партийности: применять тот или иной принцип (или прием) диалектики в его неразрывной связи с целостной системой элементов диалектики, в единстве с онтологией и гносеологией марксизма.

Во-вторых, общая методология партийна, а частные естественнонаучные методы (или их комплексы) непартийны.

---

[87] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 229.

Сложность вопроса в том, что общая методология марксизма неотрывна от частных методов, она определяет их в ряде отношений, как бы вливается в них. Почему же в таком случае не предположить и не считать, что благодаря этому «каналу связи» и частные методы неизбежно наполняются «партийным» содержанием? На этой основе, если вспомнить, левые доктринеры провозглашали не так давно в качестве единственно «партийных» такие методы, как метод условных рефлексов, историко-биологический метод, метод травопольных севооборотов и др.

Действительно, всеобщая диалектико-материалистическая методология несет естественным наукам ценную научную информацию, ценные приемы исследования и одновременно определенную партийность. Но, во-первых, «заряд» социально-политической партийности в общей методологии опосредован мировоззренческо-гносеологической стороной принципа партийности; общая методология сама по себе несколько дальше, чем гносеология, отстоит от непосредственных классовых интересов; во-вторых, отраслевые методологии и частные методы научного исследования не по своему генезису, остающемуся на «входе» научного исследования, а по своему специфическому содержанию определяются все же не столько общей методологией, сколько самим предметом конкретно-научного знания. Связь всеобщей методологии с частными методами естественных наук, как бы глубока она ни была, не нивелирует их существенного различия, их взаимонезависимости. В частных методах преломляется не только всеобщая методология, гносеология, но и в решающей мере — сам конкретный предмет научного анализа; он-то и «гасит» тот заряд партийности, который идет к частным наукам через принцип партийности. Партийность «снимается» благодаря тому, что она полностью «входит» в жизнь науки своей научно-познавательной стороной. Научность есть основа и цель принципа партийности. В этом процессе полного «перелива» партийности в научность — не ограниченность, а мощь и действенность марксистско-ленинской партийности.

В принцип партийности входит требование: применять частные методы (или их комплексы) в неразрывном единстве со всеобщей методологией и в результатах научного исследования (где это необходимо или возможно) обязательно показывать эту связь.

Последний момент имеет важное воспитательное, пропагандистское и научное значение, так как помогает другим естествоиспытателям в приобретении навыков владения диалектикой на «входе» научного исследования. Подобное отношение к методологии может квалифицироваться партийным.

В теоретическом естествознании и особенно в прикладном естествознании объект исследования порой не требует прямого применения высшей формы логики — диалектической; достаточно бывает соблюдения правил формальной логики (и в этом смысле — элементов метафизической методологии). В таких случаях диалектическая методология лишь с «тыла» обеспечивает правильность исследования, она сокрыта формальнологическими операциями. Отделенность формальнологического подхода от содержательно-логического, диктуемая объективными условиями исследования, заключает в себе «корень», возможность метафизики как общей методологии, но не более. Принцип партийности не разрешает на этом лишь основании делать выводы о наличии механистической методологии в целом у данного исследователя, и тем более — дедуцировать «реакционность» на всю его философскую и классово-политическую позицию (тем более, когда такая позиция и на самом деле оказывается не реакционной).

Принцип партийности требует, чтобы характер методологии определялся также и тем, насколько соответствует эта методология уровню научных исследований и насколько эта методология обеспечивает прогресс научного исследования. Такое определение в качестве своего обязательного условия предполагает сравнительный и конкретный а́нализ вопроса: что дает (или может дать) при тех же самых условиях работы та или иная всеобщая методология?

Вполне допустимо, что такое рассмотрение может привести к результатам, противоположным тем, из которых сознательно исходит естествоиспытатель.

Несмотря на возможные противоречия в общей методологии ученого, на несовпадение личных взглядов на методологию с фактически используемой общей методологией, представляется необходимым применять оценки «метафизический» («механистический») или «диалектический», характеризуя общеметодологическую ориентацию субъекта познания. В оптимальном варианте оценка «механицизм» применима тогда, когда личные взгляды ученого, будучи открыто механистичными, последовательно проводятся в исследованиях, несмотря на явно диалектическое содержание самого предмета исследования.

Принцип партийности требует преодоления механистической методологии в естественных науках.

Таковы основные моменты, характеризующие общеметодологический аспект принципа партийности в его применении к теоретическому естествознанию.

4. НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В этом аспекте заключены основные требования, регулирующие нравственные отношения между работниками физического и умственного труда, а также внутри сферы научного производства — между научными направлениями, школами, между отдельными представителями науки. Сюда должно войти определение тех нравственных качеств ученого и этических норм взаимоотношений между учеными, которые оптимально содействуют творческому процессу, нахождению объективной истины и устранению заблуждений. Подобно другим аспектам принципа партийности данный аспект содержит запреты, нарушение которых способно отрицательно сказаться на научном поиске и на прогрессе науки.

Само название данного аспекта («нравственно-этический») говорит о том, что в нем охватываются нравственные (и психологические) качества отдельной личности в ее отношении к объекту, к научному производству, реальные нравственные отношения между людьми и вместе с тем — область принципов, теорий, изучаемых этикой как формой общественного сознания.

При преломлении общих этических принципов к той или иной профессии формируется профессиональная этика. Критикуя фейербаховскую теорию морали, Ф. Энгельс, как известно, отмечал ее абстрактность, практическое бессилие. «В действительности, — указывал Ф. Энгельс, — каждый класс и даже каждая профессия имеют свою собственную мораль, которую они притом же нарушают всякий раз, когда могут сделать это безнаказанно»[88]. Принцип партийности практически активен, действен по отношению к естествознанию, органически соединяет в себе этику ученых с коммунистической нравственностью, с марксистско-ленинской этикой.

Принцип партийности, применяясь к естествознанию, не может не опираться на требования, вырабатываемые профессиональной этикой ученых[89]. Но он вбирает в себя не все требования, а только те из них, которые непосредственно связаны со спецификой коммунистической нравственности, противостоящей специфике феодальной и буржуазной морали (в том числе морали религиозной).

Коммунистическая нравственность формируется на основе того лучшего, что выработалось в среде пролетариата под гнетом классовой эксплуатации и что нашло свое воплоще-

---

[88] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 298—299.

[89] Необходимо отметить, что к настоящему времени этика ученых составляет еще малоразработанную область профессиональной этики (сравните, например, с врачебной этикой).

ние в нравственности передовых представителей этого класса. Классовая мораль пролетариата[90] сильна своей связью с общечеловеческими элементами морали, своей способностью слиться с ними, развить себя и поднять эти элементы на ступень высшей морали — коммунистической. Иначе говоря, нравственно-этический аспект принципа партийности, будучи классовым, в то же время по своей сути и внутренней устремленности общечеловечен.

Классовость, идеологический характер нравственно-этического аспекта принципа партийности в значительной мере обусловливается неразрывной связью, существующей между наукой и социально-политическими условиями ее развития. Такая связь может быть обнаружена, например, в воздействии социально-политической атмосферы в стране на ход и даже результаты естественнонаучных дискуссий.

Как вид общественного сознания нравственность есть сторона идеологии с ее познавательными и оценочными моментами; будучи частью мировоззрения, этика взаимосвязана с политикой и философией (гносеологией, общей методологией), через них воздействует на науку. Но нравственность воздействует на ход научного исследования и непосредственно — как субъективная, индивидуально-психологическая его предпосылка.

Вследствие непосредственной и опосредованной связи нравственности с наукой (классовостью) встает вопрос об определении такой системы нравственных качеств исследователя, которая, с одной стороны, наиболее полно соответствовала бы характеру научного труда, характеру поиска истины, а с другой — входила бы в состав коммунистической партийности, была бы субординацией элементов коммунистической нравственности. (т. е. имела бы четко выраженную классово-идеологическую специфику). Сопоставляя с разных сторон нравственные качества, наиболее соответствующие научному творчеству, с нравственными требованиями, имеющимися в

---

[90] Марксистско-ленинскому учению чуждо стремление возводить в идеал все, что имелось в прошлом у пролетариата; всякие «родимые пятна», уродовавшие нравственность этого класса в антагонистическом обществе, нужно было вывести; «надо воспитывать весь класс наемных рабочих к роли борцов за освобождение всего человечества от всякого угнетения», необходимо «терпеливо поднять» наименее затронутых нашей наукой и наукой жизни представителей этого класса «до социал-демократического сознания» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 357). «Коммунистические принципы, если взять их в простом виде, — это принципы высокообразованного, честного, передового человека...» (М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании. М., «Молодая гвардия», 1947, стр. 50). Пролетарская партийность нравственно-этическим своим аспектом вбирает и развивает на научной основе все лучшее, что было в нравственности всех времен и профессий. Основные нравственные требования принципа партийности сформулированы в Программе КПСС, в моральном кодексе строителя коммунизма.

коммунистической этике, мы в конце концов можем приходить к одному и тому же выводу, а именно, к выводу о полной согласуемости и совпадаемости всех этих требований друг с другом. Если нравственность коммуниста должна быть нравственностью глубоко интеллектуального человека, то нравственность ученого-естествоиспытателя должна быть нравственностью коммуниста.

В нашей работе специально не ставится задача перечислить все возможные элементы системы нравственных качеств исследователя (под углом зрения партийности) или проследить их субординацию. Учитывая неразработанность этого вопроса в литературе вообще, мы ограничимся лишь фрагментарным рассмотрением его. Тем более, что этого, как нам думается, будет достаточно для обнаружения (в главном) связи нравственно-этического аспекта принципа партийности с естествознанием.

Труд ученого, как уже отмечалось, во многих отношениях является прообразом коммунистического труда; он протекает не по законам рабочего, а по законам свободного времени. Интенсивнейшее напряжение духовных способностей человека, определяемое этой спецификой и неограниченными горизонтами научного поиска, требует от ученого беззаветной самоотдачи, максимального трудолюбия, высокого сознания общественного долга.

Сложность поиска истины в науке, достижение крупиц истины через системы относительно достоверного знания путем преодоления неизбежных ошибок и столь же неизбежных заблуждений вызывает необходимость в наличии у исследователя таких качеств, как объективность, интеллектуальная честность, доброта, принципиальность, мужественность, самокритичность и т. п.

Объективность и интеллектуальная честность, понимаемые в широком смысле слова, должны быть присущи подлинному искателю истины[91]. Первое требование «духа науки» — объективность, по словам академика А. Д. Александрова, есть одновременно необходимая составляющая развитой нравственности. «Не ясно ли, что требование быть объективным, стараться разобраться, понять, учитывать факты, «смотреть им прямо в глаза», честно сверять свои намерения с результатами — все это внутренние требования науки и одновременно нравственные требования»[92].

Научная объективность и честность неразрывно связаны с такими нравственными качествами, как доброта, гуманность. Имеется коррелятивная связь определенных видов

---

[91] См. К. А. Тимирязев. Дарвин как образец ученого. Избр. соч., т. IV, 1949, стр. 79.

[92] А. Д. Александров. Нравственное значение науки. «Литературная газета», 1967, № 13, 29 марта.

творчества с добротой. Это подтверждается рядом исторических фактов, особенностями характеров выдающихся ученых (Ч. Дарвина, М. Фарадея, В. О. Ковалевского, А. Эйнштейна, И. П. Павлова, Н. Бора, Дж. Холдэна и др.). Советский ученый А. А. Малиновский, обративший внимание на эту корреляцию, пишет, что распространенность доброты у создателей крупных новых концепций или у ученых, оригинально развивавших их, еще должна быть подтверждена статистически. Однако «логическая связь ее с предпосылками к широким обобщениям легко может быть объяснена тем, что то, что мы называем добротой в моральном аспекте, чрезвычайно тесно связано со способностью становиться на точку зрения другого человека, а у ученого — на точку зрения инакомыслящего оппонента. Последнее же служит крайне важным условием объективности при создании гипотезы, особенно в условиях, где иная проверка этой гигантской работы на каждом этапе почти невозможна и где оправдание гипотезы зачастую далеко отстоит по времени от ее окончательного формулирования. Так это было в значительной степени с теорией Дарвина, хотя она и покорила сразу ученый мир своей логичностью. Так обстояло и с теорией относительности и с рядом других широких обобщений... Доброта и способность становиться на точку зрения другого человека не является простым побочным следствием контактности, как это может показаться первоначально, хотя она может, естественно, коррелировать с нею. Есть четкое различие между легкостью повседневного контакта, с бессознательным восприятием общепризнанных точек зрения, и способностью сознательно приравнять чужие переживания и точки зрения к своим»[93]. Каждый ученый, как подчеркивает ту же главную мысль академик П. С. Александров, должен помнить о своей все возрастающей ответственности перед человечеством, помнить, что «гений и злодейство две вещи несовместимые»[94].

К отмеченным качествам исследователя примыкают и другие, необходимые и важные для научной работы: принципиальность, твердость характера, способность ученого противостоять тем внешним воздействиям, которые расходятся со стремлением к достижению научной достоверности[95]. Разве не первая обязанность исследователя истины

---

[93] А. А. Малиновский. К вопросу о путях исследования условий творческого процесса. В кн.: «Научное творчество». Под ред. С. Р. Микулинского и М. Г. Ярошевского. М., «Наука», 1969, стр. 288.

[94] П. С. Александров. Мера таланта, эстетика поиска. В кн.: «Наука сегодня». Под ред. С. Р. Микулинского. М., «Молодая гвардия», 1969, стр. 253.

[95] См. А. Эйнштейн. Собрание научных трудов, т. 4. М., «Наука», 1967, стр. 241.

прямо стремиться к ней, не оглядываясь ни вправо, ни влево?[96].

Для подлинного ученого стремление к истине должно быть дороже привходящего группового или личного момента; его самостоятельность как ученого, его принципиальность определяются непреклонной устремленностью к истине. Человека же, «стремящегося *приспособить* науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а *извне*,— писал К. Маркс,— к такой точке зрения, которая продиктована *чуждыми* науке, *внешними* для нее интересами,— такого человека я называю *«низким»*[97].

К. Маркс называл английского буржуазного экономиста Д. Рикардо объективным; его объективность состояла в том, что если бы наука заставила его сделать выводы, противоположные интересам его класса, то он сделал бы их. В то же время Мальтус был неискренним ученым, ибо он, по выражению К. Маркса, сознательно «гнул» науку в сторону буржуазии. Оба ученых были буржуазными, но между их моральными установками имелось глубокое различие.

Всякое приспособленчество, к наихудшим разновидностям которого относится не только угодническое «развитие» теории, но и конъюнктурщина, догматизм, решительно осуждалось основоположниками марксизма. Они требовали от подлинных коммунистов умения самостоятельно мыслить с позиций научной методологии[98].

Методологическому догматизму (в моральном отношении — приспособленчеству, раболепию, службизму) может быть противопоставлен методологический активизм, стремление к творчеству нового на базе общих методологических принципов марксизма-ленинизма. Способность к независимости, к самостоятельности мышления, способность оградить такую самостоятельность от догматизма и конъюнктурщины неотделима от способности к скептицизму, самокритичности и критичности. «Подвергай все сомнению» — таков был любимый девиз К. Маркса. А Ф. Энгельс называл «скептически-критическую голову» главным аппаратом, который нужно всегда брать с собой и сохранять до конца в пригодном для работы состоянии[99]. Однако абсолютизация скептицизма способна противостоять научному поиску, способна обратиться своим острием не против заблуждений, а против самой истины. Но классики марксизма и не отрывали скептицизм от истины; они определяли меру скептицизма тем,

---

[96] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 6.
[97] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 125.
[98] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 65.
[99] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 378.

насколько он помогал решению проблем исторически-позитивной практики, проблем научного знания.

На коррелятивную связь эффективного научного поиска со скептицизмом указывает и история естественнонаучного познания [100]. Ч. Дарвин отмечал: «...человеку науки порядочная доза скептицизма очень полезна, т. к. благодаря этому он часто избегает ненужной потери времени; я встречал немало людей, которые, как мне кажется, не производили вследствие отсутствия скептицизма таких опытов или наблюдений, которые могли бы непосредственно или косвенно принести пользу науке» [101].

Научный скептицизм выражается и в беспощадной, высокоразвитой самокритичности, в самооценке, в способности к научному самоотрицанию. «Постоянно опасаясь, что в руках у него только видимость истины, а не сама она, человек науки подвержен тягостным сомнениям в правоте своего творческого замысла, пока нет еще достаточных доводов и убедительных доказательств. Отсюда назойливая самокритика, отпугивающая любимую мечту или предвзятую идею... Кто чужд сомнению, тот далек от научного мышления» [102].

Подлинный искатель истины не может быть заинтересован в завуалировании или сокрытии ошибок. Академик П. Л. Капица лаконично и ярко подчеркнул это право ученого на ошибку. Ошибки, говорит он, не есть еще лженаука. «Лженаука — это непризнание ошибок. Можно сказать, что

---

[100] «Большинство гениев, ответственных за важнейшие мутации в истории человеческой мысли, имеют некоторые общие черты. С одной стороны, им свойствен скептицизм, часто доводимый до иконоборства. Этот скептицизм получает свое выражение в их отношении к традиционным идеям, аксиомам и догмам, ко всему тому, что считается «доказанным». С другой стороны, им свойственна открытость ума, граничащая с наивной доверчивостью к новым концепциям, кажущимся обещающими для их интуитивных поисков Из этой комбинации вытекает их решающая способность воспринимать знакомые объекты, ситуацию, проблему, коллекцию данных в неожиданно новом свете или аспекте. Увидеть то, чего никто раньше не видел... Это одновременно и акт разрушения и акт созидания, ибо это требует разрыва с умственными привычками, требует расплавить застывшую структуру принятой теории и тем самым сделать возможным новый сплав идей» (Артур Кестлер, 1961. Цит: М. С. Бернштейн. О природе научного творчества. По зарубежным материалам. «Вопросы философии», 1966, № 6, стр. 137). На эвристическую роль научного скептицизма указывает и Ренэ Лериш: «Умение мыслить научно оссвобождает нас от слепого следования догмам. Оно приучает нас к основному: сомневаться в полученных данных. Оно помогает нам ощутить всю слабость наших знаний, оно дает нам возможность полной интеллектуальной свободы и освобождает нас от слепого преклонения перед кажущимися истинами» («Основы физиологической хирургии». 1961, стр. 19).

[101] Ч. Дарвин. Мое миросозерцание. Изд. «Вестник знания», 1907, стр. 29.

[102] См. Вл. Динзе. Наука, ее условия и задачи, 1922, стр. 9.

ошибки — диалектический способ поиска истины. Никогда не надо преувеличивать их вред и уменьшать их пользу»[103].

Скептицизм, критичность и самокритичность не являются антиподом веры или твердости убеждений в правильности чьей-то (или своей) научной позиции. Наоборот. Марксистско-ленинское учение дает прочное общеметодологическое, гносеологическое и социологическое основание для последовательного саморазвития скептицизма в научную уверенность, для его гармоничного сочетания с верой в преодоление ошибок, заблуждений, в получение более полных, более глубоких объективных истин. Принцип партийности содержит в себе (в других своих аспектах) требования по обеспечению соответствия «личного» и «общественного», «современности» и «классики» в научном познании, что ведет к непрерывному обогащению истинностного содержания науки.

Принцип партийности требует от ученых научного оптимизма, твердой веры в способность достичь истину, настойчивости, смелости, мужественности и других моральных качеств, более всего отвечающих природе научного творчества, природе научного поиска.

Абстрагируясь от социально-политического «выхода» нравственных качеств (недоброты, к примеру), временно отвлекаясь от социально-политического аспекта принципа партийности, мы имеем тесную, хотя и неоднозначную связь нравственных качеств ученого с естественнонаучным творчеством. Неоднозначность состоит в том, что то или иное нравственное качество (честность, трудолюбие) сами по себе и даже в комплексе с другими положительными качествами не обусловливают еще сколько-нибудь значительных успехов в науке. Не следует трактовать отмеченную выше коррелятивную связь слишком упрощенно и в том смысле, что якобы всякий ученый, не имеющий какого-то положительного качества (например, доброты), уже заранее обречен на неспособность к научному творчеству, на неуспех в научном поиске. Отсутствие одного какого-либо элемента в системе данного аспекта может, очевидно, в определенной мере компенсироваться присутствием иных элементов на других уровнях (аспектах) субъективного обеспечения научного творчества (силы логического мышления, строгости методологии и т. п.). Однако следует, видимо, согласиться, что наиболее рациональная структура (т. е. оптимальный набор) положительных нравственных качеств исследователя **при прочих равных условиях** способна существенно помочь в поиске истины, в достижении максимальной достоверности научного знания.

---

[103] П. Л. Капица. Приглашение к спору. «Юность», 1967, № 1, стр. 80.

Перейдем теперь к рассмотрению некоторых нравственно-этических проблем, имеющих место во взаимоотношениях между научными коллективами[104], т. е. коснемся группового уровня в нравственно-этическом аспекте принципа партийности.

На групповом уровне некоторые моральные проблемы индивидуального уровня как бы нивелируются, «усредняются», отходят на второй план и в свернутом виде функционируют в нем. Другие же проблемы (например, проблемы взаимной критики) становятся едва ли не главными, ведущими, и их практически неверное решение заключает в себе опасность для самого существования тех или иных научных коллективов.

Хорошо организованный коллектив способен повышать производительность индивидуального труда по обнаружению истины. «Мышление в коллективе порождает взаимоиндукцию мыслей и существенно ускоряет процесс растормаживания наличной информации. Сомыслящий — катализатор мышления. Многократность повторения, разнообразие ходов, дополнение аспектов происходит одновременно у каждого члена коллектива; поэтому результаты совместной обработки информации мгновенно включаются в дальнейшую обработку»[105].

Однако коллективизм усилий ведет и к возрастанию опасности негативного воздействия коллектива на индивидуальные возможности ученого. Как отмечает М. М. Карпов[106], дефекты в организации коллектива могут приводить к тому, что производительность труда хорошего работника,

---

[104] Под научными коллективами здесь понимаются более или менее значительные группы научных работников (с точки зрения социологии — «микрогруппы»), возникающие либо на какой-то обязательной («формальной») основе, обусловленной штатным расписанием, распорядком дня и пр., либо на неформальных связях, т. е. отношениях, в основе которых лежит чувство личной симпатии, тяготение к «лидеру» (И. И. Лейман. Научные коллективы и формы управления ими. В сб.: «Методологические вопросы физиологии высшей нервной деятельности». Л., «Наука», 1970, стр. 44). К «формальным» коллективам относятся кафедры вузов, лаборатории, научно-исследовательские институты; к «неформальным» — научные направления, научные школы. Разделение всех творческих коллективов на эти две группы условно. Но такое разделение немаловажно с точки зрения выявления характера нравственно-этических проблем внутри коллективов и между ними. Важной чертой современной науки и научного творчества является все возрастающая коллективность усилий, наблюдаемая и в «формальных» и в «неформальных» образованиях. Усложняются взаимоотношения коллектива и отдельной личности.

[105] Г. Г. Дюментон. Структурный анализ научных коллективов. В кн.: «Проблемы исследования систем и структур». Материалы к конференции. М., Изд-во АН СССР, 1965, стр. 162.

[106] См. М. М. Карпов. Коллектив и личность в науке. В кн.: «Наука и научное творчество». Ростов, 1970, стр. 85.

включенного в такой коллектив, не только не увеличивается, но даже уменьшается.

Нормальная этическая атмосфера внутри хорошо организованного коллектива включает в себя полный учет того обстоятельства, что научное творчество по своей природе антиконформистское. Вместе с тем «умеренный конформизм» (выражение А. Матейко) всегда нужен[107]. Нравственность ученого должна быть нравственностью не индивидуалиста, а нравственностью коллективиста в том смысле, что его «антиконформизм» в необходимой степени должен сочетаться с известной долей «конформизма».

Остановимся на некоторых проблемах, возникающих при рассмотрении отношений между «неформальными» коллективами в науке. Направление в науке означает направление поиска научной истины, а не самое научную истину[108]. Понятие «научное направление» включает в себя момент отличия одного направления от другого в пределах узкой области знания, момент противоречия между ними. Противоречия между ними неизбежны, поскольку неизбежна противоречивость познания. Противоречия между познанием сущности и явления, опытом и теорией, фактом и обобщением, противоречия между двумя сосуществующими, односторонними теориями, противоречия между старой и новой, менее и более полной теориями[109], — все это находит свое выражение в форме противоречий между научными направлениями и школами.

Различия между научными направлениями диктуют необходимость их сотрудничества, товарищеских дискуссий. Наличие различных направлений в науке есть стихийно складывающаяся форма разделения исследовательского труда, обеспечивающая в конечном итоге всесторонний охват предмета изучения. «Истинно научные направления всегда и неизбежно сотрудничают между собой. Коллективы, работающие в разных направлениях, при сопоставлении результатов своей исследовательской деятельности получают дополнительные импульсы к движению и вместе с тем к образованию коллектива еще более широких масштабов»[110]. Необходимость взаимополезных творческих контактов между различными научными направлениями обусловливает необходимость в таком нравственном каче-

---

[107] См. А. Матейко. Условия творческого труда. М., «Мир», 1970, стр. 40.

[108] См. В. Н. Столетов. Некоторые методологические вопросы генетики. В сб.: «Актуальные вопросы современной генетики». Изд-во МГУ, 1966, стр. 503.

[109] См. «Противоречия в развитии естествознания». Под общей ред. Б. М. Кедрова. М., «Наука», 1965.

[110] В. Н. Столетов. Ук. работа, стр. 507.

стве этих коллективов (и их членов), как «чувство локтя» по отношению друг к другу, по отношению к представителям противоположного направления. Наука требует проявления терпимости к инакомыслящим и доброжелательной критики. Справедлив совет Тура Хейердала: «Попробуйте научиться видеть в своих научных противниках полезных сотрудников, используйте их критику для того, чтобу продвинуться дальше вперед. Ведь именно в споре друг с другом можно идти вперед, к истине»[111].

Но наличие нескольких научных школ и направлений в одной области знания таит в себе и опасность перерастания познавательных противоречий в глубокие разногласия между школами, в конфликты.

Нам уже приходилось касаться «дискуссии» между атомистическим и «энергетическим» направлениями в физике рубежа XIX—XX вв., одним из следствий которой было самоубийство Л. Больцмана. Имея в виду подобные дискуссии того времени, физик Д. Гольдгаммер отмечал, что «переживаемая нами борьба научных течений на самом деле не мало напоминает борьбу религиозного характера»[112]. Столь же жестокой была борьба между механо-ламаркистским и автогенетическим направлениями в эволюционной биологии в первой четверти XX в. и одной из жертв ее стал австрийский биолог-материалист П. Каммерер.

В современном западном обществе, как отмечает Дарлингтон, «обструкция или клевета, взыскания или шантаж могут в различной степени попирать законные формы дискуссии»[113]. Профессор Калифорнийского университета Т. Шибутани пишет об обстановке, в которой работают представители социальной психологии, особенно в США: «Некоторые из тех, кто занимает ключевые позиции в высоко котирующихся организациях, создают целые интеллектуальные империи... Как и во многих других кругах, честолюбивые ученые часто образуют фракции. Иногда расхождения обсуждаются открыто в достойных критических выступлениях, но рассмотрение альтернативных гипотез, особенно когда доказательства не очевидны, часто выливается в мстительную личную ссору... Садистская критика взглядов, отличающихся от концепций лидеров данной области, часто имеет своим результатом широкое распространение приспособленчества. Те, кто защищает неортодоксальные теории, подвер-

---

[111] Тур Хейердал. Что зовет меня в дорогу. «Комсомольская правда», 11 февраля 1965 г.

[112] Д. Гольдгаммер. Наука и истина, 1904, стр. 22.

[113] См. М. М. Карпов. Основные закономерности развития естествознания. Ростов, 1963, стр. 278.

гаются негативным социальным санкциям, — во многом так же, как еретики в религиозном мире»[114].

Результаты научных дискуссий нельзя порой правильно оценить, не учитывая социально-политической атмосферы, в которой они проходят. Это относится в значительной мере к дискуссиям, проводимым в буржуазном обществе.

При социалистическом строе создается положительная социально-политическая атмосфера для свободных дискуссий в теоретическом естествознании. Но, во-первых, нельзя абстрагироваться от степени обострения классовой борьбы на том или ином этапе развития государства и от борьбы различных социально-политических систем[115]; во-вторых, нельзя не учитывать и того, что если где-либо, хотя и временно, проявляются тенденции к культу личности, то они способны повлиять и на область взаимоотношений между научными направлениями.

Леводоктринерский антисциентизм 30—40-х годов, например, коррелировал с такой нравственностью, которая не имела ничего общего с нравственностью коммунистической.

Как известно, леводоктринерскому антисциентизму удалось открыто выставить свой тезис о классовости истины, о тождественности борьбы направлений в науке с партийно-политической и партийно-философской борьбой. «Классовая борьба находит всегда политическое выражение в борьбе партий, на фронте науки — в борьбе направлений[116]. «Всякая истина классова», «всякая научная теория классова»[117]. Уже в этих положениях неявно (но фактически) содержалось стремление использовать аппарат диктатуры пролетариата в узкогрупповых интересах, для прямого подавления противоположных естественнонаучных направлений. Само по себе это было не только теоретически несостоятельным, но и глубоко безнравственным.

Своеобразным «творчеством» представителей «новой» школы в биологии было откровение, будто конкретно-научные вопросы есть в то же время и вопросы партийно-философские (что должно было «развить», конкретизировать вышеприведенные положения). Утверждалось, что диалектико-материалистическая (т. е. марксистская) концепция представлена в биологии только одним естественнонаучным направлением, притом не тем, которое занято поиском «мифического» дискретного материального носителя, а тем,

---

[114] Т. Шибутани. Социальная психология. М., «Прогресс», 1969, стр. 501—502.

[115] См. Дж. Бернал. Наука в истории общества. М., ИЛ, 1956, стр. 623

[116] См. Л. Звонов. Партийность философии, 1932, стр. 30; Т. Ищенко. Краткий философский словарь, 1931, стр. 134.

[117] И. Презент. Классовая борьба на естественнонаучном фронте, 1932, стр. 7.

которое якобы нашло основу наследственности на организменном уровне, в любой части живого тела[118]. Применяя тот же прием, представители одной из школ (В. Р. Вильямса) в дискуссиях о системах земледелия с другой школой (Д. Н. Прянишникова и Н. М. Тулайкова) заявляли, будто травопольные севообороты, ими рекомендуемые, являются единственно «социалистическими»[119].

Накакими объективными обстоятельствами не оправдываемое извращение принципа партийности вело к столь же неоправдываемым нарушениям этических норм при «внутринаучной» критике концепций противоположного направления. Здесь имело место не только «неосознаваемое» подтягивание методов критики к псевдопартийности, но и нередко сознательная недобросовестность критиков[120].

Научные приемы критики были подчинены задаче любыми средствами, всеми «правдами и неправдами» дискреди-

---

[118] См. Т. Д. Лысенко. О положении в биологической науке. В кн.: «О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ». М., 1948.

[119] «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1937, № 9—10.

[120] Среди приемов антинаучной критики, применявшимися главными представителями школы Лысенко — Презента, отметим следующие (подробнее см.: И. Т. Фролов. Генетика и диалектика. М., «Наука», 1968; P. S. Hudson and R. H. Richens. The New Genetics in the Soviet Union». School of Agriculture. Cambridge, England, 1946). Во-первых, антиисторизм подхода к критике противоположного направления, фокусирование внимания только на негативном, критика уже отживших взглядов, сведение существа позиций современной генетики к пережившим себя концепциям, сформулированным на ранних этапах ее развития; стремление не замечать позитивного в развитии генетики. Во-вторых, «духовный сыск», недоверие к тому, что говорят оппоненты, широкое введение в предмет «исследования» анализа предполагаемого настроения ума автора рассматриваемых взглядов, оценка положительных сдвигов в его позиции как «маскировки», «словесного прикрытия» и т. д.; приписывание оппоненту того, чего у него на самом деле нет. В-третьих, «внутринаучное очковтирательство», рассмотрение (под видом критики всей теории) какой-либо из ее второстепенных сторон, часто малосущественной; стремление создать впечатление, что рассматриваемая концепция сокрушена, тогда как на самом деле основной ее пункт оказывался часто совершенно обойденным; с этим связан прием: высмеивать идею перед тем, как ее критиковать, а затем получившуюся пародию критиковать и разбивать. В-четвертых, система «подверсток» и подмена предмета рассмотрения; какой-либо специально-научный результат теоретического исследования развенчивался путем «организации» ряда «подверсток» под какую-нибудь сомнительной ценности всеобщую методологию (как правило, махистскую), затем производилось сопоставление полученного с критикой В. И. Лениным махизма, тут же критика механически переключалась на сам специально-научный результат (или методику) и демонстрировалась его якобы уже доказанная «несостоятельность».

Можно, конечно, продолжить перечисление приемов критики, применявшихся «новой» школой в биологии для уничтожения «инакомыслящих» в области генетики. Но не в этом суть вопроса, хотя их выявление немаловажно для недопущения в науке неправильных приемов критики.

тировать противоположное направление, его представителей. Сама логика левого доктринерства вела от утверждения «истина — классова» к априорному выводу, что противоположное научное направление должно быть классово-противоположным, а в специально-научном отношении обязательно должно быть сплошным заблуждением. Если бы не удалось доказать «ложность» другого направления, то пришлось бы менять исходную позицию, чего левые доктринеры, конечно, не могли допустить.

С ненаучными приемами критики подходили левые доктринеры к оценке концепций Д. И. Вернадского, математика Н. Н. Лузина, физика И. Е. Тамма и других ученых.

Такое отношение к противоположным научным направлениям и к его представителям было безнравственным и несовместимым с подлинно коммунистической партийностью.

Принцип партийности запрещает смешение конкретных естественнонаучных вопросов с вопросами философскими и политическими. Еще в начале XX столетия В. И. Ленин, развивая соответствующие положения Ф. Энгельса [121], четко сформулировал требование строго разграничивать философское понятие материи (соответственно — философские направления) и естественнонаучное представление о ее строении (соответственно—естественнонаучные представления) [122].

Принцип партийности запрещает также смешивать борьбу партий в философии и политике с борьбой тех или иных естественнонаучных направлений и выступлений с претензией на единственно правильное выражение марксизма в частных, естественных науках. Более того, принцип партийности требует многообразия конкретных решений и свободы дискуссий между научными направлениями. Как указывал В. И. Ленин, «нельзя развивать новых взглядов иначе как полемически» [123]. Резолюция XIII съезда РКП(б), устанавливавшая, что «ни одно литературное направление, школа или группа не могут и не должны выступать от имени партии» [124], определяла фактически основную линию политики партии и в отношении различных направлений в науке.

Принцип партийности запрещает применять такие формы или методы полемики, которые антинаучны, антигуманны, которые в должной мере не ориентированы на сохранение и развитие высших ценностей: объективной истины, справедливости и самой личности специалиста. Принцип партийности заключает в себе моральное (да и не только моральное) осуждение лиц, действия которых ведут к гибели специали-

---

121 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 283, 290.
122 См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 274.
123 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 66.
124 «КПСС в резолюциях и решениях...», изд. 7, ч. II. М., Госполитиздат, 1954, стр. 64.

стов науки и техники, не выступающих (в условиях строящегося социализма) с активными контрреволюционными действиями, а тем более лойяльно относящихся к Советской власти [125].

Принцип партийности своим нравственно-этическим аспектом требует ответственности тех, кто нарушал или нарушает нормы взаимоотношений, нормы критики в науке. Необходимость разработки вопроса о профессиональной этике ученого определяется все возрастающим диапазоном влияния ученого на научный и общественный прогресс, увеличением возможностей не только позитивного, но и негативного его воздействия на жизнь общества [126].

В наши дни взаимоотношения между научными направлениями (и отношения к отдельным ученым) стали широко обсуждаться. Многое сделано для того, чтобы никогда не допустить проявлений левого доктринерства в науке. Широко практикуются товарищеские дискуссии в науке. В Программе КПСС, принятой на XXII съезде, указано, что «необходимым условием развития науки являются свободные товарищеские дискуссии, содействующие творческому решению назревших проблем» [127].

Но усилия, предпринимаемые Коммунистической партией по обеспечению нормальной атмосферы на дискуссиях, не всегда, видимо, в должной мере дополняются [128] соответ-

---

[125] Показателен следующий факт. В декабре 1921 г. покончил жизнь самоубийством подвергшийся травле инженер В. В. Ольденборгер. Этот факт расследовала специальная комиссия, был опубликован материал в «Правде». Однако результаты расследования оказались недостаточными, что обусловило вмешательство В. И. Ленина. В. И. Ленин потребовал предания суду всех указанных в заключении комиссии лиц. В. И. Ленин предложил Оргбюро ЦК РКП(б) создать особый партсуд и предать этому суду всю комячейку предприятия («часть исключить из партии навсегда или на срок, части объявить строгий выговор, смотря по мере вины»); «суд провести внушительно, гласно»; «дело возмутительное: надо бить в большие колокола» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 354—355). Дело о самоубийстве В. В. Ольденборгера разбиралось Верховным Трибуналом при ВЦИК. Трибунал приговорил виновников травли этого специалиста к разным видам наказания.

[126] «Партийность — это еще и обязательное умение определять общественные последствия того или иного своего деяния, таким образом, это — **максимум социальной ответственности** за свою деятельность» (А. Румянцев. О партийности творческого труда советской интеллигенции. «Правда», 9 сентября 1965 г.).

[127] «Материалы XXII съезда КПСС», М., Политиздат, 1961, стр. 418.

[128] В геологии (тектонике), например, есть две научные позиции: одна настаивает, что главные перемещения земной коры вертикальные, другие — горизонтальные. Стоит только представителю одной из этих школ стать, к примеру, во главе какого-то научного журнала, как с его страниц немедленно исчезают соответствующие «перемещения», принадлежащие противоположной школе, и все начинает двигаться только в одном направлении. По-видимому, такое состояние наблюдается не только в области геологии. Академик Н. В. Белов, указавший на приведенный вы-

ствующими усилиями самих ученых, представляющих различные направления в науке.

Успешная разработка вопроса об этической стороне современного «монополизма» в науке невозможна, как нам представляется, без опоры на требования, заключенные в нравственно-этическом аспекте и во всей системе аспектов марксистско-ленинской партийности.

Основное требование, вытекающее из рассмотрения нравственно-этического аспекта принципа партийности, состоит в том, что нравственность ученых (или научных школ) должна быть нравственностью коллективистской, коммунистической.

Подлинная партийность и подлинная научность неотделимы от коммунистической нравственности.

Итак, мы рассмотрели аспекты принципа партийности, взятом в его отношении к естествознанию. В каждом аспекте мы делали попытку выяснить те основные требования, которые в него включаются и которые в своей совокупности способны служить эффективным средством социальной ориентации субъекта естественнонаучного познания. Стержневым моментом, на который сфокусированы требования всех аспектов принципа партийности и которому они подчинены, является взаимосвязь революционности, пролетарской классовости и строгой научности.

Аспекты принципа партийности внутренне связаны между собой и с естествознанием. Только при неотделимости аспектов друг от друга (например, общеметодологического от мировоззренческо-гносеологического, нравственно-этического от социально-политического) можно полностью ощутить и идеологизм, и научность каждого аспекта, взаимозависимость его оценочной и познавательной функции.

По отношению к объекту коммунистической партийности (в данном случае — к естествознанию) не все аспекты, как мы видели, одинаковы: в разных разрезах различна роль различных аспектов. Так, с точки зрения общих социальных условий развития естествознания наиболее значимым представляется социально-политический аспект, с точки зрения непосредственно-субъективных условий научного творче-

---

ше факт во взаимоотношениях школ в геологии, высказывает мнение, что соперничество школ допустимо и даже полезно, но лишь до определенного предела, за которым оно принимает слишком эмоциональный и самодовлеющий характер; после того как этот предел перейден, соперничество становится особенно опасным (Н. В. Белов. Соперники или друзья? В сб.: «Наука сегодня». Под ред. С. Р. Микулинского. М., «Молодая гвардия», 1969, стр. 238).

целостную систему. Предыдущие три звена служат основанием четвертого, который, в свою очередь, придает силу нравственного закона требованиям, входящим в другие аспекты. Те или иные действия субъекта познания, совершаемые в социально-политической сфере или в области гносеологии, общей методологии, подвержены моральным оценкам.

В связи с целостным рассмотрением аспектов принципа партийности может ставиться и вопрос о критериях марксистско-ленинской партийности.

Позиция того или иного субъекта должна, что очевидно, оцениваться как партийность подлинно коммунистическая, когда выполняются все основные требования этой партийности. В случае невыполнения каких-либо отдельных требований, имеющихся в аспектах принципа партийности, оценка позиций субъекта, претендующего на научную партийность, может быть различной — от определения той или иной степени его отхода от этой партийности вплоть до квалификации его позиции как немарксистской. Во всех случаях, конечно, необходима конкретная оценка.

Принцип партийности при его применении к естествознанию органически вплетается в условия научного исследования, в сам процесс научного творчества.

Глава V

СОЮЗ ФИЛОСОФИИ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Принцип партийности, разработанный классиками марксизма-ленинизма, вбирает все наиболее ценные идеи нравственно-этического, философского и социально-политического порядка, выдвигавшиеся когда-либо в истории человеческой мысли; эти идеи достигают в нем своего наивысшего теоретическкго развития, отточенности, слаженности на основе строгого монизма, последовательной устремленности на объективность, на общечеловеческие ценности. Но создание принципа партийности, этого величайшего достижения разума человека, не есть, однако, его немедленное осуществление в жизни, в «сущем». Он должен реализоваться в конце концов, преодолев массу препятствий социально-классового, идеологического, психологического характера.

Принцип партийности выступает прежде всего как цель, как программа, как «должное», как «категорический императив».

Ведущую роль в утверждении этого принципа в жизни (т. е. в совпадении «сущего» с «должным») призваны сыграть коммунистические партии; они направляют практические действия пролетариата и передовых слоев общества на реализацию требований коммунистической партийности, на переустройство социальной действительности и общественного сознания в соответствии с этим принципом.

Возьмем отдельный слой интеллигенции — естествоиспытателей.

В буржуазном обществе их сознание, как правило, буржуазно или мелкобуржуазно. Значительная их часть разделяет позиции естественноисторического материализма, а некоторые отстаивают взгляды идеалистического, агностического и метафизического толка. Какая-то часть так или иначе, но переходит на точку зрения научной марксистско-ленинской партийности.

Коммунистические партии активно влияют на процесс

формирования принципа партийности в сознании естествоиспытателей.

Круг вопросов, охватываемых при этом (о «стихийном» и «сознательном» движении естествоиспытателей к материалистической диалектике, об отношении марксистов к философской и политической эволюции естествоиспытателей, об отношении марксистов к научному наследству и т. д.), составляет проблему «филогенетического» генезиса принципа партийности в области естествознания.

Историческая заслуга научного решения проблемы генезиса (становления, формирования) принципа партийности принадлежит В. И. Ленину. В применении к естествознанию им была создана целостная концепция **союза философии и естествознания.**

Союз философии и естествознания [1] является своего рода переходным этапом на пути от «разорванности», «взаимоотчужденности» естествознания и материалистической диалектики, физического и умственного труда (в классово-политическом генезисном отношении) к осуществлению их гармоничного единства. Целью союза философии и естествознания является утверждение в научном творчестве каждого естествоиспытателя (а соответственно — и в «субъективной» основе естествознания) принципа коммунистической партийности.

Целью этого союза является утверждение в мышлении естествоиспытателей таких составных элементов принципа партийности, как требований пролетарской классовости политических позиций, материалистической определенности гносеологических установок, творческого владения всеобщей диалектической методологией и воспитания подлинно коммунистической нравственности.

Остановимся на некоторых моментах, характеризующих принцип партийности в его генезисе в естествознании (среди естествоиспытателей) [2].

---

[1] Под «философией» в данном контексте понимается марксистско-ленинская философия.

[2] См. об этом подробнее: А. Я. Ильин. О диалектико-материалистических основах развития современной биологии. Изд-во МГУ, 1967; П. В. Алексеев. Марксистско-ленинская философия и медицина в СССР. М., «Медицина», 1970; Г. В. Беляев, П. В. Алексеев. О разработке проблемы становления союза философии и естествознания в СССР. В сб.: «Проблемы взаимосвязи философии, естествознания и медицины». М., 1968; И. Калайков. Идеи В. И. Ленина о союзе ученых-естествоиспытателей с философами-марксистами и наша современность. В сб.: «Теоретическое наследие В. И. Ленина и медицина», под ред. Г. И. Царегородцева. М., «Медицина», 1970; М. М. Абрашнев. Значение субъективного фактора в развитии и укреплении союза философов-марксистов и естествоиспытателей. В сб.: «Диалектика объективного и субъективного в развитии социалистического общества». М., «Мысль», 1970.

1. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Первый, ведущий аспект союза философии и естествознания «работает» тогда и постольку, когда и поскольку социологические, философские и политические позиции естествоиспытателей нуждаются в переориентации в соответствии с требованиями первого аспекта принципа партийности. То же, по существу, относится и к другим аспектам союза философии и естествознания. В той мере, в какой достигается совпадение «сущего» с «должным», осуществляется и трансформация задач союза философии и естествознания, их самоисчерпание.

Одно дело — социально-политический аспект союза в буржуазном обществе или в странах, только что вставших на путь социализма, другое дело — в уже построивших социализм, достигнувших ступени морально-политического единства всех слоев общества. Но во всех вариантах (в последнем варианте — в «снятом», а не элиминированном виде) союз философии и естествознания имеет социально-политическую основу, социально-политические задачи.

В. И. Ленин обращал внимание марксистов на достижение, в первую очередь, классово-политического союза с естествоиспытателями-некоммунистами. Он указывал: «Без союза с некоммунистами в самых различных областях деятельности ни о каком успешном коммунистическом строительстве не может быть и речи. Это относится и к той работе защиты материализма и марксизма, за которую взялся журнал «Под Знаменем Марксизма»[3]. Владимир Ильич подчеркивал далее необходимость вскрывать связь классовых интересов и классовых организаций современной буржуазии с идеализмом и религией, вести войну против современных «образованных» крепостников. В ряде своих выступлений послеоктябрьского периода В. И. Ленин ставил задачи, выполнение которых должно было привести к пролетаризации политических позиций деятелей науки.

В своей работе «О диктатуре пролетариата» В. И. Ленин обобщил основные моменты (направления, этапы) политики партии в отношении буржуазных «спецов». Историческое (и логическое) «развертывание» всех новых форм классовой борьбы при диктатуре пролетариата должно было вести от «подавления сопротивления эксплуататоров» («пресечения контрреволюции») через «нейтрализацию средних элементов» и «использование специалистов» к «воспитанию новой дисциплины», к созданию политического единства специалистов

---

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 23—24.

науки с пролетариатом, с трудящимися классами[4]. Сущность этого процесса перехода (именно перехода, без крайних звеньев) и составляет в общем то, что было определено В. И. Лениным как «союз науки и рабочих».

В переходный период от капитализма к социализму актуальное значение (в плане первой из названных форм классовой борьбы) приобретает дифференциация таких понятий, как «политическая враждебность» и «контрреволюционность».

По отношению к контрреволюционным элементам (встречавшимся, к сожалению, и среди известных представителей науки) В. И. Ленин считал необходимым применение иных мер, нежели по отношению к враждебно настроенным, но добросовестно работавшим специалистам. Ленинская тактика базировалась на пресечении, подавлении активных контрреволюционных действий и широком использовании в деле строительства социализма специалистов науки, даже враждебно настроенных. Было бы комедией, как отмечал В. И. Ленин, «убеждать» и вообще «психологически влиять» на контрреволюционеров и изменников родины. Относительно химика проф. М. М. Тихвинского, передавшего на Запад секретные сведения о состоянии нефтяной промышленности, Владимир Ильич писал: «Тихвинский **не** «случайно» арестован: химия и контрреволюция не исключают друг друга»[5].

Но основным направлением политики В. И. Ленина в отношении буржуазных спецов была политика на всемерное привлечение их к делу социалистического строительства и стремление политически их перевоспитать[6].

---

[4] Необходимо заметить, что на практике все эти формы классовой борьбы были переплетены и взаимосвязаны между собой. «Нейтрализация», например, могла происходить лишь на фоне осуществления задач по «пресечению контрреволюции» и «привлечению спецов». В то же время два процесса — «привлечение спецов» и «нейтрализация средних элементов» — самостоятельно друг от друга и во взаимной связи имели тенденцию к «воспитанию новой дисциплины».

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 169.

[6] В. И. Ленин рассматривал тактику, предлагавшуюся левыми доктринерами в отношении политически враждебных «спецов» (тактику либо на их физическое уничтожение, либо принуждение, либо ультимативное и немедленное их «пролетаризирование») как ошибочную, некоммунистическую и ненаучную. Такая тактика левых доктринеров посягала на высшие культурные ценности и способна была нанести ущерб научному и социальному прогрессу. Она исходила из недооценки моральной, идеологической и психологической силы партии. Позиция левых оппортунистов, позиция «спецеедства» вообще, способна была нанести большой ущерб процессу партийно-идеологического завоевания буржуазных специалистов науки. «Если все наши руководящие учреждения, т. е. и компартия, и Совправительство, и профсоюзы, — подчеркивал В. И. Ленин, — не достигнут того, чтобы мы как зеницу ока берегли всякого спеца, работающего добросовестно, с знанием своего дела и с любовью к нему, хотя бы и совершенно чуждого коммунизму идейно, то ни о каких серьезных успехах в деле социалистического строительства не может быть и речи» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 350—351).

В. И. Ленин указывал на необходимость «воспользоваться всеми специалистами, какие есть»[7], «привлечь всех до последнего (ибо их у нас невероятно мало) буржуазных, т. е. воспитавшихся в буржуазной обстановке и усвоивших плоды буржуазной культуры, специалистов...»[8].

В. И. Ленин был твердо уверен в духовной силе пролетариата, в его способности примером хозяйственного и культурного строительства, методами убеждения изменить классово-политические и философские позиции этой части научной интеллигенции, сформировать в их сознании правильное, научное понимание принципа партийности. Не боязнь этой неизбежной, временной, объясняемой исторически враждебности, а вера в преодоление этой враждебности (и нейтральности) звучали в словах В. И. Ленина: «Мы всех переварим. Они вот нас не переварят»[9].

Тактическая формула: «пресечение плюс привлечение» (пресечение деятельности контрреволюционеров, их действий, и привлечение к строительству социализма всех остальных «спецов», даже враждебно настроенных) должна была дополняться тактикой по политической «нейтрализации».

В. И. Ленин указывал на необходимость «суметь учесть и использовать» поворот «от враждебности большевизму сначала к нейтральности, потом к поддержке его». Но только поддержать этот поворот недостаточно, недостаточно и встретить поворачивающих к пролетариату дружелюбно. «Политик, сознающий свои задачи, — говорил В. И. Ленин, — должен научиться *вызывать* этот поворот в отдельных слоях и группах широкой мелкобуржуазной демократической массы, если он убедился, что для такого поворота имеются серьезные и глубокие исторические причины»[10]. В. И. Ленин учил умению устанавливать «союз» с мелкобуржуазной и буржуазной демократией (к которой относилась, кстати, определенная часть научной интеллигенции), союз в целях борьбы против капитала, в интересах укрепления диктатуры пролетариата. В этой связи по существу проводилась в жизнь формула: «Кто против буржуазии, тот с нами», противостоящая левודоктринерскому лозунгу: «Кто не с нами, тот против нас».

Логически необходимым звеном в процессе духовной эволюции буржуазных и мелкобуржуазных естествоиспытателей при переходе общества от капитализма к социализму является их мировоззренческо-гносеологическое, общеметодологическое и нравственное перевоспитание.

---

[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 19.
[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 143.
[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 381.
[10] Там же, стр. 194.

2. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Данный аспект союза философии и естествознания имеет своей задачей реализацию требований второго аспекта принципа партийности, его формирование среди естествоиспытателей.

В зависимости от различных мировоззренческих позиций производится подразделение естествоиспытателей на несколько направлений и модификация мировоззренческо-гносеологических требований принципа партийности применительно к каждому направлению.

Этим своим аспектом союз философии и естествознания устанавливает определенные взаимоотношения марксистов (как философов, так специалистов-естественников) в первую очередь с последовательными материалистами, но не коммунистами [11]. Здесь учитывается неоднозначная связь философии (материализма) с политикой (пролетарской классовостью), возможность временного совмещения материализма с политической враждебностью (реакционностью) или с политической нейтральностью. В данном случае и в данном отношении первый аспект союза философии и естествознания оказывается присутствующим внутри мировоззренческо-гносеологического аспекта союза. В то же время организация борьбы с враждебной науке гносеологией становится одним из методов изменения политических убеждений естествоиспытателей-некоммунистов.

Вторую группу естествоиспытателей, с которыми рекомендуется установление мировоззренческо-гносеологического союза, составляют представители естественноисторического материализма, т. е. те из ученых, которые, по выражению В. И. Ленина, склоняются к материализму [12]. Среди них могут быть и есть политически преданные рабочему классу естествоиспытатели. Вследствие этих двух обстоятельств задачи марксистов по отношению к ним не совпадают с задачами, формулируемыми по отношению к последовательным материалистам, но некоммунистам. Здесь превалирующее значение приобретает деятельность марксистов по преодолению недостатков данной, переходной формы философской партийности.

Третья группа естествоиспытателей, подлежавшая «подтягиванию» до уровня марксистско-ленинской партийности, состоит из буржуазных ученых типа А. Древса, философские позиции которых, с одной стороны, относительно прогрессивны, направлены либо против религии, либо против каких-то

---

[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 24.
[12] См. там же, стр. 29.

форм идеализма, но, с другой стороны, реакционны, ибо так или иначе смыкаются с новыми формами системных заблуждений. «Союз» с Древсами, подчеркивал Владимир Ильич, «в той или иной форме, в той или иной степени для нас обязателен в борьбе с господствующими религиозными мракобесами» [13]. К ученым-идеалистам, чьи специальные работы можно было использовать в борьбе с теми или иными разновидностями философского идеализма, можно отнести биолога К. Пирсона, физиолога М. Ферворна, физика А. Пуанкаре и др. Использованию подлежат, во-первых, некоторые из их аргументов против других философско-идеалистических концепций, например, махистов, против неокантианцев и т. д., во-вторых, естественнонаучное содержание их специальных работ, где они, достигая известных положительных результатов, вынуждены применять принципы материалистической гносеологии.

В. И. Ленин учил исторически-конкретно подходить не только к каждой группе естествоиспытателей (разновидностям материализма, идеализма, позитивизма, агностицизма), но и к каждой отдельной личности, видеть тенденцию их философского развития и способствовать росту прогрессивной тенденции. В. И. Ленин писал, что «естественник должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом» [14]. Гносеологические задачи союза философии и естествознания должны перерастать в задачи общеметодологические.

Поднятие философско-методологических основ естествознания до уровня диалектического материализма, а также совершенствование и творческое развитие всех сторон материалистической диалектики достигается в борьбе с антинаучными философскими концепциями — идеализмом, агностицизмом и позитивизмом. Этот путь достижения мировоззренческого единства (на базе теории марксизма) выражает сущность процесса соединения диалектического материализма и естествознания, а потому углубление борьбы с идеализмом, агностицизмом и позитивизмом в науке является закономерностью развития союза диалектического материализма и естествознания. Чем успешнее организована эта борьба, тем глубже проникает диалектический материализм в естествознание, тем быстрее специалисты науки становятся материалистами. Научность, диалектичность философского материализма обеспечивается систематической борьбой с механицизмом и вульгарным материализмом, а также углубленной разработкой проблем диалектики.

---

[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 28.
[14] Там же, стр. 30.

3. ОБЩЕМЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Требования общеметодологической стороны принципа партийности при его генезисе среди естествоиспытателей выражены в соответствующем аспекте союза философии и естествознания. Как и в других аналогичных случаях (т. е. по отношению к другим аспектам), нам нет надобности повторять содержание данного аспекта принципа партийности.

Здесь ставится акцент на обеспечение реального эффекта в деле идейно-методологического завоевания естествоиспытателей, на осуществление реального прогресса при формировании в их сознании еще одной стороны принципа партийности [15].

Оценивая в полной мере значение подобной работы марксистов для утверждения принципа партийности в естествознании, В. И. Ленин ставил перед союзом философии и естествознания общеметодологические задачи. Он подчеркивал необходимость творческого развития диалектики в применении к каждой конкретной отрасли теоретического естествознания. При этом в качестве образца такого творческого применения диалектики к конкретной области знания В. И. Ленин выдвигал экономические, исторические и политические работы К. Маркса (в частности, «Капитал») [16]. Не отвергая значимости иллюстрационизма в пропаганде материалистической диалектики, В. И. Ленин подчеркивал опасность подмены задач научной работы задачами пропагандистской работы, опас-

---

[15] Приверженец социально-политической доктрины марксизма, крупнейший физиолог А. Ф. Самойлов не мог, подобно некоторым другим ученым, в течение известного периода понять факт совместимости этой доктрины с естествознанием, с общей методологией познания. Весьма откровенны и значимы для марксистов его суждения, касавшиеся общеметодологической стороны принципа партийности. Он писал: «Те марксисты, которые воодушевлены верою в силу диалектического метода в познании природы, если они при этом специалисты-естественники в какой-нибудь определенной области естествознания, должны на деле доказать, что они, применяя диалектическое мышление, диалектический метод, в состоянии пойти дальше, скорее, с меньшей затратой труда, чем те, которые идут иным путем. Если они это докажут, то этим без всякой борьбы, без излишней бесплодной оскорбительной полемики, диалектический метод завоюет себе свое место в естествознании. Естествоиспытатель прежде всего не упрям. Он пользуется своим теперешним методом только и единственно потому, что его метод есть метод единственный. Такого естествоиспытателя, который желал бы пользоваться худшим методом, а не лучшим, нет на свете. Докажите на деле, что диалектический метод ведет скорее к цели, — завтра же вы не найдете ни одного естествоиспытателя не диалектика». Не во всем можно согласиться с профессором А. Ф. Самойловым, но важна его основная мысль, обращенная к марксистам-естественникам: не декларируйте, а лучше на деле докажите, что ваш, т. е. диалектический метод, — самый эффективный, повышающий во много раз производительность научного труда (А. Ф. Самойлов. Диалектика природы и естествознание. «Под знаменем марксизма», 1926, № 4—5, стр. 81).

[16] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 30.

ность сведения диалектики к сумме примеров. В таком виде диалектика предстает не только обедненной, но одновременно и неспособной быть для естествоиспытателя действенным орудием познания, а следовательно, не помогающей их сознательному переходу на позиции принципа партийности.

Сама задача творческого развития диалектики, как мы видим, имеет классово-политический смысл. Разрабатывать диалектику со всех сторон — важнейший завет В. И. Ленина философам-марксистам и естествоиспытателям [17].

4. НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Классово-политический подход пронизывает у В. И. Ленина и задачи нравственно-этического аспекта союза. Следует при этом учитывать, что в первые годы перехода от капитализма к социализму выдвигаются такие моральные проблемы, которые связаны с перестройкой нравственности как формы общественного сознания, в том числе проблема нравственных качеств личности нового общества, нравственные проблемы во взаимоотношениях между представителями физического и умственного труда, между марксистами и естествоиспытателями некоммунистами и лишь позднее, по мере их решения, все больше и больше дают о себе знать моральные проблемы, касающиеся взаимоотношений самих естествоиспытателей, «формальных» и «неформальных» коллективов.

В. И. Ленин был далек от идеализации моральных качеств не только отдельных слоев пролетариата, но и интеллигенции, которая, казалось, ближе всего была к знаниям и испытывала нравственно-позитивное влияние, идущее от естественных наук. Однако, благодаря особому социальному положению в обществе, интеллигенция подвержена воздействию господствующей морали, перекрывающей зачастую позитивную тенденцию, рождаемую соприкосновением с природой, с процессом выработки знаний о ней. Относительно верхние слои интеллигенции, в том числе и большая часть научной интеллигенции, в условиях капитализма оказываются в некоторых отношениях находящимися далеко не на уровне тех моральных качеств, которые действительно требуются самой наукой и процессом производства научных знаний. Одним из таких качеств, подлежащих преодолению в процессе перевоспитания интеллигенции, оказывается индивидуализм [18]. Вся система мер и методов, разрабатываемых Коммунистической партией по «воспитанию новой дисциплины» (что образует, по В. И. Ленину, особую форму классовой борьбы в условиях

---

[17] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 30.

[18] Об этой характерной черте интеллигенции современного капиталистического общества см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 254.

диктатуры пролетариата) направлена также на приведение нравственных качеств работников науки в соответствие с требованиями нравственно-этического аспекта принципа партийности.

Исторически (генезисно) коммунистическая нравственность начинает активно формироваться среди естествоиспытателей лишь с развертыванием классовой борьбы пролетариата и под ее решающим, все углубляющимся воздействием. Неразрывную связь коммунистической морали с классовой борьбой пролетариата и необходимость сознательного подчинения нравственности такой борьбе отмечал В. И. Ленин в 1920 г. на третьем съезде РКСМ. «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали... Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата» [19].

В. И. Ленин видел серьезные трудности и сложности, объективно не дающие возможности идеологического (нравственного) перевоспитания старых кадров специалистов в короткие сроки; он указывал, что эта задача будет решаться до конца диктатуры пролетариата и будет решена **не раньше** уничтожения классов. Когда один из марксистов И. И. Скворцов-Степанов посчитал, что научная лаборатория того времени — это «сплоченный коллектив, действующий согласованно, солидарно и сознательно во всех его элементах», В. И. Ленин поправил его, заметив по поводу такого суждения: «Неверно. Это не может быть раньше *уничтожения классов*. Это выходит не по-научному, а по-сентиментальному» [20].

5. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Все предыдущие аспекты союза философии и естествознания находят свое дополнение в организационно-практической работе марксистов, которая должна пронизывать эти аспекты и их «материализовывать». Касаясь, к примеру, философских аспектов (второго и третьего), В. И. Ленин в произведении «О значении воинствующего материализма» указывал, что марксисты — сотрудники журнала «Под знаменем марксизма» — **должны организовать** систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения; они должны стать своего рода «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики». Необходимо **научиться помогать** современным естествоискателям находить в «материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естест-

[19] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 309.
[20] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 311.

вознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды»[21].

Успешное решение задач организационно-практического характера так же, как и иных задач союза, невозможно без борьбы с враждебными концепциями. В данном аспекте врагом союза философии и естествознания оказывается, в первую очередь, леводоктринерский антисциентизм. В практически-организационном отношении левое доктринерство проявляется в тенденции постоянно менять организационные формы работы, не считаясь с последствиями таких реорганизаций, в попытках втиснуть в надуманные формы живую организаторскую работу. Иначе говоря, его характеризует организационный релятивизм, волюнтаристский активизм и неадекватность форм и методов работы конкретным задачам текущего момента. Левые доктринеры чрезмерно торопят исторические процессы, не учитывают всех условий движения вперед и в погоне за количественными и внешними показателями наносят часто труднопоправимый ущерб всему движению. Они отгораживаются от отстающих масс выдуманными ребячески «левыми» лозунгами, а нужно не отрываться от масс, а уметь убедить их, уметь работать среди них. «Большего неразумия, большего вреда для революции, приносимого «левыми» революционерами,— говорил В. И. Ленин,— нельзя себе и представить!»[22].

Левые доктринеры неспособны трезво оценить соотношение классовых сил, неспособны гибко лавировать, терпеливо и медленно строить, как неспособны победить в себе мелкобуржуазную распущенность. В. И. Ленин отмечал: «Беда этих горе-революционеров состоит в том, что даже у тех из них, кто руководится лучшими в мире побуждениями и отличается безусловной преданностью делу социализма... недостает выдержки в трудные минуты трудного перехода»[23].

В. И. Ленин предостерегал коммунистов от организационной торопливости, от злоупотребления властью в вопросах «союза философии и естествознания». Декретирование, поспешность, понукание естествоиспытателей, применение к ним идеологического насилия могут лишь отрицательно сказаться на естественно необходимом процессе их движения к принципу партийности и привести к внешнему признанию его значимости при внутренней к нему индифферентности.

Как указывал В. И. Ленин, в вопросе о подведении массы на новую позицию, способную обеспечить победу авангарда в революции, нельзя добиться успеха без ликвидации левого доктринерства.

---

[21] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 31.
[22] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 37.
[23] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 207.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Союз марксистско-ленинской философии и естествознания являлся и является необходимым, исторически закономерным этапом на пути движения естествоиспытателей-некоммунистов к принципу партийности в эпоху перехода общества от капитализма к социализму.

В нашей стране выполнено завещание В. И. Ленина о создании и упрочении союза марксистов с естествоиспытателями-некоммунистами. Решена основная задача, поставленная перед этим союзом, а именно: преодоление идеализма, вовлечение естествоиспытателей в социалистическое строительство, мировоззренческое их перевоспитание.

В настоящее время социально-политическое и идейное единство философов и естественников создало все возможности для творческого развития науки. В партийно-идеологическом плане перед содружеством философов и естественников стоит еще ряд задач, в том числе преодоление пережитков позитивистского отношения к философии среди некоторой части ученых, дальнейшая конкретная разработка философско-методологических проблем естествознания, установление подлинно коммунистических этических отношений между научными направлениями и т. д.

Все главные «вехи» исторического генезиса принципа партийности (его «филогенеза») теперь повторяются в каждодневной работе по воспитанию отдельных специалистов науки, по формированию в мышлении каждого из них (т. е. в «онтогенезе») научно обоснованных норм принципа партийности.

Воспитание в настоящее время каждого специалиста естественных наук есть «свернутый» в своей «выравненности»

исторический генезис принципа партийности. Здесь имеет место закон совпадения логического с историческим.

Весьма актуальна с «логической» («онтогенетической») точки зрения мысль, высказанная В. И. Лениным в связи с филогенетическим разрезом принципа партийности: «инженер придет к признанию коммунизма *не так*, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, *а через данные своей науки... по-своему* придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т. д.» [1].

В условиях нашей страны это положение В. И. Ленина преломляется «онтогенетически» в системе общественного, в частности, вузовского воспитания молодых специалистов науки. Курс марксистско-ленинской философии профилируется для студентов и особенно для аспирантов. Создана сеть философско-методологических семинаров на естественнонаучных кафедрах, в научно-исследовательских институтах и лабораториях. Через восприятие связи теоретических проблем естествознания с философией (или социологией) укрепляется партийная ориентация настоящих (или будущих) деятелей науки.

В формировании коммунистической партийности у естествоиспытателей участвуют многие слагаемые (а не один, только что нами упомянутый). Общественно-политическое, мировоззренческое, нравственно-этическое воспитание не есть нечто, чужеродное для специально-научного образования. Это есть одновременно борьба нашей партии и нашего общества за науку, за обеспечение таких субъективных (социальных) позиций исследователя, которые в наибольшей степени помогали бы достижению максимально достоверного знания.

Целесообразно в полной мере учесть все ценное, имевшееся когда-то в историческом генезисе принципа партийности в целях его наиболее рационального и эффективного «онтогенетически»-генезисного применения.

В нашей стране исторические условия сложились так, что «филогенетический» генезис принципа партийности среди естествоиспытателей шел в общем по такому руслу: сначала трансформировался социально-политический аспект партийности, затем мировоззренческо-гносеологический, и наконец, общеметодологический. В современном нам капиталистическом лагере в качестве тенденции и среднестатистически наблюдается несколько иное направление партийной эволюции естествоиспытателей: от общеметодологической трансформации (через материал своей науки, под влиянием успехов ученых-марксистов) к гносеологической, а затем и классово-политической трансформации (эта эволюция по вполне понятным причинам может оказаться и часто оказывается незавершен-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 346.

ной, оборванной в каком-то звене). Качественную специфику партийной основы естествознания нашей страны определяет марксистско-ленинская форма партийности; для естествознания же капиталистических стран характерно наличие переходной формы партийности с ее двумя тенденциями.

В плане отношения советских марксистов к зарубежным естествоиспытателям-некоммунистам, в особенности к ученым капиталистических стран, все поставленные В. И. Лениным задачи по созданию союза философии и естествознания сохраняют свое непреходящее значение.

ОГЛАВЛЕНИЕ

П. В. Алексеев, А. Я. Ильин

ПРИНЦИП ПАРТИЙНОСТИ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

Тематический план 1971 г. № 12—13

Редактор *Н. П. Барбариго* Технический редактор *Г. И. Георгиева*
Обложка художника *Н. Н. Румянцева*
Корректоры *Т. М. Ильенко, М. И. Эльмус*

Сдано в набор 1.II 1972 г. Подписано к печати 10.V 1972 г.
Л-109382 Формат 60×90 1/16 Физ. печ. л. 8,5 Бумага тип. № 1
Уч.-изд. л. 9,5 Изд. № 1318 Зак. 54 Тир. 5 300 экз. Цена 60 коп.

Издательство Московского университета
Москва, К-9, ул. Герцена, д. 5/7.
Типография Изд-ва МГУ. Москва, Ленинские горы

60 коп.

